

Глава 2.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ЧУДАКОВ
(1888—1918)**Убитая песня**

Судьба выдающегося сатирика в контексте трагической эпохи

В первый весенний день 1918 года Благовещенск, ещё не пришедший в себя после ожесточённых уличных боёв, облетела потрясшая всех скорбная весть: накануне, в ночь с 28 февраля на 1 марта (по ст. стилю) покончил самоубийством самый известный в городе журналист и поэт Фёдор Чудаков. Вместе с ним счёты с жизнью свела его жена Варвара, учительница народного училища имени Льва Толстого. Мертва оказалась и единственная их дочь — шестилетняя Наташа. Бездыханным был даже Макс (Максимка) — собака Чудакова, верный четвероногий друг, с которым он не расставался со времени енисейской ссылки (1907–1908), забавный персонаж многих его очерков, юмористических рассказов, стихов и фельетонов.

Что же произошло в ту роковую ночь в доме по улице Соборной, 91 (ныне Октябрьская), что побудило Варвару Ипполитовну и Фёдора Ивановича принять столь чудовищное решение — убить и себя, и свою дочь? Предсмертная записка, опубликованная вскоре, особой ясности как будто бы не вносит (по крайней мере, для живущих веком позже): «Ко всем. Прощайте! Уходим от вас честными и чистыми: на наших руках нет крови. Будьте счастливы! Да здравствует разум! Фёдор Чудаков. В.И. Чудакова. 28 февраля 1918 г.». Спустя две недели стало известно содержание прощального письма, адресованного родному брату сатирика Дмитрию, простому типографскому рабочему, которое проливает дополнительный свет на причину случившегося: «...Умираем радостно. Впереди видим много лет скорби и муки. Подличать и приспособляться не желаем. Тебе, как рабочему, легче пере-

жить совершающееся... Жить больше не вижу возможности. Думаю, что прожил свою жизнь честно, сделал для народа всё, что был в силах, и теперь, видя, что народ идёт по ложному пути, ухожу от жизни. Думаю, что и это честно».

Судя по первой записке (и по «Завещанию Ф.И. Чудакова», напечатанному 14 (27) марта: «Похоронить нас просим всех вместе, но только после того, как будет установлено, что мы мертвы, а не находимся в обмороке»), задуман был бескровный уход. Как выяснили газетные репортёры, Чудаковы хотели покончить с собой с помощью угарного газа, закрыв раньше времени печные заслонки. Однако спустя какое-то время Фёдор и его жена, видимо, пришли в себя. Дочь была мертва или находилась в бессознательном состоянии. Выбора не было. Остаться в живых после смерти Наташи было выше их сил. И тогда в ход пошла хранившаяся в доме охотничья двустволка...

Как комментировали газеты того времени, причиной трагического ухода талантливого поэта стало то, что он, в недавнем прошлом ссыльный революционер, эсер по партийной принадлежности и убеждениям, не смог перенести дискредитации святых для него революционных, социалистических идеалов... Понять истинный смысл этих слов нельзя без обращения к историческому контексту.

С 21 по 28 февраля (с 6 по 13 марта по новому стилю) 1918 г. в Благовещенске разворачивались драматические события, вошедшие в исторические справочники под названием *Гамовский мятеж*. Накануне, с января, в городе фактически установилось двоевластие: городской Совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил власть Советов, а земская управа, поддержанная казачьим войсковым правлением, отстаивала полномочия органов местного самоуправления. Непримиимые политические противоречия переросли в открытое столкновение, в результате которого город был захвачен отрядами добровольной гражданской милиции, сформированной земскими органами. Атаман Амурского казачьего войска И.М. Гамов был назначен военным руководителем исполкома Народного совета, сформированного из руководителей областной земской и городской управ. В Благовещенске прошли массовые аресты членов городского Совета, красногвардейцев, комиссаров. Сторонники советской власти отступили в пригород — Астрахановку, где начали формировать вооружённые отряды и ждать подкреплений из Забайкалья и Приморья. Решающие события произошли 27 февраля (12 марта), когда отряды красных повели наступление на Благовещенск. Бои на улицах города были жестокими, применялись пулемёты и артиллерия. К вечеру Благовещенск был в руках значительно превосходящих по численно-

Ф.И. Чудаков

сти войск революционного штаба, а 28 февраля, в день самоубийства Чудакова, оказались подавлены последние очаги сопротивления. Всё это сопровождалось убийствами мирных жителей, массовыми погромами, грабежами, в которых участвовали и криминальные элементы, и часть захвативших город красных. Жертвами этих событий с обеих сторон стали, по самым скромным подсчётам, около 400 человек. Несколько тысяч из числа противников советской власти, а также из числа интеллигенции и состоятельных горожан, спасаясь от смерти, бежали по льду на другой берег Амура — в китайский город Сахалян (ныне Хэйхэ).

Один из соратников Чудакова по журналистской работе вспоминал о последней встрече с ним:

«Перед наступлением [красных] из Астрахановки он заходил в редакцию “Голоса труда”. Узнав, что там хотят принять какие-то шаги к предотвращению кровопролития, Фёдор Иванович, бледный, осунувшийся, страшно расстроенный, потрясённый до последней степени, сдавленным, отрывистым голосом сказал:

— Поздно... уже... пулемёты... работают...

И в глазах у него стояли слёзы, и вся его фигура выражала глубокую, не передаваемую никакими словами печаль и острую душевную муку.

— Не выживет, — невольно подумали видевшие его в ту минуту, но, к сожалению, после его ухода все о нём забыли, будучи всецело поглощены надвигавшимся на город кровавым кошмаром».

О том, что происходило в эти дни в Благовещенске, рассказал в художественно-документальном романе «Враги» (1941) свидетель и участник событий Яков Лович (1896–1956), сын известного революционного деятеля Л.Г. Дейча, жившего в административном центре Амурской области в 1899–1901 гг.:

«Торжествующий рёв победителей по всему городу, смертельный вопль побеждённых — растерянных, мечущихся по улицам в поисках спасения.

Из дома в дом перебегают красные — опьянённые победой, безнаказанностью, стопками водки, кровью. Где-то в центре города застрелили, искололи штыками отца и сына Писаревских, зверски прикончили штыками визжавшего от боли и ужаса сына доктора Илюшу Хоммера, застрелили учителя Захарова, превратили в решето Емельянова. Пробили череп и изуродовали известного всему городу чудака и футуриста Флигельмантова <...>. Убит на улице миллионер Тетюков. Убил жену, дочь и себя поэт Чудаков, оставив записку, что разочарован в русском народе.

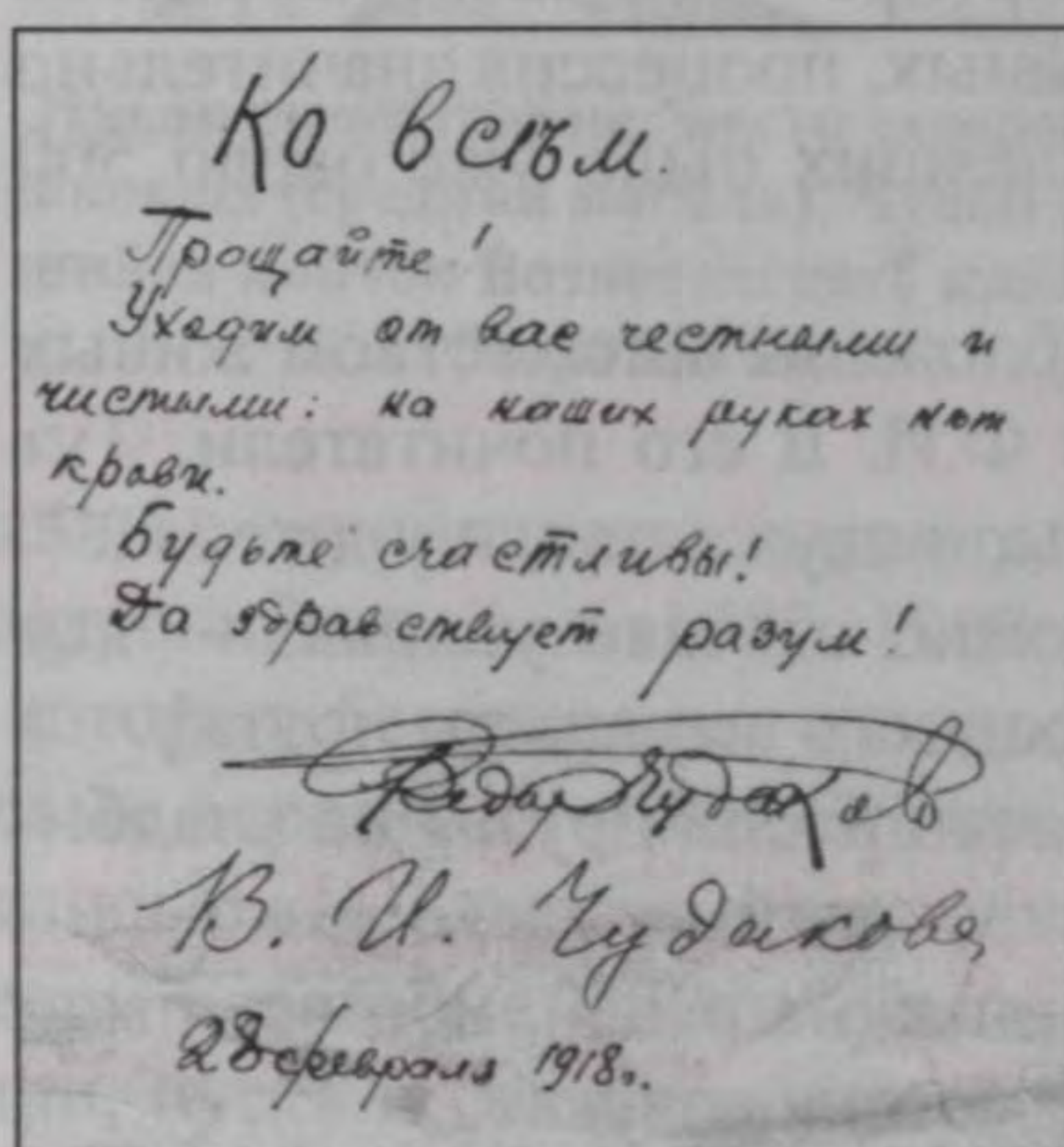
На тротуарах, у заборов, на крыльцах домов — трупы, трупы, трупы. Шёл повальный грабёж. Врывались, убивали, отнимали всё ценное, а то, что нельзя было взять с собою сразу, грузили потом на подводы. Били зеркала и посуду, ломали иконы и мебель, рубили шашками дорогие ковры, стреляли в люстры, распарывали штыками диваны, подушки, одеяла, обои».

До Чудакова доходили слухи о гибели друзей, об убийствах безоружных людей в их квартирах, о грабежах и насилиях, о валяющихся на улицах раздетых донага трупах «буржуев», о залитых кровью тротуарах. Знакомые поэта свидетельствовали: во время уличных боёв и сопровождавших их погромов Чудаков ждал, когда к нему ворвутся мародёры и избавят от необходимости быть свидетелем той мерзости, которая творилась святым для него именем революции. И когда он увидел, что «избавители» не являются к нему — «решил сам избавить себя и свою семью от дальнейших душевных мук и страданий». В свете всех этих чудовищных событий понятнее становятся слова из прощального письма, приведённого выше: «Уходим от вас честными и чистыми: на наших руках нет крови». Чудаковы, посвятившие свою жизнь борьбе за социальное освобождение народа, за справедливость и равенство, не хотели иметь ничего общего со своими недавними союзниками по революционному социалистическому лагерю, устроившими в Благовещенске бойню, пролившими реки крови. Словесное размежевание с бывшими соратниками, оказавшимися теперь убийцами и грабителями, не казалось им достаточным для выражения своего абсолютного неприятия большевизма. Нужен был поступок, а не слова, которые в данной ситуации никого отрезвить не могли. Ценой собственных жизней, ценой жизни единственного ребёнка они хотели выразить отношение к тому, что творят «властьсоветские» (ироничное выражение *Амурца*). Фёдор и Варвара Чудаковы сделали всё, что было в их слабых человеческих силах, чтобы образумить убийц, чтобы предостеречь их от дальнейших преступлений, и тем попытались спасти жизни других людей, чужих детей. Это была их Голгофа, их

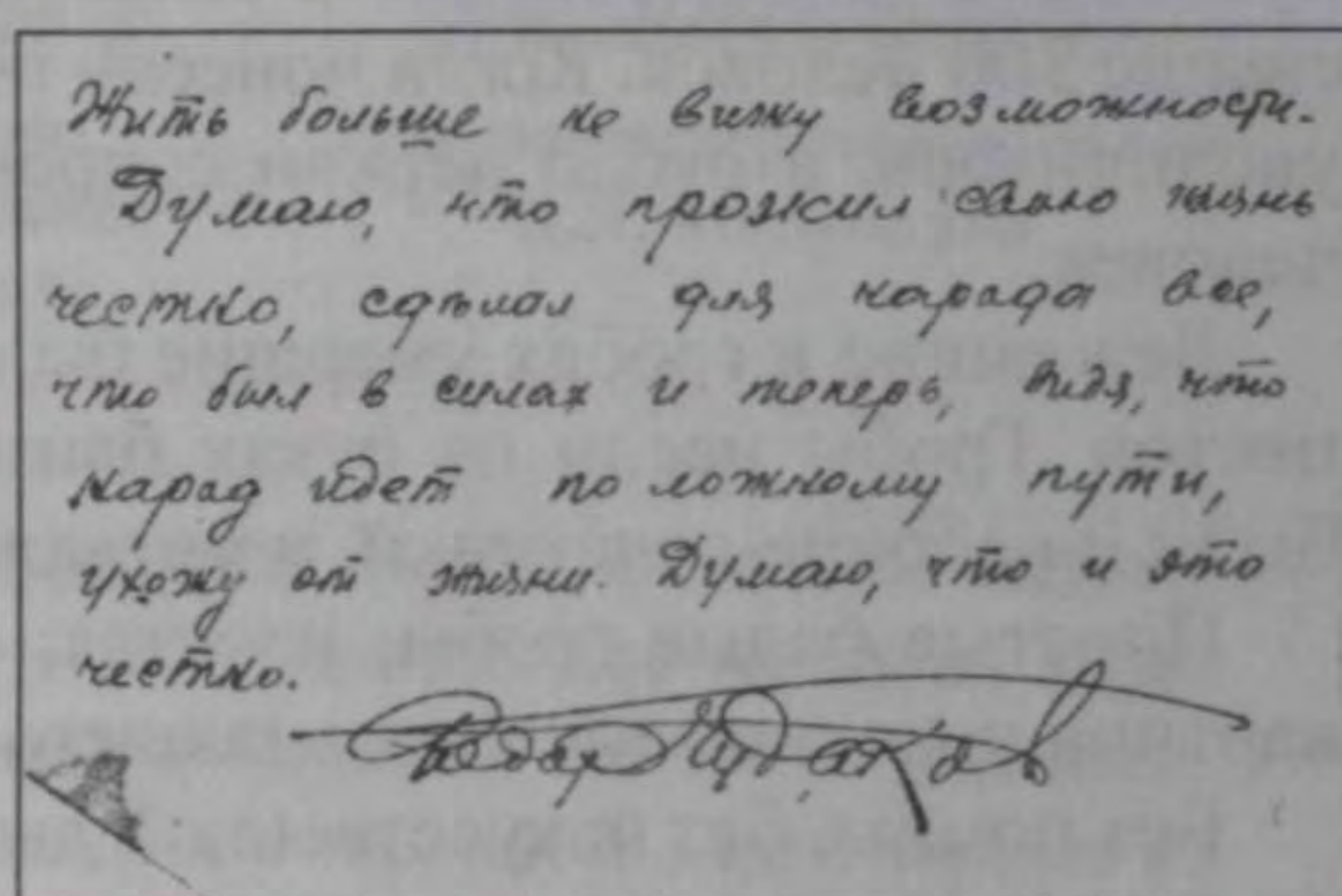

Семья Чудаковых
незадолго до гибели

Последняя страница
предсмертного
письма Ф. Чудакова,
адресованного
брату Дмитрию

Предсмертная записка
Фёдора и Варвары Чудаковых.
28 февраля 1918 г.

Семья Чудаковых
на смертном одре.
Март 1918 г.

жертвенная попытка остановить неумолимо надвигающуюся на Благовещенск, на всю Россию гражданскую войну...

Похороны Чудаковых состоялись 4 (17) марта, когда ещё далеко не все жертвы кровавой бойни были преданы земле, когда улицы Благовещенска ещё не отчистили от подмёрзшей людской крови, когда у подавляющего большинства ещё было живо ощущение крошечного ада, в который погрузился город. Разрешение похоронить Чудаковых на Вознесенском кладбище новые власти выдали лишь 3 (16) марта.

Похороны прошли по православному обряду, чин погребения осуществляли священник Леонид Знаменский и дьякон Стефан Бухтояров.

Несмотря на хаос и ужас, которые царили в Благовещенске, проститься с любимым поэтом и его семьёй пришло множество людей — газетчиков, друзей, но более всего — простых горожан, его читателей.

Хабаровская газета «Приамурская жизнь» (в захваченном красными Благовещенске такие публикации тогда были невозможны) в номере от 10 (23) марта рассказала о том, как проходило прощание:

«Несмотря на подавленное и тревожное настроение, царившее в городе, на похороны любимого юмориста собралось очень много публики. К 4-м часам дня к бывшей квартире Чудаковых набралось свыше 300 человек. Когда понесли покойных, процессия значительно увеличилась, а около церкви сопровождавших было уже около 500 человек.

Лежавшие в гробах умершие были обложены множеством живых цветов. Гробы несли на руках близкие Ф.И. и его почитатели. Тут были и рабочие-печатники, и металлисты, и служащие, и учителя...

Простые белые гробы, простая, скромно одетая публика, — вот картина похорон замечательнейшего народного амурского поэта!

Без помпы, без искусственной пышности несли друзья на кладбище последние останки лирика и юмориста.

Над могилой поэта не было сказано никаких речей, ибо все были слишком подавлены утратой всеми любимого человека».

В завещании Фёдора Ивановича и Варвары Ипполитовны, которое было опубликовано в 7-м выпуске журнала «Дятел, беспартийный», содержалась просьба: «Похоронить нас просим всех вместе». О том, была ли исполнена эта последняя воля, долгое время ничего не было известно. Вознесенское кладбище, на котором похоронили Чудаковых, сохранилось не полностью — большая его часть в советское время была варварски снесена и застроена буквально на костях жилыми домами, производственными строениями, гаражами и т.п. И лишь недавно, буквально накануне 100-летия с момента смерти, удалось выяснить, что «Фёдор Иванович похоронен на Вознесенском кладбище рядом с могилой известного народовольца Манучарова; его жена и девочка погребены вместе с ним в одной могиле» (Приамурская жизнь. 1918. № 2558. 10 (23) марта).

Место упокоения Ивана Львовича Манучарова (1862–1909) — легендарного, известного всей России народовольца, мужественно, достойно перенёсшего десятилетнее заключение в казематах печально знаменитой Шлиссельбургской крепости, шестилетнюю ссылку на

Предположительно, место захоронения Чудаковых (средняя могила). Чудом сохранившийся клочок Вознесенского кладбища.

Март 2018 г.

Революционер-народоволец И.Л. Манучаров

Сахалин, журналиста, видного сотрудника благовещенской газеты «Амурский край» в 1902–1909 гг. — и соседние две могилы, одна из которых безымянная, каким-то непостижимым образом уцелели. Весьма вероятно, что захоронение рядом с могилой Манучарова (с надписью «Неизвестный» на надгробии) — общая могила Чудаковых. А если и нет, она должна находиться где-то рядом, на этом пятачке земли, пусть и без могильного холмика. Все три надгробья, похоже, установили в советское время. На могиле Чудаковых до этого времени памятника не было; она была фактически безымянной, в советские годы, когда, видимо, решили подновить захоронение И.Л. Манучарова, заодно привели в порядок соседние могилы, в том числе и забытую, ставшую безымянной могилу Чудаковых.

Этот крохотный осколок Вознесенского кладбища расположен на чётной стороне Октябрьской (бывшей Соборной) улицы, недалеко от её пересечения с улицей Калинина (бывшей Графской). Буквально в квартале от этого места (между нынешними Калинина и Богдана Хмельницкого) жили Чудаковы.

К моменту гибели Фёдор Чудаков являлся самым ярким, самым блистательным писателем Приамурья. Поражала воображение и многогранность его талантов: сатирик, лирик, прозаик, драматург, публицист, театральный и литературный рецензент, художник-карикатурист, автор поэтических и прозаических переводов с украинского... Чудаков был (разумеется, не одновременно) сотрудником, а в неко-

торых случаях и редактором — официальным или фактическим — целого ряда благовещенских газет («Амурский листок», «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело») и сатирических журналов («Бузуй», «Колючки», «Зея», «Дятел, беспартийный»). В них он печатался под разными псевдонимами: *Амурец*, *Босяк*, *Гусляр* (как варианты: *Г-р*, *Гу-рь*, *Г-рь*, *Г-ь*), *Кузьма Резниченко* (*К. Рез.*), *Фёдор Ч.* (*Фёд. Ч.*, *Ф. Ч.*), *Язва* (*Я.*, *Я-а*, *Jasva*)... Псевдонимы *Босяк* и *Кузьма Резниченко* Чудаков активно использовал в первые годы жизни в Благовещенске, затем они почти сошли на нет. Псевдоним же *Амурец*, поначалу применявшийся редко, со временем стал его «визитной карточкой»: уроженец города Чембара Пензенской губернии, оказавшийся на Амуре в двадцать лет, подписывал им самые «ударные», самые отточенные свои произведения, прежде всего стихотворные фельетоны (а псевдоним *Чембарский*, напротив, не прижился: Чудаков использовал его лишь однажды — под стихотворением «Блестящим бисером осыпаны берёзы...», опубликованным 24 декабря 1910 года в газете «Эхо»). *Гусляр* и *Язва* — тоже из числа широко известных, наиболее узнаваемых его псевдонимов. С ними сатирик не расставался до конца жизни, ими он дорожил настолько, что когда кто-нибудь из дальневосточных фельетонистов пытался воспользоваться этими, как сказали бы сейчас, «раскрученными брендами», Чудаков протестовал, апеллировал к общественности, к читателям, требовал прекратить посягательство на его устоявшиеся «литературные имена». Отстаивая своё право на тот или иной псевдоним, он готов был даже «снять маску», впрочем, в Благовещенске и без того хорошо знали, кому принадлежат данные псевдонимы. В качестве иллюстрации можно привести любопытное «Письмо в редакцию», опубликованное в благовещенской газете «Эхо» 13 (26) апреля 1914 года:

Милостивый государь господин редактор!

Не откажите в любезности напечатать следующее: время от времени в хабаровской газете «Голос Приамурья» появляются фельетоны и заметки, подписанные псевдонимом Язва. Между тем, я, нижеподписавшийся, работаю под псевдонимом Язва в благовещенских газетах уже 6-й год и, весьма понятно, желал бы работать и впредь, не деля своего литературного имени с сотрудником «Голоса Приамурья». Считая за собой, по крайней мере, право старшинства на свой псевдоним, предлагаю г-ну «Язве» из «Голоса Приамурья» избрать себе другой псевдоним.

Секретарь газеты «Эхо» Фёдор Чудаков.

В январе — феврале 1918-го, незадолго до гибели, Чудаков издавал еженедельный сатирический журнал «Дятел, беспартийный», ряд программных произведений в котором подписывал этим же «именем» — *Дятел, беспартийный*. Кто скрывался за подписью — для читателей журнала тоже не было секретом.

Иное дело — псевдонимы, которые использовались крайне редко: *Блинохват, Гейне с Мастерской, Гражданин Уклеikin, Дядя Федя, Капитан Гроза, Мисс Нелли, Ругатель, Соловей Разбойник, Чирик, Эстав Гумар, Эс-эр, Э. Р., Proletaire* и др. Своё авторство в этих случаях Чудаков не афишировал, скорее, наоборот. Установить все его многочисленные псевдонимы подобного рода не представляется возможным, так как использовались они чаще всего лишь единожды.

Остроумно-язвительные стихотворные фельетоны Чудакова на темы международной, общероссийской и местной жизни увеличивали число подписчиков тех изданий, в которых он печатался, и пользовались огромным успехом у читателей, но при этом часто вызывали недовольство властей. Как автор и редактор Чудаков подвергался цензурному давлению, судебным преследованиям, арестам, много месяцев провёл «на горке» — в благовещенской тюрьме.

Известность его выходила за пределы Приамурья и распространялась на обширный Сибирско-Дальневосточный регион. Автор вышедшего в 1916 году в Иркутске «Словаря сибирских писателей, поэтов и учёных» Михаил Стож писал (имея в виду лишь малую часть, и лишь сатирических, произведений Чудакова): «Язва псевдоним — талантливый поэт-фельетонист дальневосточных газет, прекрасно владеет стихом, остроумен. Дарование его широко выбивается из рамок газетного фельетона»¹. А в 1922-м, уже после смерти Чудакова, очень лестную оценку его творчеству дал видный сибирский критик и организатор издательского дела, один из редакторов журнала «Сибирские огни» Михаил Басов. Чудаков был назван им «талантливым сатириком и поэтом», «несомненно крупным поэтом», в стихах которого можно найти «ценные отзвуки целой эпохи и жизни Приамурья»². Более высоко оценивая лирический талант Чудакова, Басов, тем не менее, признавал, что рассыпанные по многочисленным газетным номерам «сатирические блёстки» Амурца «являлись шедеврами творений подобного рода. Незначительный сам по себе факт он умел так осветить, что читатель получал целую картину, огромный вопрос далеко не амурского значения».

¹ *Стаж М.Е.* Словарь сибирских писателей, поэтов и учёных. Иркутск, 1916. С. 40.

² *Басов М. Ф.И.* Чудаков // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 158–161.

Сатирик ушёл из жизни в самом расцвете, когда ему едва исполнилось тридцать, но к этому моменту представлял собой по-настоящему масштабное творческое явление — общенационального, а не «местного», не регионального характера. По мнению многих знакомых с творчеством Чудакова современников, лучшие его фельетоны, печатавшиеся в малотиражной амурской периодике, не уступали сатире Саши Чёрного и других прославленных авторов популярных в начале XX века столичных журналов «Сатирикон» (1908–1914) и «Новый Сатирикон» (1913–1918). Так, откликаясь на выход из печати первого номера издаваемого и редактируемого Ф. Чудаковым сатирического журнала «Дятел, беспартийный», почти на сто процентов заполненного его собственными произведениями разных жанров, самая авторитетная газета Приамурья «Амурское эхо» писала: «Мы с интересом ожидали его выхода, и он более чем оправдал наши ожидания. Номер редкостно интересный, полный весёлого блестящего остроумия. Ряд вещей “Дятла” украсил бы страницы знаменитого “Нового Сатирикона” с той лишь разницей, что для нас, благовещенцев, “Дятел” интереснее, так как персонажи “Дятла”, его темы — наши знакомые, наши благовещенские лица и думы». Разобрав и процитировав опубликованные в «Дятле, беспартийном» произведения Чудакова, рецензент «Амурского эха» делал вывод, что «новый журнал — явление выдающееся».

Общественная реакция на трагический уход писателя была для Приамурья беспрецедентной: никогда прежде и никогда в последующем смерть местного автора не вызывала такого потрясения, такого мощного и продолжительного резонанса. Никакая другая утрата подобного рода не воспринималась так болезненно и не казалась настолько непоправимой для литературы. Даже трагическая гибель во время российско-китайского вооружённого конфликта в июле 1900 года первого амурского поэта, любимого и высоко ценимого благовещенцами тридцатилетнего казачьего офицера Леонида Волкова не потрясла читателей так сильно, как самоубийство Фёдора Чудакова.

Горечь невозполнимой утраты, которую испытали современники *Амура*, доносят до нас буквально все печатные отклики того времени, в том числе некролог, опубликованный в Хабаровске спустя девять дней после трагедии:

«Дятел, беспартийный»
(1918. № 4)

...Талантливый поэт-сатирик, краса и гордость журнальной братии всей Сибири... Фёдор Иванович... был одарён исключительными способностями, пользовался большой известностью как высокоталантливый поэт и сатирик, достойный почётно́го места на русском Парна́се.

...Величайшая, никем и ничем не заменимая утрата — эта смерть. Впоследствии только народ наш оценит, кого они потеряли в лице Ф.И.

Замолчал чуткий лирик и талантливейший сатирик.

Край наш потерял великого человека!

Прощай, великая и чуткая душа и прекраснейшая жемчужина края!

К безвременной твоей могиле не зарастёт тропа твоего народа! ³

Интерес к личности и творчеству сатирика настолько обострился, что, откликаясь на этот общественный запрос, через два месяца после смерти Чудакова в Благовещенске с периодичностью раз в две недели стал выходить литературный журнал «Чайка», провозгласивший одной из главных своих программных задач оценку личности и творчества безвременно ушедшего автора. Выбор нечастого в русской журналистике и литературе «орнитологического» названия объясняется желанием «Чайки» обозначить преемственную связь с журналом Чудакова «Дятел, беспартийный». Идеолог и редактор-издатель «Чайки» Михаил Катаев, прежде, в 1916–1917 гг., редактировал газету «Амурское эхо» (наиболее известным автором которой был *Амурец*), а в 1917–1918 гг., как и Чудаков, являлся сотрудником эсеровской газеты «Народное дело». Значительное место в «Чайке» занимали произведения Фёдора Чудакова, а также статьи и воспоминания о нём. Два номера журнала (2-й и 5-й) были почти целиком посвящены сатирику. «Чайка» стала печатным органом, который координировал усилия амурской общественности по увековечению памяти *Амурца*, по сохранению

Титульный лист 5-го номера
журнала «Чайка» (1918),
посвящённого памяти
Ф. Чудакова

³ Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. № 2557. (9) 22 марта. С. 2.

его творческого наследия. В 3-м номере, датированном 16 июня 1918 г., «Чайка» сообщала о подготовке к изданию первой серии избранных произведений Чудакова: пьесы «Изгнанники», драматической сказки в стихах «Очарованный Леший», приключенческой повести «Диана Кедровская», рассказа «Татьяна» и т.д. На титульном листе того же номера было помещено объявление о подготовке внеочередного, посвящённого Чудакову выпуска «Чайки», средства от которого должны были пойти «в пользу фонда на сооружение памятника безвременно сошедшему в могилу амурскому поэту» (всего, как известно, к концу года удалось собрать 880 рублей — значительную по тем временам сумму). Редакция журнала приглашала всех, «кто может что-либо посвятить дорогой памяти поэта, прислать свои статьи, стихи и пр.».

Ровно через два года после смерти Чудаковых в Благовещенске (он тогда был свободен от большевиков) вышел из печати специальный, разовый выпуск газеты, посвящённой печальной дате. Что касается оценок творчества *Амурца*, мнение было единодушным, наиболее лаконично его выразил амурский поэт Герасим Шпилёв: «Умер прекрасный поэт...»⁴ Отношение к тому, что произошло 28 февраля 1918 года, тоже не вызывало споров: друзья, журналисты, читатели, представители интеллигенции, касаясь темы трагического ухода, именовали Чудакова «жертвой», ни одного слова осуждения не было высказано в его адрес по поводу того решения, которое он принял совместно с женой Варварой. Чудаков и его семья воспринимались исключительно как жертвы гражданской усобицы. Вот только одна характерная публикация в одноразовой газете — статья литературного обозревателя, публициста Петра Малахина «Великая жертва»:

Кто же виноват в смерти Фёдора Ивановича и его семьи? Кому мы должны сказать: “Эта чистая кровь на твоих руках”? Кому?

Всем вообще и никому лично. Виновата трагическая судьба нашей матери России, судьба, вызвавшая из мрачной бездны кровавого духа, грозного бога гражданской войны.

На раскалённые руки этого кровавого бога Молоха русский народ положил много, много жертв, и среди этих жертв самая невинная, и может быть, самая совершенная жертва — семья Чудаковых!..

Фёдор Иванович погиб потому, что был чист душою...⁵

⁴ Светлой памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых: Однодневная газета, выпускаемая комитетом по увековечению памяти Ф.И. и В.И. Чудаковых. 1920. 28 февраля (ст. ст.).

⁵ Там же.

Вторую годовщину ухода Чудакова отмечали и в других городах и краях Дальнего Востока и Сибири. Так, во владивостокской газете «Голос Родины» было напечатано посвящённое памяти поэта большое стихотворение Николая Шилова — одного из самых ярких литераторов Приамурья, всего Дальнего Востока, а позже и харбинской эмиграции:

...Безмерен ужас... Безбрежно горе...

Его не могут вместить дома...

Но, умирая, он крикнул зоре:

«Да светит солнце, да сгинет тьма!»

Он умер с верой в народный разум,

В грядущий светоч родной страны,

Среди поэтов блеснув алмазом

Неизмеримой величины ...⁶

Тем не менее создание комитета по увековечению памяти сатирика, активная, особенно на первых порах, деятельность почитателей его таланта из числа амурских журналистов не привели к тому, на что были направлены усилия многих людей. Памятник Чудакову, который предполагалось установить в саду Народного дома (в районе пересечения улиц Вознесенской — ныне Красноармейской и Садовой — 50 лет Октября; в настоящее время в здании бывшего Народного дома располагается Благовещенский техникум физической культуры), посмертное издание его сочинений (исключение — пьеса «Изгнанники», напечатанная братом покойного в конце 1918 г.), сохранение его архива — всё это осталось лишь благими намерениями. Главная причина, увы, банальна: укрепившие свою власть большевики воспринимали (и не без веских на то оснований) Чудакова как своего принципиального и крайне опасного идейного противника, изнутри, из революционного лагеря, подрывавшего их авторитет, ставившего под сомнение их притязания быть законными наследниками российской социал-демократии.

Как уже отмечалось, в силу известных политических и идеологических причин, а отчасти, видимо, из-за недостаточной настойчивости друзей ушедшего, общественному комитету мало что удалось сделать для увековечения памяти сатирика. Впрочем, удивляться не приходится: в ту пору сама личность Фёдора Ивановича, а тем более его произведения, вряд ли, с точки зрения новых хозяев Русской земли, были

⁶ Шилов Н. Памяти друга // Голос Родины. Владивосток. 1920. 25 марта. С. 2.

достойны «светлой памяти». Тех же, кто вопреки политической конъюнктуре настаивал бы, что *Амурец* заслуживает такой памяти, очевидно, не нашлось или было слишком мало, чтобы их голос услышали. Самое же печальное для потомков обстоятельство — комитет ничего не сделал для сохранения архива Ф.И. Чудакова. После того как 12 февраля 1920 г. скончался его родной брат Дмитрий, которому накануне самоубийства Фёдор Иванович по завещанию передал авторские права на свои сочинения, архив *Амурца*, хранившийся на квартире брата по адресу Графская, 85 (ныне улица Калинина), бесследно исчез. Судя по газетным объявлениям, в которых сообщалось о распродаже домашней библиотеки, вдова Дмитрия Ивановича вскоре покинула Благовещенск, возможно, вернулась на родину мужа в Чембар. А потому и за могилами Чудаковых ухаживать со временем оказалось некому.

Будь Фёдор Чудаков менее одарён литературно, память о нём, наверное, не выкорчёвывалась бы новой властью столь беспощадно — до полного, абсолютного забвения. 1922-й — последний год, когда в печати ещё можно было упоминать *Амурца* (но только за пределами Приамурья). В последующие семь десятилетий о самом талантливом амурском писателе дореволюционной и революционной эпохи никто печатно не вспоминал, а его творчество полностью было вытеснено из культурного пространства. А ведь Ф. Чудаков являлся, возможно, единственным писателем Приамурья, известность которого могла бы при определённых условиях стать всероссийской.

Какая-то доля ответственности за случившееся лежит и на друзьях-журналистах, на политических союзниках *Амурца*, главный акцент делавших на трагическом уходе писателя, привлекавших внимание к общественно-политическому смыслу самоубийства и тем вольно или невольно переключавших внимание с литературы на политику. Тот же М. Катаев, отмечавший, что в лице Чудакова «угасло недюжинное поэтическое дарование, умер в самом расцвете крупный талант», основной упор в целом ряде статей делал не на значимости творчества, а на том, что имя сатирика останется в памяти будущих поколений в силу потрясшего Приамурье самоубийства семьи Чудаковых. Он, в частности, писал: «Гражданская война в Благовещенске унесла тысячи жертв. Их оплачут и забудут. Но трагический конец поэта будет долго жить в памяти народной. Сказание об этом ужасном конце передастся из поколения в поколение. И личность поэта сделается легендарной, символической, олицетворяющей великую скорбь, муку и боль за поруганную родину, за оплётанный идеал народного счастья, за всё то, во что верили, за что боролись, страдали и гибли, отдавая все свои силы и жизнь, многие поколения лучших русских людей — рыцарей идеи,

мысли и чувства»⁷. Мёртвый Чудаков использовался противниками большевиков из социалистического, социал-демократического лагеря как укор, как разоблачительный аргумент в идейном противостоянии с ними, что не могло не усиливать у сторонников советской власти неприязни ко всему, что связано с сатириком.

По контрасту с печатными выступлениями некоторых амурских политически ангажированных «плакальщиков», главный смысл и пафос упомянутой выше статьи новосибирца М. Басова — призыв сохранить то, что было создано Ф. Чудаковым-писателем: «Надо собрать воедино всё, начиная с его мелких творений и кончая более крупными: пьесой “Изгнанники”, повестью “Дочь шамана”, очерком “Из детства Ивана Грязнова”, поэмой “Очарованный Леший” и рядом незаконченных произведений. В них <...> такая груда великолепных образов, сочных выражений, такое богатство языка, что оставить это затерянным нельзя. <...> Сохраните поэта!» Эмоциональный призыв этот, однако, остался гласом вопиющего в пустыне: действенных шагов по сохранению наследия Чудакова предпринято не было.

С начала 1920-х гг. и вплоть до недавнего времени имя *Амурца* не фигурировало ни в одном не только общероссийском, но даже региональном — сибирском или дальневосточном — литературном справочнике. Многие поколения читателей даже не подозревали о существовании одного из немногих подлинных мастеров художественного слова Приамурья. Возможно, по этой причине литературная жизнь предреволюционного Благовещенска и всего региона даже искушённым людям казалась пустынной и малоинтересной.

Судьба весьма обширного (и, разумеется, неравноценного) литературного наследия Чудакова долгое время оставалась незавидной: большая часть произведений, в том числе и весьма талантливых, актуальных и поныне, оставалась рассеянной по страницам малодоступной амурской периодики начала XX века. Печально, но факт: ни в одной из библиотек Амурской области, Хабаровского и Приморского краёв (равно как в краеведческих музеях и архивах Сибири и Дальнего Востока) нет более или менее полных комплектов амурских периодических изданий предреволюционного и революционного времени. Но и в центральных российских архивах и библиотеках ситуация ненамного лучше. Разрозненные, часто существенно неполные комплекты (или даже отдельные, чудом уцелевшие номера), хранящиеся в разных библиотеках, музеях и архивах, давно уже стали раритетами, библиографической редкостью.

⁷ Катаев М. Как умерли Чудаковы // Чайка. 1918. № 5. 2 (15) сентября. С. 1.

В результате художественное наследие Ф. Чудакова по-прежнему остаётся чем-то вроде *terra incognita*: кто-то что-то, возможно, и слышал, но почти никто не видел и достоверно ничего не знает.

Первым спустя более полувека после самоубийства Ф. Чудакова о нём вспомнил Анатолий Васильевич Лосев (1927–2002): в 2007-м в архиве основателя литературного краеведения Приамурья была найдена папка с набросками относящейся к 1980-м гг. неоконченной статьи о сатирике. В результате кропотливой текстологической работы автору этих строк удалось «склеить», реконструировать её⁸.

Однако в подлинном своём масштабе и полноте личность и творчество Чудакова стали открываться лишь в последнее десятилетие — в ходе осуществления масштабного исследовательского проекта, одним из результатов которого стало издание энциклопедии литературной жизни Амурского региона⁹. Именно в этот период были найдены считавшиеся утраченными сборник лирики «Пережитое» (1909) и сборник фельетонов и сатирических стихотворений «Шпильки» (1909), буквально по крупицам собрано множество лирических, юмористических и сатирических стихотворений, фельетонов, легенд и сказок, очерков, рассказов, повестей, воспоминаний Чудакова, печатавшихся век назад в газетах «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело», в журналах «Колючки», «Зея», «Дятел, беспартийный». В энциклопедии Ф. Чудакову посвящено в общей сложности более десяти словарных статей, в которых представлены разные грани и периоды его творчества. Небольшая часть разысканных произведений *Амурца* была перепечатана в издающемся в Благовещенском государственном педагогическом университете литературном альманахе «Амур» (см. выпуски за 2008, 2009, 2013, 2015, 2017 и 2018 гг.).

Ещё один важный итог многолетней поисковой и исследовательской работы — первый за столетие том избранных произведений *Амурца*, к сожалению, оказавшийся малотиражным, фактически недоступным для читателей не только Европейской России, но и Дальнего Востока¹⁰.

---

⁸ См.: Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) / публикация и коммент. А. Урманова // Амур: литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 47–54.

⁹ Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. 484 с.

¹⁰ Чудаков Ф. «Чаша страданья допита до дна!...»: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / составление, предисловие, подготовка текста, комментарии Александра Урманова. Владивосток: Рубеж, 2016. 716 с.

Точную дату рождения Фёдора Ивановича Чудакова удалось установить лишь недавно ¹¹: на свет он появился в городе Чембаре (с 1948 г. — Белинский) Пензенской губернии 8 (20 по новому стилю) февраля 1888 года — то есть в тот день, когда православная церковь чтит память Фёдора (Феодора) Стратилата. Своим именем будущий писатель обязан этому христианскому святому-великомученику. Судя по хранящейся в фондах Государственного архива Пензенской области метрической книге Николаевской церкви г. Чембара за 1888 год (ф. 182, оп. 7, д. 201, л. 289-290), отца его, состоявшего в мещанском сословии, звали Иваном Ивановичем, мать — Натальей Петровной. Родители Фёдора, без упоминания имён, выведены среди эпизодических персонажей автобиографической повести «Из детства Ивана Грязнова» (1918). Из посмертной биографии, написанной благовещенским журналистом М.Х. Катаевым, а также из протокола допроса, который много лет спустя, в январе 1909-го, вёл с юмором описанный в автобиографическом рассказе Чудакова «Арестант» (1918) начальник жандармского розыскного пункта г. Благовещенска ротмистр М.П. Перков, известно, что отец сатирика занимался сапожным ремеслом, возможно, являлся хозяином небольшой мастерской.

Обряд крещения новорождённого состоялся двумя днями спустя — 10 (22) февраля — в Николаевской церкви, а проводили его священник Иоанн Лагарпов и дьяконы Александр Громов и Василий Полевский. К слову, храм этот, построенный ещё в 1790 году, в советское время был разрушен, а кирпичами его мостили улицы города. Не спасло церковь и то, что, по преданию, в ней бывал М.Ю. Лермонтов, что в апреле 1842 года, когда свинцовый гроб с телом поэта везли из Пятигорска в соседние с Чембаром Тарханы, на родине Ф. Чудакова была сделана остановка, и, по свидетельству современников, «у каменного собора Николая Чудотворца служили панихиду»...

Совершавший таинство крещения священник Иоанн (Иван Фёдорович) Лагарпов являлся настоятелем Николаевской церкви с 1883 по 1913 год, затем был назначен настоятелем кафедрального Покровского собора г. Чембара. По свидетельству ряда современников, отец Иоанн был образованным человеком, имел большую библиотеку, вёл праведную жизнь, оказывал духовную и материальную помощь страждущим, за что жители Чембара уважали священника. Послереволюционная его

¹¹ См.: Урманов А.В. «Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который!...». История о том, как Фёдор Чудаков обрёл, наконец, день рождения // Лосевские чтения — 2017: материалы X региональной научно-практической конференции / под ред. А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2017. С. 4–14.

Никольская церковь
в Чембаре

Священник Иоанн Лагарпов
(отец Иван), крестивший Фёдора
10 (22) февраля 1888 г.
Упоминается в повести
«Из детства Ивана Грязнова» (1918)

судьба трагична: в 1922 г. Лагарпов воспротивился изъятию церковных ценностей советскими властями, за что впал в немилость. В конце 1920-х дом священника разорили, имущество разграбили, а сам он оказался на Соловках, где принял мученическую смерть.

Скорее всего, Иоанн Лагарпов — тот самый иронически выведенный в автобиографической повести Чудакова «Из детства Ивана Грязнова» (глава «Таинственный остров») «батюшка отец Иван», который «после свадьбы купца Грохотова... ночью по ошибке забрёл в болото и потерял в нём камилавку и наперсный крест». И, очевидно, тот самый «отец Иван», которого упоминавший выше Михаил Катаев (полагаясь на мнение брата сатирика — Дмитрия), отнёс к числу «бездарных, невежественных рутинёров», отличавшихся к тому же «злопамятностью и мстительностью»¹².

Крёстными новорождённого, как свидетельствует метрическая книга, стали Анастасия Алексеевна Чудакова (по-видимому, родственница по отцовской линии) и купец 2-й гильдии Иван Иванович

¹² Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 17.

Лермонтовская
улица в Чембаре

**Чембар со стороны
Безымянного озера,
описанного в повести
«Из детства Ивана
Грязнова»
и упоминающегося
в ряде других
прозаических
и стихотворных
произведений
Чудакова**

Аксёнов, расстрелянный чекистами 25 сентября 1918 г. (то есть спустя семь месяцев после гибели Ф. Чудакова) во время массовой казни чембарских «контрреволюционеров». Вот такие лихие сюжеты закручивает порой отечественная история: под революционное Красное Колесо (метафора А. Солженицына) попадают и те, кто его раскручивал (Фёдор Чудаков), и те, кто в меру сил пытался остановить его вращение (Иоанн Лагарпов), и те, кто надеялся «переждать» трудные времена (Иван Аксёнов).

О детстве Фёдора, о его родителях и других родственниках, о чембарском периоде жизни известно немного. Достоверный факт — то, что у него был старший брат Дмитрий, который переехал в Благовещенск, очевидно по приглашению Фёдора Ивановича, накануне революции 1917 года и умер здесь же в феврале 1920-го. Возможно, в семье Чудаковых, помимо Дмитрия и Фёдора, были и другие дети, о чём косвенно свидетельствуют некоторые произведения автобиографического характера. Так, в повести «Из детства Ивана Грязнова» у автобиографического персонажа есть брат Колька (не исключено, правда, что под этим именем выведен Дмитрий), а в стихотворении «Сны» упоминаются «братишка Лёня» и «сестрёнка Лиза».

О том, какими событиями и впечатлениями было наполнено детство писателя, дают представление главы неоконченной автобиогра-

фической повести «Из детства Ивана Грязнова», печатавшиеся незадолго до смерти Чудакова в журнале «Дятел, беспартийный». По ним, этим главам, можно судить о некоторых чертах характера и наклонностях, проявившихся и формировавшихся в детские годы. В их числе жажда острых впечатлений и приключений, бурное воображение, стихийная порывистость натуры, вольнолюбие, своеволие, дерзость, граничащая с бунтарством, весёлый нрав, склонность к шалостям и проказам, выводящим устойчивый мир из равновесия. Но это лишь одна сторона натуры будущего писателя. Другая открывается в лирических произведениях, тематически обращённых к детству и юности и проникнутых духом ностальгии по утраченному раю. Один из самых характерных примеров — стихотворение «Степная сказка» (1909), в котором на первый план выходят мечтательность, созерцательность, консерватизм, склонность к рефлексии, повышенная эмоциональная ранимость, сердечная отзывчивость, тяготение к гармонии как бытийному идеалу. Образ родного края, который бережно хранит память поэта, проникнут элегическими интонациями:

... Там первый крик мой чайки подхватили,
И первый лепет мой услышала ковыль...
О, юность резвая! Во всей красе и силе
Прошла ты там... как сказочная быль.

Степная даль кругом, как море, уходила,
И вдалеке шумел густой дремучий лес...
Людская ли рука, природа ль насадила —
То был наш тихий рай, исполненный чудес...

Была там пасека... Стоял шалаш убогий,
И старый пасечник там век свой коротал.
И страстно я любил всегда угрюмо строгий
Его лица задумчивый овал...

В повести «Из детства Ивана Грязнова» (глава «Удалой набег») похожий народный тип — сторож Пахомыч — не вызывает не только у автобиографического персонажа и его дружков, но и у повествователя ни малейшего сочувствия. Жестокие проказы, которые учиняют над ним маленькие «разбойники», сопровождаются и интонируются весёлым смехом. В «Степной сказке», напротив, воспоминания о старике-пасечнике пробуждают у лирического героя глубокую симпатию, сочувствие, безраздельную жалость. Финальные строфы стихотворения — подобие плача: и по умершему и всеми забытому пасечнику, и

Чембар. Здание
Присутственных
мест, земская управа,
мужское училище

Никольская улица
Чембара
в праздничный день

по лесу, безжалостно вырубленному купцом-хищником, и по безвозвратно канувшей юности, и по ставшей недостижимой родине.

Ещё одно ностальгическое произведение, дающее представление о

переживаниях и устремлениях, о душевно-духовном наполнении личности Чудакова-ребёнка, — стихотворение «Сны» (1913) с его повторяющейся строчкой-рефреном: «В детстве снились...». В сравнении с интонационно и тематически близкой «Степной сказкой», здесь ещё в большей степени заострён контраст между идиллическим прошлым, душевной чистотой, гармонией детского мировосприятия, с одной стороны, и, с другой, кошмарным настоящим, противоречивостью не только сознания взрослого человека, но и российской действительности в целом:

...В детстве снились океаны,
Небо, ангелы и Бог...

...В детстве снилось голубое
Небо, ангелы и Бог.

А теперь... в ночном виденье
Снится только протокол,
Запрещенье, выселенье
И тюремный частокол...

Тем не менее надо понимать, что нелёгкие испытания, разного рода неурядицы, с которыми он столкнулся, став взрослым, мало влияли на

строй его души, на самочувствие. Твёрдый, неуступчивый во всём, что касалось общественной позиции, политических взглядов, крайних нравственных принципов, Чудаков в личной жизни, в домашней обстановке, в повседневном своём существовании, напротив, был человеком мягким, сердечным, добродушным. Именно таким он видел себя, так презентовал себя в произведениях. Вот, например, как он представил читателям автобиографического персонажа приключенческого романа «Тайны Зеи» (1912): «Фёдор Иванович — человек, склонный к полноте и стихотворству. Нрава кроткого». Самые мучительные страдания «кроткому нравом» поэту приносили вовсе не удары судьбы, не бытовые трудности, не «тюремный частокол», а отсутствие рядом с ним людей, к которым он испытывал любовь и которые готовы были дарить ему встречное тепло. Похоже, в Благовещенске таких людей в его ближайшем окружении оказалось немного, если они вообще были. Отсюда, наверное, такая глубокая привязанность Чудакова к Максусу, Максимке — любимой собаке, ставшей для него, наверное, едва ли не самым родным существом. Жена не смогла в полной мере заменить ему тех, кто остался на родине, в Чембаре, и куда путь ему, беглому ссыльному, до февраля 1917-го находившемуся под гласным надзором полиции, был заказан. Особенно острую тоску по родным местам, по оставшимся в Чембаре близким, любимым людям Чудаков пережил в 1911–1913 годах, об этом можно судить по тематике и тональности подавляющего большинства прозаических и особенно лирических произведений. Ему явно недоставало тех, на кого он мог бы излить всю свою не находившую выхода огромную нежность. Многочисленные стихи о любви, написанные в этот период, обращены не к жене. Вот только одно короткое лирическое излияние такого рода, датированное июнем 1913 года:

Для девушки, грустящей обо мне,
Я сохранил в сердечной глубине
Узоры слов загадочно-стыдливых
И много песен нежных и красивых.
Но девушки, грустящей обо мне,
Со мною нет, она в чужой стране...

Вернёмся в Чембар, где прошло детство Фёдора. Образование он получил в церковноприходской школе, а затем в городском четырёхклассном училище, которое с отличием окончил в 1903 году. Несмотря на незаурядные способности и блестящие знания по всем предметам, поступить, как он планировал, в Пензенскую учительскую

Народ у здания чембарской тюрьмы, описанной в автобиографическом рассказе «Мой роман» (1911)

семинарию не удалось. Виной тому «буйный, строптивый, упрямый и непокладистый нрав», о котором писал журналист Михаил Катаев, опиравшийся на свидетельства Дмитрия Чудакова — брата сатирика. Уже в годы учёбы в чембарском училище Чудаков сочинял остроумно-едкие эпиграммы, в которых высмеивал не только своих ровесников, но и учителей, в том числе учителя Закона Божия отца Ивана (Иоанна Лагарпова). Как следствие, когда Фёдор отправился в Пензу поступать в учительскую семинарию, священник «благословил» его лишь кусочком просфоры, а другого своего ученика, с грехом пополам сдавшего экзамены, снабдил рекомендательным письмом, благодаря которому перед тем раскрылись двери семинарии. А для Чудакова, напротив, закрылись, хотя он получил лучшие отметки за все испытательные работы.

Страстная мечта продолжить образование осталась неосуществлённой, стремящегося к знаниям юношу ждали иные уроки и иные университеты: арест, тюремные камеры Чембара и Пензы, этап, пересыльная тюрьма в Красноярске, тяжелейшая сибирская ссылка, побег, вновь арест, вновь тюрьма — на этот раз в Благовещенске, статус поднадзорного, ещё два ареста и два тюремных срока «на горке». И изнурительная многолетняя газетная подёнщина... Между тем, забегаая вперёд, нужно отметить: воспоминания о писателе его современников, само его творчество ярко свидетельствуют, что Чудаков, вопреки всему перечисленному, сумел приобрести обширные познания в разных сферах жизни и культуры, был чрезвычайно начитанным чело-

веком, обладал развитым эстетическим вкусом и богатым словарным запасом. Его произведения густо насыщены литературными аллюзиями и реминисценциями, содержат явные и скрытые параллели и цитаты, обнаруживающие великолепное знание им греческой, римской, восточной и славянской мифологии, фольклора, мировой, русской классической и современной литературы, театра... О своих детских читательских увлечениях (приключенческие романы Ж. Верна) Чудаков поведал в стихотворении «В библиотеке» (1911). О круге чтения в зрелые годы можно судить по многим сатирическим, лирическим, прозаическим, драматическим произведениям, в которых он и его герои постоянно апеллируют к зарубежным авторам (Гомер, Эсхил, Вергилий, Данте, Шекспир, Шиллер, Гейне, Беранже, Лонгфелло, Эдгар По, Эдмон Ростан, Джером К. Джером), к русским классикам (Ломоносов, Тредиаковский, Жуковский, Рылеев, Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь, Гончаров, Надсон, Некрасов, Иван Никитин, Яков Полонский, Алексей Константинович и Лев Николаевич Толстые, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Чернышевский, Чехов, Глеб Успенский), к своим современникам (футуристы, Саша Чёрный, Аркадий Аверченко, Леонид Андреев, Михаил Арцыбашев, Валерий Брюсов, Евгений Чириков, Владимир Соловьёв, Дмитрий Мережковский, Семён Подъячев, Фёдор Сологуб, Степан Петров-Скиталец)...

Вернувшись из Пензы на родину, Фёдор попытался было получить место учителя в церковноприходской школе, но не преуспел в этом, и вновь из-за противодействия затаившего обиду законоучителя. Служба писарем при городском полицейском управлении длилась недолго: получившее хождение в рукописном виде обличительное стихотворение о местном исправнике привело к увольнению и постановке незадачливого автора под негласный надзор полиции. Должность писмоводителя при окружном суде привлекала Фёдора тем, что не мешала ни его самообразованию, бурному «поглощению» книг («А мне что нужно? С аппетитом волка / Я проглотил бы тысячу томов!» — «В библиотеке»), ни участием в революционной деятельности, которой он увлёкся в годы Первой русской революции, вступив в партию социалистов-революционеров и вскоре став самой авторитетной фигурой среди чембарских эсеров. Об этом периоде жизни Чудакова (со слов его брата Дмитрия) рассказал посмертный биограф сатирика М.Х. Катаев: «В группу входили учителя, студенты, учащиеся средних учебных заведений и рабочие. Ф.И. составлял прокламации, печатал их на машинке и на гектографе, ходил по окрестным деревням и сёлам <...>, где и вёл революционную пропаганду, то читая какую-нибудь брошюрку, листок, стихотворение, то ведя устную беседу с деревен-

ской молодёжью, будя в ней сознание, желание освободиться от цепей рабства, нищеты и невежества, зовя к активному протесту и выступлению против насильников и угнетателей».

Закончилось всё это тем, чем и должно было рано или поздно закончиться: доносом, арестом,

следственными камерами чембарской и пензенской тюрем, судом. Чудакова, обвинённого в революционной пропаганде, приговорили по статьям 128 и 129 Уголовного уложения к трём годам сибирской ссылки, которую ему предстояло отбывать в глухой таёжной деревне Червянка далёкой от родных мест Енисейской губернии. Пребывание в чембарской тюрьме нашло отражение в автобиографическом рассказе «Мой роман» (1911); в пензенской — в *тюремном очерке* «Редакционное собрание» (1911) и рассказе «Шамиль» (1918). Об этапе — «путешествии к чёрту на кулички» — Чудаков рассказал в очерке «Навстречу тучам» (1909), о красноярской пересылке — в *тюремных миниатюрах* «Смех» (1911). Тюремные мотивы (навеянные, очевидно, и впечатлениями от нахождения в благовещенской тюрьме) отразились также в стихотворениях «Ночью» (1911), «Из тюрьмы» (1913) и др.

Старинное, возникшее ещё в начале XVIII столетия село Червянка, в начале XX века, когда туда попал ссыльный Чудаков, входило в состав обширной Енисейской губернии. Ныне же оно относится к Чунскому району Иркутской области. Отдалённый, труднодоступный район этот расположен на северо-западе области и с северной стороны граничит с современным Красноярским краем. Основной водной артерией является река Уда, или Чуна — отсюда и название района. От райцентра — посёлка городского типа Чунский Червянка находится на расстоянии 320 километров. Село стоит на реке Муре, поэтому местные жители, старожилы называют себя «мурашами», но чаще — чалдонами (челдонами). Последнее слово часто встречается в произведениях Ф. Чудакова о Восточной Сибири, о своих злоключениях в сибирской ссылке. Коренным населением здешних мест являются эвенки (тунгусы) и буряты, а основную часть переселенцев составляют русские.

Речка Мура. Места сибирской ссылки
Ф. Чудакова

О трудностях, которые Чудакову довелось испытать в сибирской ссылке, даёт представление целый ряд автобиографических произведений: рассказы «На сохатиных ямах» (1909), «Окуни» (1910), «Тимохина кобыла» (1911), «Под весенним солнцем» (1911), «В овине» (1911), «Татьяна» (1913) и «Мойша Пташник» (1914), драма «Изгнанники: Картины из жизни в ссылке» (1918) и приключенческая повесть «Диана Кедровская» (1917), главный герой которой, политический ссыльный Кузьма Иванович (под этим именем Чудаков некоторое время жил по подложному паспорту), размышляет о своей незавидной участи: «Значит, снова предо мной голодная зима, скитанья по селу в поисках работы, возня с детишками, которых отцы желали выучить грамоте, но забывали за это платить. Опять унижения, выклянчивания, опять попреки долгами...» В биографии, составленной после смерти Чудакова М. Катаевым, енисейская ссылка — исключительно отрицательная школа жизни, имеющий только негативные последствия опыт: «Полтора года он прожил тут в чрезвычайно тяжких условиях, терпя голод и холод. Тамошние крестьяне, для которых ссыльные рубили, пилили, кололи и вывозили из леса дрова, платили всего по 10 копеек в день за каторжный труд. Более слабые умирали. Ф.И. тоже едва не умер от тифа...» Можно добавить к этому, что в начале 1909 г., уже в Благовещенске, во время допроса в жандармском розыскном пункте, отвечая на вопрос жандармского ротмистра Перкова о причинах бегства с места ссылки, Чудаков заявил, что главная причина — «абсолютное неимение средств к жизни».

Всё это так, однако Сибирь для него стала не только местом физических лишений и моральных страданий: она была суровой, но много

Диана Кедровская.

(Рассказ)

II.

«Чудной паря»

Я отдѣлался только испугомъ да порядочной болью въ ногѣ, на которую рухнула туша звѣря, сраженнаго моимъ неожиданнымъ спасителемъ. У «Цезаря» оказалась расцарапанной шея, и на мѣстѣ раны шерсть слиплась въ грязный кровяной сгустокъ.

Я съ любопытствомъ разглядывалъ человѣка, мѣткій глазъ котораго сослужилъ мнѣ такую огромную службу. Это былъ совсѣмъ молодой, рослый, красивый парень, съ румянцемъ во всю щеку и съ прекрасными бѣлыми зубами, сверкавшими при каждой улыбкѣ. Одѣтъ охотникъ былъ въ обычный костюмъ: однорядка деревенскаго самотканнаго сукна, такіе же штаны, мѣховая татарская шапка, кожаные чирки съ высокими суконными голяшками, обвязанными выцвѣтшей узкой опояской.

— Ну, спасибо, товарищъ,—говорилъ я.—Если-бы не ты, пропаль-бы.

— А чо, и пропаль-бы!—улыбнулся парень.—Ловко онъ те! Вотъ песь у те бравый. Такъ за гачи и беретъ!

— А самъ-то ты чей?—полюбопытствовалъ я.

— Такъ. Промышляю мало мало,—уклончиво отвѣчалъ парень.—Тебя то я знаю. Тебя Кузьмой зовутъ, Иванычемъ.

Начало одной из глав
приключенческой повести
«Диана Кедровская». Газета
«Амурское эхо» (1917)

давшей ему жизненной школой: закалившей его характер, проверившей на прочность и укрепившей его мировоззрение. Об этом, в частности, свидетельствуют слова автобиографического персонажа повести «Диана Кедровская»: «Я прошёл суровую школу испытаний. Я закалил свою волю, как стальную пластинку; её можно было сломать, но её нельзя было согнуть без того, чтобы она не выпрямилась снова». В этом отношении от енисейского ссыльного Кузьмы Ивановича мало чем отличается автобиографический персонаж пьесы «Изгнанники» Бродяга (это прозвище явно перекликается с одним из самых известных литературных псевдонимов сатирика — *Босяк*). В отличие от большинства товарищей по ссылке, он никогда не унывает и не жалуется, во всех сценах демонстрируя бодрость духа и уверенность в собственных силах. «Ссылка? Велика важность! — заявляет он. — ... Не хвастаясь, скажу, что о самоубийстве не помышляю. Да и что такое жизнь? Жизнь — это я! А я сам себе хозяин. Значит, плюю я на какую-то там отвлечённую, выдуманную, злобную старушонку, именуемую в философии жизнью. Я — как гоголевский Каленик — сам себе голова!»

Помимо прочего, ссылка дала Чудакову поистине бесценный запас жизненных впечатлений, питавших его творчество. Ссылка, возможно, и сделала его писателем, предопределила дальнейший путь. Именно в ссылке он стал посвящать буквально каждую свободную минуту сочинительству. Именно в этот период литературное творчество стало осознаваться как призвание. Один из персонажей «Изгнанников» Антон читает вслух присланное из Червянки письмо Бродяги, из которого товарищи по ссылке узнают о главном его увлечении: «... Я ведь литератором стал, леший меня задави! Братцы вы мои милые, простите ли вы меня? Смертный грех принял я на душу: послал в “Радугу” стишонки и — увы! — их напечатали! Думали ли вы, читая вдохновенные вирши некоего Мильтиада в № 54, что сие изобразил аз многогрешный?.. Теперь могу я сказать про себя словами пушкинского героя: “Участь моя решена — я женюсь”. Женюсь на музе и в приданое беру славу... Теперь каждый вечер ловлю за хвост рифмы и распиною их на бумаге... А рифмы, братцы, из меня так и лезут, так и прут...» Судя по этому признанию автобиографического персонажа, в период енисейской ссылки какие-то из произведений Чудакова стали печататься (очевидно, под псевдонимами) в эсеровской периодике. Но где, какие и под какими псевдонимами — пока установить не удалось.

Отбыв в Червянке половину срока, Чудаков бежал в Красноярск, где сблизился с ещё одним беглым политическим ссыльным — Дмитрием Чернышёвым, а также с его гражданской женой Варварой Ипполитовной Протопоповой, приехавшей в Сибирь из городка Малмыж

В народном училище им. Л.Н. Толстого. На заднем плане справа — Варвара Ипполитовна Чудакова, слева, предположительно, — Елизавета Петровна Манучарова, вдова видного революционера-народовольца И.Л. Манучарова. Фото Ф.И. Чудакова. 1912 г.

Вятской губернии для того, чтобы ухаживать за любимым человеком, заболевшим чахоткой. Опасаясь ареста, все трое жили в какой-то лесной заимке неподалёку от Красноярска. А в сентябре 1908 г. отправились в Приамурье, в далёкий и потому, видимо, казавшийся спасительным Благовещенск, куда добрались в начале октября. Поселились тоже вместе, на одной квартире, в доме по Амурской улице.

Фёдор Чудаков, живший в городе по подложному паспорту, выписанному на имя крестьянина Енисейской губернии Кузьмы Ивановича Резниченко, начал сотрудничать в газетах «Амурский край», «Торгово-промышленный листок объявлений» («Амурский листок») и «Эхо», опубликовав там несколько стихотворений, рассказов и очерков за подписями *К. Рез.* и *К. Резниченко*. Варвара Протопопова, которая на родине была учительницей женской гимназии, стала зарабатывать частными уроками, а через год, с сентября 1909-го — преподавать в народном училище имени Л.Н. Толстого, которое располагалось в Забурхановской слободе, бессчётное число раз фигурирующей в произведениях Чудакова разных жанров. А вот Дмитрий Чернышёв вскоре после приезда в Благовещенск покончил жизнь самоубийством, потеряв надежду на излечение и не желая быть обузой для близких людей. Варвара Ипполитовна спустя некоторое время станет законной женой Фёдора Ивановича. В биографии сатирика, напечатанной в журнале «Дятел, беспартийный» 14 (27) марта 1918 г., Дмитрий Чернышёв во-

обще не упоминается. Вот как рассказывает там о встрече Чудакова с Протопоповой М. Катаев: «В Красноярске он познакомился со своей будущей супругой Варварой Ипполитовной, в обществе которой <...> и переселился благополучно в Благовещенск». Догадаться, почему биограф скуп на подробности при описании столь важного события, несложно: дело, очевидно, не в деликатности (ведь не постеснялся же Катаев в статье «Как умерли Чудаковы», опубликованной чуть позже в журнале «Чайка», бездоказательно заявить, что накануне самоубийства супруги якобы употребили «какое-то наркотическое вещество»): скорее всего, Фёдор Иванович и Варвара Ипполитовна никому ничего на такую чувствительную для них тему не говорили. Так что Катаев о Чернышёве, об обстоятельствах, которые свели Чудакова и Протопопову, видимо, ничего не знал. Иначе не преминул бы, наверное, поделиться сенсацией с читателями если и не «Дятла...», то «Чайки».

Здесь, наверное, уместно сделать отступление и сказать о том, что не раз уже упомянутый редактор-издатель «Чайки» М. Катаев, немало сделавший для сохранения памяти о Чудакове, по мнению современников, не был бескорыстен в своей приверженности этой теме. Софья Баженова, например, печатно называла его «лицемерным плакальщиком», который использует имя Чудакова, эксплуатирует память о нём в корыстных целях — ради продвижения собственных малохудожественных текстов. Баженова обращает внимание на то, что материалы о Чудакове во всех пяти номерах «Чайки» пересыпаны «произведениями самого Катаева, плоскими, как стёртая монета. Будь жив Чудаков, плохо пришлось бы от остроумного сатирика Катаеву. Но Чудакова нет, значит, катай его. ...Благо, читатель Чудакова любит, и что бы ни преподнесли ему во имя *Амурца*, всё охотно купит и скушает. Бедная светлая Чайка, над трупом которой творит свою чёрную воронью мессу погромное ханжество»¹³.

...В конце декабря 1908 года жандармское ведомство вышло на след беглеца, а первого января 1909-го он был арестован и препровождён «на горку» — в благовещенскую тюрьму. Задержана была (как свидетельствовал А.В. Лосев, видевший жандармские протоколы) и Варвара Ипполитовна, однако после допроса её отпустили на свободу. При обыске в квартире были найдены нелегальные брошюры, а также письма от товарищей по ссылке.

¹³ Баженова Софья. Чайка и «Чайка» // Земля и сотрудничество. Благовещенск. 1918. 2 (15) сентября. Цит. по: Кобзарь В.П. Ф.И. Чудаков (1888–1918): «Я не писатель. Я — звено великого народа» // Благовещенск. Март 1918 / отв. редактор А.В. Телюк. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2018. С. 361.

Дело Чудакова, совершившего побег из ссылки и проживавшего в Приамурье по подложному паспорту, было передано прокурору Благовещенского окружного суда, в результате чего первое полугодие 1909-го сатирик провёл в политическом корпусе благовещенской тюрьмы, фигурирующей во многих его сатирических произведениях, а также в «арестном доме» при полиции. Он оказался «на горке», когда там уже почти год томилась и успела перессориться между собой вся амурская ячейка эсеров численностью в двенадцать человек. Чудакову удалось примирить их, сплотив товарищей по партии общим делом — изданием рукописного сатирического журнала «Арестант». Об этой истории не без юмора Фёдор Иванович рассказал в 1918 г. на страницах журнала «Дятел, беспартийный». Спустя несколько месяцев, уже после гибели сатирика, в «Чайке» о тех же событиях вспоминал один из «сотрудников» «Арестанта» Иван Сивков. По словам последнего, душой редакции «капризно-периодического издания» и основным его автором был Фёдор Чудаков, который «работал... для журнала, можно сказать, и день и ночь». Изучение амурской периодики первой половины 1909 г. (всё это время сатирик, как известно, находился в заключении) позволило сделать поразительный, почти невероятный вывод: оказывается, Чудаков, находясь в тюрьме, «писал и день и ночь» не только для «Арестанта». Половину тюремного срока он каким-то образом умудрялся передавать на волю и публиковать свои произведения в благовещенских газетах «Амурский край» и «Эхо», а также в юмористическом журнале «Бузуй». Помимо этого, скрываясь под разными псевдонимами, он вводил в заблуждение читателей, устраивая «полемику» с самим собой. Так, например, 9 (22) апреля 1909 года в газете «Амурский край» было опубликовано «Письмо в редакцию», автор которого, *Язва*, включился в полемику между двумя амурскими авторами — *Амурцем*, которого он подверг жёсткой критике, и *Босяком*, которого взял под защиту.

Министерскій недосмотръ.

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія разработанъ законопроектъ о недопущеніи не замужнихъ учительницъ въ тѣ школы, гдѣ преподають неженатыя учителя.
Хроника.

Министерство просвѣщенія
Съ краской легкаго смущенія
Порѣшило — въ вѣдрахъ школъ,
Отъ мужского обольщенія
Оградить прекрасный полъ.

* *

Въ интересахъ «младшихъ братій»
Противъ «красныхъ предпріятій»
Новый тормозъ въ ходъ введенъ
Увеличенъ рядъ «язвѣтій»,
Имъ же имя — легионъ!

* *

Вѣдь въ поговѣ за крамолой
Поступиться можно школой!
Неженатый педагогъ
И дѣвица съ шейкой голой —
Вѣдь соблазвъ, помилуй Богъ!

Газета «Амурский край»
(1909. № 76). Начало фельетона
Гуслера (Ф. Чудакова)
«Министерский недосмотр»

Пикантность ситуации состоит в том, что и автор письма в редакцию *Язва*, и вызывающий у него неприязнь *Амурец*, и близкий ему по взглядам *Босяк* — суть одно и то же лицо: сатирик Фёдор Чудаков, скрывающийся за всеми этими псевдонимами. Ещё более поразителен тот факт, что активно печатавшийся сразу в нескольких благовещенских изданиях автор отбывал в это время заключение в местной тюрьме.

Подоплёка этой поражающей воображение мистификации, судя по всему, была неведома не только тюремщикам и жандармам (им, по крайней мере, до поры), но и товарищам по неволе. Возможно, Чудаков в 1918 г. рассказал бы о том, как ему удалось совершить почти невозможное, но смерть оборвала работу над воспоминаниями, как принято говорить, на самом интересном — на разоблачении: «Уже вышел № 4, как вдруг разразилась катастрофа, в результате которой было неожиданное прекращение журнала и высылка редактора из тюрьмы в... арестный дом при полиции...» К сожалению, об обстоятельствах, причинах и последствиях этой «катастрофы» уже никогда не узнать...

После освобождения Чудаков жил в Благовещенске под гласным надзором полиции, печатался в газетах «Амурский край» и «Эхо». Положение его было шатким: от его поведения, от того, что он писал и

Къ разказу «На ЛОЖБ»

Бивакъ на лонѣ природы

Иллюстрация Ф. Чудакова к его очеркам «На лоне. Поездка в Белогорье» (Эхо. 1910. № 493). Справа — Ф. Чудаков; слева, предположительно, Николай Геннадьевич Дегтярёв, персонаж ряда других произведений. Прототип «Василь Митрича», находящегося в центре, не установлен

публиковал, напрямую зависело не только его благополучие, но и сама возможность находиться на свободе. А он в том же году, словно дразня жандармов, выпустил две небольшие книжки, явственно демонстрирующие, что автор не отказывается от революционно-демократических взглядов, от критического отношения к действиям властей, к политике царского правительства. В пронизанном автобиографическими мотивами лирическом сборнике «Пережитое», тут же изъятом властями из обращения, *Босяк* почти открыто декларирует свою принадлежность к революционному лагерю. Сборник фельетонов и сатирических стихотворений *Язвы «Шпильки»* — ещё более дерзкий вызов, брошенный властям. Издание этого, тоже изъятого из обращения, сборника обернулось для автора и издателя печальными последствиями. На титульном листе «Шпилек», помимо указания на типографию, выпустившую книгу («Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко»), значится: «Издан Д. Челеби». Д. Челеби — это Даниил Абрамович Челеби. Под такой фамилией (с паспортом на это имя) в Благовещенске с 1907 г. жил ровесник Чудакова Иосиф Александрович Постернак, уроженец города Очакова Николаевской области Украины. Челеби позже являлся сотрудником ряда периодических изданий Приамурья, редактором-издателем газет «Амурский телеграф» (1913–1914), «Амурский листок» (1913–1914), «Алексеевская жизнь» (1915), журнала «Амурские волны» (1914). А в 1909-м Челеби (Постернак) выступил в явно рискованной роли издателя антиправительственного по духу сборника «Шпильки», за что, как и автор, подвергся судебным преследованиям. Правда, ему, в отличие от автора, удалось избежать тюрьмы, а вот Чудаков после изнурительно долгой судебной волокиты в 1913 г. вновь на несколько месяцев угодил «на горку» — в благовещенскую тюрьму.

Судя по дошедшим до нас воспоминаниям, где бы он ни оказывался — в тюремной ли камере, среди коллег-журналистов, на рыбалке, в дружеской компании — неизменно становился душой общества, «заводилой». Потрясающая эрудиция, остроумие, дружелюбие, душевная щедрость — все эти качества легко позволяли ему становиться центром притяжения в любом коллективе. Притягивало к нему внимание, делало его безусловным авторитетом и его творчество, его огромный художественный дар. Но не только. Появившись в Благовещенске, Ф. Чудаков произвёл на всех неизгладимое впечатление уже одной своей незаурядной внешностью, главной изюминкой которой была причёска. О ней мы имеем представление по нескольким чудом сохранившимся фотографиям, а также по воспоминаниям очевидцев. Упомянувшийся выше Иван Сивков, познакомившийся с Чудаковым в политическом отделении благовещенской тюрьмы в начале 1909 года,

Ф.И. Чудаков
за работой
в редакции газеты
«Эхо».
Начало 1910-х гг.

приводит слова тюремного надзирателя, с ухмылкой объявившего заключённым-старожилам, что «на горку» доставили «нового политического, да косматого какого!» Видный сибирский журналист Михаил Басов, знавший сатирика по совместной работе в газете «Амурское эхо», свидетельствует, что у Чудакова, являвшегося «душой газеты и неутомимым волком», было прозвище «лохматый студент»: «Несуразная, угрюмая фигура, днями сидевшая в угловой и самой отдалённой комнате редакции, не встававшая из-за письменного стола прежде, чем не создан номер газеты. Лохмат он был, действительно, до безобразия: шапка густых вьющихся волос вздымалась поверх головы двумя огромными копнами...»

Впрочем, Чудаков и сам не раз рисовал свой колоритный портрет — и графическими средствами (в иллюстрациях к своим произведениям в газете «Эхо» и журнале «Дятел, беспартийный»), и словесно — прозаически или поэтически. Вот один из таких автопортретов — в стихотворении «Осенняя соната» (1914):

И с ними третий, с головою фавна,
С задумчиво-нахмуренным челом;
Растрёпанная ветром презабавно,
Торчит его причёска помелом...
Портрет подробный этого скитальца
Напоминает, в общем, сенегальца...

Ни на день не прекращая напряжённую творческую работу, никогда не расставаясь со своими записными книжками, в течение многих лет с предельной самоотдачей исполняя обязанности секретаря редакции газеты «Эхо» (а после её закрытия — газеты «Амурское эхо»), что отнимало много времени и сил — физических и душевных, Фёдор Иванович, тем не менее, находил возможность бывать за пределами Благовещенска — на рыбалке или, реже, на охоте, в журналистских командировках. Он объездил почти всю Амурскую область, особенно любил путешествовать по реке Зее. Почти все его поездки, сплавы по реке так или иначе отразились в фельетонах, очерках, рассказах, повести «Дочь шамана», романе «Тайны Зеи», стихотворениях, поэмах... Деятельно участвовал он в общественной и культурной жизни Благовещенска. Разнообразие и объём его увлечений, дел, обязанностей потрясали современников. По словам М. Басова, Чудаков был «неутомимым волком», правильнее было бы сказать — долгие годы он работал буквально на износ, на пределе человеческих возможностей. До поры его спасало отменное физическое здоровье, хорошая наследственность, а также закалка, приобретённая в годы енисейской ссылки. Но случались и эмоциональные и психологические срывы (их «отметины» можно найти в ряде произведений, особенно лирических), брали своё

Титульные листы журналов «Колучки» (№ 9. 1910) и «Зея» (1914. № 3). Фактическим редактором (и ключевым автором) этих журналов был Ф. Чудаков

физические недуги (о чём свидетельствуют, например, *больничные очерки* «В починке»).

Одна из немногих сфер жизни сатирика, не нашедшая отражения в его творчестве, практически полностью закрытая от читателей, — всё, что связано с семьёй, женой, дочерью...

Несмотря на то, что отношения Фёдора Чудакова с Варварой Протопоповой развивались с лета 1908 года, в полноценный семейный союз они сложились не сразу. Венчание состоялось 7 мая 1910 года в Пророко-Ильинской церкви Благовещенска. Фёдору на тот момент было двадцать два, Варваре — на год меньше. Поручителями с его стороны стали упоминаемый в мемуарах «Арестант» (1918) Михаил Соловейчик — сотрудник газет «Амурский край» и «Амурский листок», из ссыльных, по партийной принадлежности, как и Чудаков, эсер, а также Яков Николаев — конторщик газеты «Амурский край», член Амурского отдела «Общества изучения Сибири и улучшения её быта», куда, кстати, вступил и Фёдор. Поручителями со стороны Варвары были сын коллежского асессора Валентин Раевский и священник Константин Смирнов¹⁴. Через год и четыре месяца, 20 сентября 1911-го, у Чудаковых родилась дочь, которую назвали Наташей. Но, как уже отмечалось, семейную сферу, взаимоотношения с женой и дочерью *Амурец* не афишировал, не выставлял напоказ, эта сторона его жизни — из самых «тёмных». Единственный «член семьи», о котором имели представление амурские читатели, — Макс, Максимка, любимый пёс писателя.

До февраля 1917-го жизнь Ф. Чудакова была подчинена, главным образом, борьбе с различными несуразностями политического устройства самодержавной России, с уродливыми сторонами общественного строя и быта, с социальным неравенством и национальным угнетением, со всеми формами несвободы, с засильем чиновничества, удушающего жизнь казённой бумагой, с казнокрадами и беззастенчиво грабящими народ богатеями, с мещанской психологией обывателей, с пассивностью народа... Преимущественно критический, иронический пафос автора обусловил преобладание в его творчестве жанра так называемого «маленького фельетона» — как стихотворного, так и прозаического.

Февральскую революцию Чудаков встретил не обычной для него ироничной или язвительной, фельетонной интонацией, а восторженной, ликующе-бравурной, одической:

---

¹⁴ Государственный архив Амурской области. Ф. 29-И. Оп. 3. Д. 656. Л. 105. Цит. по книге: Благовещенск. Март 1918. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2018. С. 341–342.

Четвёртый день в душе трезвон!

И солнце светит взору!

Какой возможно фельетон

Писать в такую пору?

Я не писатель. Я — звено

Великого народа!

И я могу писать одно:

Да здравствует Свобода!

Да здравствует Свобода!

Да здравствует Свобода!

Свобода!

Этот мажорный, наполненный бурным ликованием текст, опубликованный 5 (18) марта 1917 года в «Амурском эхе», заставляет вспомнить другой, напечатанный тремя годами раньше — 19 марта (1 апреля) 1914-го. Он был откликом на какую-то заметку в общероссийской хронике: «*В числе свидетелей на процессе Бендасюка выступал жандарм Свобода*»:

Единый раз за долгий век,

Без грустного исхода

Воскликнуть может человек:

«Да здравствует Свобода!»

Кричи, вопи на целый свет!

Чего тут опасаться?

Услышишь сладостный ответ

Свободы: «Рад стараться!»

Когда ж сему придёт черёд,

То, в шпорах и при шашке,

Тебя Свобода доведёт

До первой каталажки.

Думается, Ф. Чудаков в марте 1917-го вспомнил тот свой давний фельетон и, захваченный радостными эмоциями и иллюзиями, уверовал, что прежний его скептицизм оказался ошибочным, что свобода таки стала реальностью. Увы, ни Февраль, ни Октябрь 1917-го не принесли подлинной свободы ни ему, ни его читателям, ни всему российскому народу. Та «Свобода» с большой буквы, которая восхитила *Амурца* в феврале-марте 1917-го, очень скоро обернулась разочарованием, а большевистская, октябрьская «свобода» не довела сатирика «до первой каталажки» только потому, что он предпочёл ей добровольную смерть...

Завершая разговор о судьбе Фёдора Чудакова, нельзя не вспомнить вновь о том, с чего начиналась эта статья...

За четыре года до трагедии, 4 (17) апреля 1914-го, в газете «Эхо» был напечатан небольшой *набросок* «Убитая песня», который помогает понять главную причину того, что случилось 28 февраля 1918 года в Благовещенске, в доме по улице Соборной, 91.

Автор пастельными красками рисует пасхальный апрельский день, совпавший с открытием охотничьего сезона. Место действия — небольшая речка Будунда (совр. Ивановка), впадающая в Зею немного выше Благовещенска, на противоположном берегу, в районе села с тем же названием (ныне Усть-Ивановка). Эти места Чудаков любил, бывал здесь часто, они описаны во многих его произведениях — стихах, фельетонах, рассказах.

Отстав от своих товарищей-охотников, автор-рассказчик (он же и герой) расположился на песчаном берегу и, отставив в сторону ненужное ружьё, весь отдался созерцанию и размышлениям: «А я сидел и думал о том, чего уже нет, и о том, чего никогда не будет. Под весенним солнцем хорошо думать о том, чего уже нет». Позади, за спиной, раскинулась могучая в своём весеннем разливе Зея, перед ним — впадающая в неё чуть правее небольшая мутная речка, а за нею «сверкали маленькие оконца мазанок, рыбачьих хатёнок». Дальше же, уходя влево, раскинулось большое село, в котором был мужской монастырь, откуда доносился теперь пасхальный колокольный звон: «От колокольного звона воздух казался густым и пухлым, и тонули в нём серебряные песни жаворонков...» Сверху нависало бездонное голубое небо, светило солнце, пролетали дикие гуси, но без обычного своего гогота, молча, словно и их завораживал «сочный монастырский звон». Пахло мёдом цветущей талины и острою сыростью мёртвых трав...

И вдруг до рассказчика доносится пение, вначале почти неуловимое. От монастыря к речке шёл человек в чёрном монашьем одеянии и пел мягким баритоном «какую-то священную песнь». Не всё в этом «величаво-грустном напеве» можно было разобрать, рассказчик улавливает только отдельные слова: «И вознесу... и вознесу...» По мере приближения монаха к речке исполняемая им «пасхальная, светлая песня» звучит всё явственней. Вторя колоколам, она навевает герою-рассказчику «тихое умиление».

Этот кульминационный момент хочется процитировать подробней, потому что в нём, как ни в каком ином произведении Ф. Чудакова, с максимальной отчётливостью и искренностью проявляется устремлённость его души не к бунтарству и революционной ломке,

не к потрясениям и классовой борьбе, а к умиротворению, нежности, покою. Устремлённость к идеалу, совершенству, к красоте и гармонии — и природной, и социальной, и душевной, и небесной, горней, воплощённой в светлых пасхальных песнопениях, в обещающем вечность колокольном звоне:

«Обещала песня мир, прощение, успокоение. И хотелось верить в этот мир. Ибо стосковалась давно душа по миру.

Какое-то очарование несло его пение. В нём было больше, чем слова и голос. Чувство ли в нём было, или густой весенний воздух наполнял его какою-то неведомой, чудесной силой.

И хотелось слушать долго-долго. И забыть всё».

И в этот самый момент, когда душа рассказчика, замороженная, умилённая, просветлённая песнопением, достигает зенита, раздаётся громкий омерзительный гогот: издевательски гогочут, ржут, хрюкают над монахом, над его пением, над пасхальным гимном «два чернородых» существа у одной из рыбацких мазанок: «И-го-го! И-го-го!.. Хррр! Хррр!»

«Песня оборвалась. Монах обернулся и, словно испуганный, быстро пошёл назад к монастырю.

И всё стало пусто. На мгновение.

А потом опять раздалось гоготание и вслед — ругань, чёткая и жёсткая. Под её ударами быстро бежал к монастырю монах.

А я — почему не знаю — вскочил, схватил ружьё и выстрелил. Вверх, в воздух.

Я хотел протестовать свинцовым гулом против насилия над песней. Протестовать громко, стальным криком, чтобы поняли они, что убили что-то хорошее, святое...»

Этот потрясающий, разрывающий сердце финал «Убитой песни» — проекция, предсказание того, что совершит Фёдор Чудаков в конце февраля 1918 года: «свинцовым гулом», «стальным криком» он «громко» выразит протест «против насилия». Эти «громко» прозвучавшие выстрелы призваны были остановить тех, кто залил Благовещенск кровью и собирался и дальше действовать таким же образом: «чтобы поняли они, что убили что-то хорошее, святое...»

Период с 1909-го по 1918-й — время напряжённого творческого труда, время стремительного роста художественного мастерства. Чудаков в эти годы являлся одним из самых продуктивных и самых популярных сотрудников газет «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело», был фактическим редактором и основным автором сатирических журналов «Колючки» и «Зея», редактором-из-

дателем и почти единственным автором журнала «Дятел, беспартийный». Основной массив созданных им произведений, как уже отмечалось, — фельетоны (преимущественно стихотворные), сатирические стихотворения. А ещё Ф. Чудаков создал целую россыпь блестящих стихотворных легенд и сказок сатирической направленности, которые он, кстати, собирался выпустить и отдельной книжкой, но не успел. Сатира Чудакова, особенно последних трёх-четырёх лет жизни, — вершина творчества, самое значительное из того, что вышло из-под его пера. Чудаков-сатирик удивительно разнообразен в проблемно-тематическом, жанрово-стилевом, изобразительно-выразительном, ритмико-интонационном и всех иных отношениях. Лучшие из его стихотворных фельетонов заслуживают того, чтобы стать классикой жанра. Место *Амурца* — среди самых известных российских сатириков начала XX столетия.

Спустя век можно в полной мере оценить остроумие, меткость, художественную выразительность, а главное, неувядающую актуальность сатиры *амурского Саши Чёрного*. Она выдержала самое трудное испытание — временем. А всё потому, что писатель никогда не потрафлял неразвитым вкусам и особенно низменным запросам части мещанской публики, не угождал нуворишам, новоявленным «хозяевам жизни» — разбогатевшим на жульничестве амурским толстошумам, жаждавшим чаше всего «клубнички», пошлой «юмористики». Не поддался он и диктату большевиков, подмявших свободное слово, добивавшихся того, чтобы писатели были у них на побегушках. Перо сатирика служило народу и России, отстаивало подлинные демократические, нравственные и культурные ценности, нацелено было не на бытовое мелкотемье, а на явления масштабные, государственно, национально и социально значимые.

В заключение выскажем несколько общих суждений о значении творческого наследия «амурского Саши Чёрного».

Первое состоит в том, что произведения Чудакова являются ценнейшим художественным документом эпохи, в котором максимально

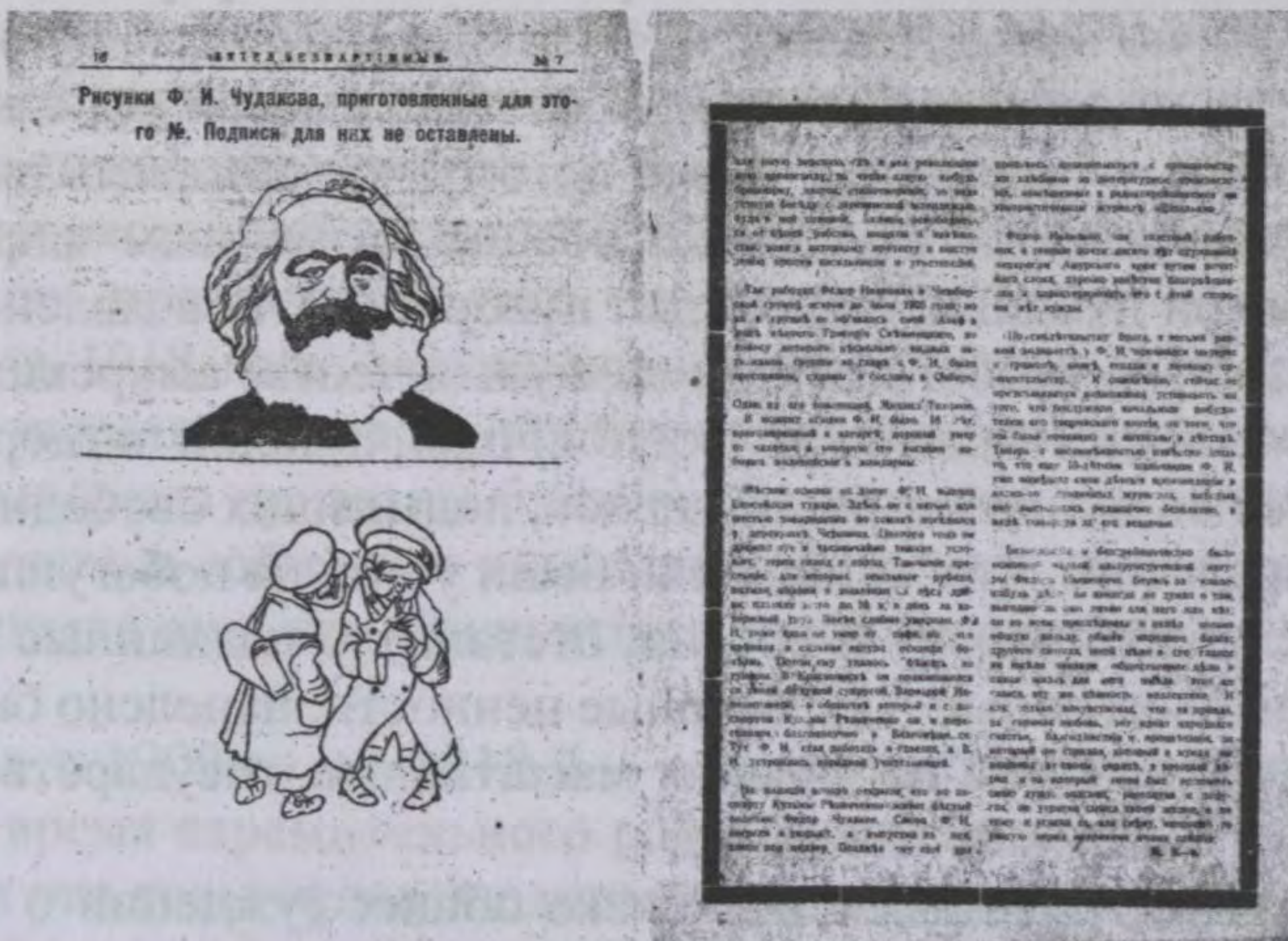

Обложка журнала «Дятел, беспартийный» (1918. № 5) с рисунком Ф. Чудакова, на котором изображён он сам с замком на губах

честно, без всякой казёнщины и официоза, без псевдопатриотического пафоса или, наоборот, без лицемерной либеральной слащавости отражается — последовательно, буквально день за днём — динамика российской действительности предреволюционного десятилетия, сам ход российской истории, её поступь.

Второе — творческое наследие *Амура* представляет собой колоссальную познавательную ценность в том смысле, что позволяет в новом свете и беспрецедентно полно, в живой последовательности увидеть жизнь Приамурья начала XX века: почти во всех её ключевых событиях, фактах, именах, выразительных подробностях. Ни одного другого художественного явления, столь талантливо, полно, глубоко, всесторонне и достоверно воссоздающего подлинные реалии амурской жизни целой эпохи, не существует.

Третье — произведения Чудакова, особенно если их рассматривать в хронологическом порядке, позволяют проследить за образом мыслей, за переменами в сознании, за изменениями в мировоззрении человека из демократического лагеря, проходящего через драматические и трагические события революционной эпохи, избавляющегося от многих заблуждений и либеральных иллюзий, прозревающего, но, к сожалению, слишком поздно. И в этом отношении наследие Фёдора Чудакова — уникальный феномен, требующий осмысления в свете событий сегодняшнего дня.

Страницы посмертного номера журнала «Дятел, беспартийный» с рисунками Ф. Чудакова

«Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который!...»

История о том, как Фёдор Чудаков обрёл, наконец, день рождения

До недавнего времени датой рождения одного из самых ярких сатириков начала XX века Фёдора Чудакова считался 1887 год. Предположение, высказанное ещё в 1960-е основателем литературного краеведения Приамурья Анатолием Васильевичем Лосевым (1927–2002), со временем вошло в обиход, утвердилось в качестве бесспорного факта и никем не ставилось под сомнение. Во всех немногочисленных публикациях, так или иначе касавшихся биографии Чудакова, фигурировал именно этот год. Такая же дата, причём без каких бы то ни было оговорок и пояснений, тиражировалась (и поныне тиражируется) в интернете.

А между тем Лосев пояснял, что год рождения установлен им, «исходя из данных о возрасте Чудакова, которому ко времени ареста исполнился двадцать один год»¹. Арифметика здесь простая: если на момент ареста (1 января 1909 г.) или допроса (один из первых дней того же января) беглому ссыльному исполнился двадцать один год (этот возраст зафиксирован в протоколе допроса, который вёл с юмором описанный в автобиографическом рассказе Чудакова «Арестант» жандармский ротмистр М.П. Перков)², то, следовательно, родился он либо в 1887-м, либо в начале января 1888-го. А так как вероятность

---

¹ Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) / публ. и коммент. А. Урманова // Амур: литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 50.

² «Это был очень вежливый и предупредительный господин. Его изящный портсигар всегда был к услугам арестуемых, и папиросы отличались тонким ароматом и приятным вкусом. Я до сих пор вспоминаю нашу беседу с этим колонизатором, происходившую в начале января 1909 года в помещении 1-го участка.

Результатом этой беседы было появление на свет божий документа...

Для меня теперь этот документ замещает иногда меня самого. Всё, что мог бы я сказать про самого себя, занесено в этот документ, начиная от номера обуви и цвета волос, и кончая размером уха, густотой бровей, длиной подбородка и т.д.

Так что теперь, когда меня придут подчинять власти комиссаров, им уже нечего будет трудиться составлять точную топографию моей внешности: это уже сделано ротмистром Перковым» (*Эс-эр (Чудаков Ф.)*. «Арестант» // Дятел, беспартийный. 1918. № 4. С. 4).

второго варианта в сравнении с первым была крайне мала, то А. Лосев и отдал предпочтение 1887 году.

Сложности с определением года рождения сатирика объяснялись тем, что в дореволюционное время в судебных, жандармских и полицейских протоколах принято было указывать не дату рождения, а возраст. А это давало возможность слегка «округлить» его — в зависимости от того, кем подследственный хотел выглядеть в глазах «собеседника» — зрелым человеком, опытным, закалённым идейным борцом с царским режимом или, напротив, неопытным юнцом, заслуживающим снисхождения. Прошедший не одну тюрьму, долгий этап, тяжелейшую сибирскую ссылку, совершивший дерзкий побег, много успевший повидать и испытать, двадцатилетний арестант вполне мог прибавить себе месяц-полтора, чтобы в глазах лощёного жандармского офицера, который его допрашивал, выглядеть более взрослым. Очевидно, понимая это, Лосев, как настоящий учёный, привыкший опираться в своих исследованиях лишь на факты, и сделал оговорку: установленная им примерная дата рождения нуждается в уточнении и документальном подтверждении. Такого подтверждения Анатолий Васильевич, знакомившийся с редкими архивными материалами — документами жандармского розыскного пункта г. Благовещенска, не нашёл — ни тогда, ни позже, в течение нескольких десятилетий изучая амурскую периодику.

Прошло более полувека, а вопрос о дате рождения амурского Саши Чёрного по-прежнему оставался открытым: обращения в пензенские литературные музеи и архивы результатов не давали. Ни на родине — в Чембаре (с 1948 — г. Белинский), ни в областном центре — Пензе о раннем периоде жизни, о детстве и юности прославившегося на Амуре журналиста и писателя ничего определённого сказать не могли. Доходило до курьёзов: в ответ на запрос из Амурской области пензенцы отправляли ссылку на статью амурского же исследователя. По этой причине в изданной в 2013 г. в Благовещенске «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI вв.» дата рождения Амурца осталась прежней, предположительной — 1887 год³.

И лишь сравнительно недавно, при подготовке книги избранных произведений Фёдора Чудакова⁴, автору этих строк удалось прибли-

³ Урманов А.В. Чудаков Фёдор Иванович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 423.

⁴ Чудаков Ф. «Чаша страданья допита до дна!..»: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / сост., предисл., подг. текста, коммент. А. Урманова. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2016. 716 с.

зиться к истине, существенно сузив временные рамки для целенаправленного архивного поиска.

Книга эта, вышедшая в конце 2016-го, — первое за столетие издание произведений Чудакова, призванное вернуть фактически из небытия масштабную творческую личность, сопоставимую с первыми сатириками Серебряного века. Помимо сатиры, в ней представлены лирика, проза, драматургия. А в последний, шестой раздел вошли уникальные материалы, связанные с трагической гибелью семьи Чудаковых: предсмертные письма, отклики на самоубийство, воспоминания современников. Составителю, в частности, удалось отыскать 7-й номер журнала «Дятел, беспартийный», который начинал готовить к печати Фёдор Чудаков, а заканчивать пришлось родному брату Дмитрию, типографскому рабочему. Номер вышел спустя две недели после трагедии — 14 (27) марта 1918 г. — и включал, в том числе, посмертные «биографические штрихи» о писателе, автором которых был Михаил Хрисанфович Катаев — журналист, редактор-издатель и сотрудник некоторых периодических изданий, выходивших в Благовещенске. В 1916–1917 гг. Катаев являлся редактором-издателем газеты «Амурское эхо», одним из самых деятельных авторов (и секретарём редакции) которой был Чудаков; в 1917–1918 гг. оба они сотрудничали в эсеровской газете «Народное дело». Совместная работа сблизила их, а трагическая смерть сатирика 28 февраля (13 марта) 1918 года на некоторое время предопределила направление журналистской и общественной деятельности Катаева: в мае 1918-го он стал издавать журнал «Чайка», главная провозглашённая цель которого — увековечение памяти Чудакова, изучение и популяризация его творчества. Значительное место в «Чайке» занимали статьи и воспоминания о сатирике. Два номера журнала почти целиком были посвящены Чудакову, во 2-м, в частности, опубликована статья Катаева «Трагедия души поэта, или Обманутая вера», объясняющая причину трагического ухода, а в 5-м — его же статья «Как умерли Чудаковы», воссоздающая обстоятельства потрясшего амурскую общественность самоубийства.

В упомянутых выше посмертных «биографических штрихах» друг и соратник Чудакова утверждал: «Фёдор Иванович родился в 1888 году...»⁵. Статья М. Катаева Лосеву, судя по всему, не была известна: в Благовещенске 7-го номера «Дятла...» (точнее — страниц, на которых напечатаны «посмертные» материалы) нет, в Российской государственной библиотеке («Ленинке»), в которой работал Ана-

⁵ М. К-в (Катаев М.Х.) Фёдор Иванович Чудаков: биографические штрихи // Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 17.

толий Васильевич, этот журнал вообще отсутствует. На «биографические штрихи» Лосев никогда не ссылался, не цитировал их, нигде не обнаружил знание тех фактов, которые там изложены. Или, быть может, он проигнорировал их, поставив под сомнение достоверность свидетельств М. Катаева? Поверить в это невозможно, ибо биография сатирика, изданная его родным братом, не может не заслуживать уважительного отношения. Тем более что в ней немало подробностей о самом «тёмном» периоде жизни Чудакова — чембарском.

Составляя «биографические штрихи» для «посмертного» выпуска «Дятла...», Катаев, как можно предположить, уточнял (обязан был уточнять!) факты биографии сатирика у его брата Дмитрия. Который, в свою очередь, выполнял роль фактического редактора-издателя прощального номера журнала и потому должен был вычитывать материалы, тем более такой важный, как биография покойного. Конечно, чисто теоретически дата рождения, которую назвал М. Катаев (1888), могла содержать опечатку или даже фактическую ошибку, ставшую следствием спешки автора материала и невнимательности редактора 7-го номера «Дятла...», однако вероятность этого не очень высока. С другой стороны, полностью полагаться на статью М. Катаева тоже было нельзя — это ведь не документ. Так что вопрос о дате рождения сатирика хотя и несколько прояснился в период подготовки книги его сочинений, но всё равно нуждался в уточнении, которое строилось бы на более веских основаниях, нежели журнальная статья или протокол жандармского допроса.

Не добившись окончательной ясности с годом рождения (но сделав выбор в пользу 1888-го), редактор-составитель книги избранных произведений Чудакова сумел «вычислить» месяц: помогли разысканные произведения сатирика. Одно из них — стихотворный фельетон «Кошмар фельетониста», опубликованный под псевдонимом *Язва* 13 (26) февраля 1911 года. Содержание произведения недвусмысленно свидетельствовало: день рождения автора приходится на первую половину февраля:

Он лежит на жёсткой койке,
 День рождения кляня.
 Перед ним, как пёс на стойке,
 Зоркий сторож — Злоба Дня...
 Пасть отверста, зубы скалит,
 Воет, рывкает, скулит...
 Одного в канаву валит,
 А тому портфель сулит.

Пуришкевич в пёсьей коже...
 Вот Гучков ползёт, как вошь...
 Рожи, рожи, рожи, рожи...
 Боже! Боже! Сколько рож!!
 Он лежит на старой койке,
 День рождения кляня.
 Перед ним, как пёс на стойке,
 Верный сторож — Злоба Дня ⁶.

Фельетон «Кошмар фельетониста» давал веское основание для вывода: автор отмечал своё рождение несколькими днями ранее даты публикации произведения — 13 февраля.

Предположение это нашло подтверждение ещё в одном произведении Чудакова, созданном семью годами позже. Речь о прозаическом фельетоне «Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области!», опубликованном за подписью *Обиженный Фёдор* в № 4 журнала «Дятел, беспартийный», а именно, как обозначено на титульном листе, 4 (17) февраля 1918 года. Как станет понятно чуть ниже, такой датировкой очередного номера любимого своего детища редактор-издатель «Дятла...» продемонстрировал, что не признаёт за большевиками права на радикальную ломку всего и вся, в том числе календаря.

Причина «обиды» автора фельетона на «властьсоветских» — то, что они лишили его (и многих других российских Фёдоров, да и не только их) приближающихся именин. Дело в том, что 24 января 1918 г. декретом Совнаркома был упразднён юлианский и введён григорианский календарь, в соответствии с которым вводилась поправка в 13 суток. Декретом устанавливалось, что после 31 января 1918 г. в России сразу наступит 14 февраля — по новому стилю. В практике датировки все события и документы, относящиеся к периоду до 1 февраля 1918 г., датируются по юлианскому календарю («старый» стиль), с 1 февраля 1918 г. — по григорианскому («новый» стиль). Основной дате может сопутствовать дата другого стиля, помещённая рядом в круглых скобках.

Одним из последствий этого поистине революционного решения советской власти стало то, что период с 1 по 13 февраля 1918 г. вообще выпал из российского календаря и из российской истории: эти дни были как бы «списаны» (но только, как мы помним, не редактором-издателем «Дятла, беспартийного»).

⁶ Язва (Чудаков Ф.). Кошмар фельетониста // Эхо. 1911. № 688. 13 (26) февраля. С. 4.

Страница «Дятла, беспартийного» с фельетоном Ф. Чудакова

Выходит, что наши-то именины в нынешнем году — кошка съела! После 31-го января велено считать сразу 14 февраля, а 8-е-то, оказывается, Митькой звали! И получается, что не только никаких «технических надобностей» в этом году нам не испробовать, но даже и пирог с кетой упразднен без остатка. Ленину-то хорошо! Он правит именины и на Николая, и на Владимира (так уже полагается для всякого городничего на Руси)⁷, а тут в кои-то веки задумаешь раз в год удовольствие себе и товарищам доставить, ан, глядь, фигу получаешь.

Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области!.. Давайте протестовать, товарищи! Легко сказать, ведь так и собственный возраст

⁷ Ленину-то хорошо! Он правит именины и на Николая, и на Владимира (так уже полагается для всякого городничего на Руси)... — намёк на то, что большевистский вождь, глава советского правительства Владимир Ленин ведёт себя как единодержавный монарх, то есть как низвергнутый император Николай II, небесным покровителем которого был святой Николай Мирликийский (Николай Угодник).

Что касается частной жизни граждан, то в проигрыше оказались те, у кого именины (и дни рождения) приходились на эти дни. В таком положении оказался и Фёдор Чудаков: декрет Совнаркома «съел» (по современной казённой терминологии — «оптимизировал») его день рождения — а он, судя по тексту фельетона, приходился на 8 февраля по старому стилю — то есть на день, в который православная церковь чтит память святого великомученика Фёдора (Феодора) Стратилата. Приведём с небольшими сокращениями этот фельетон, в котором автор фактически назвал дату своего рождения:

перепутать недолго. Как считать года без именин? Ну, который теперь мне год? Чёрт его знает, который!..

Углублять — углубляй, это дело не наше. Разгоняй Учредилку, мирись с Вильгельмом — это всё ерунда! Но именины — не тронь!..

Товарищи Фёдоры-Стратилаты всех волостей и города Благовещенска! Соединяйтесь! Давайте или контрреволюцию, или складчину устроим! ⁸

Именины (и день рождения), которых большевики лишили Фёдора Чудакова в феврале 1918 года, были, как мы теперь выяснили, не рядовые, а юбилейные...

Теперь о главном — о находке, поставившей точку в длившемся много десятилетий поиске. В феврале 2017 года в ответ на очередной запрос краеведа Евгения Паршина — одного из ведущих авторов «Энциклопедии литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков» (2013) — из Государственного архива Пензенской области пришло, наконец, документальное свидетельство — сканы метрической книги Николаевской церкви г. Чембара за 1888 год (Ф. 182, оп. 7, д. 201, л. 286 и 289-290).

Чембар. Улица Никольская с видом на Никольскую церковь

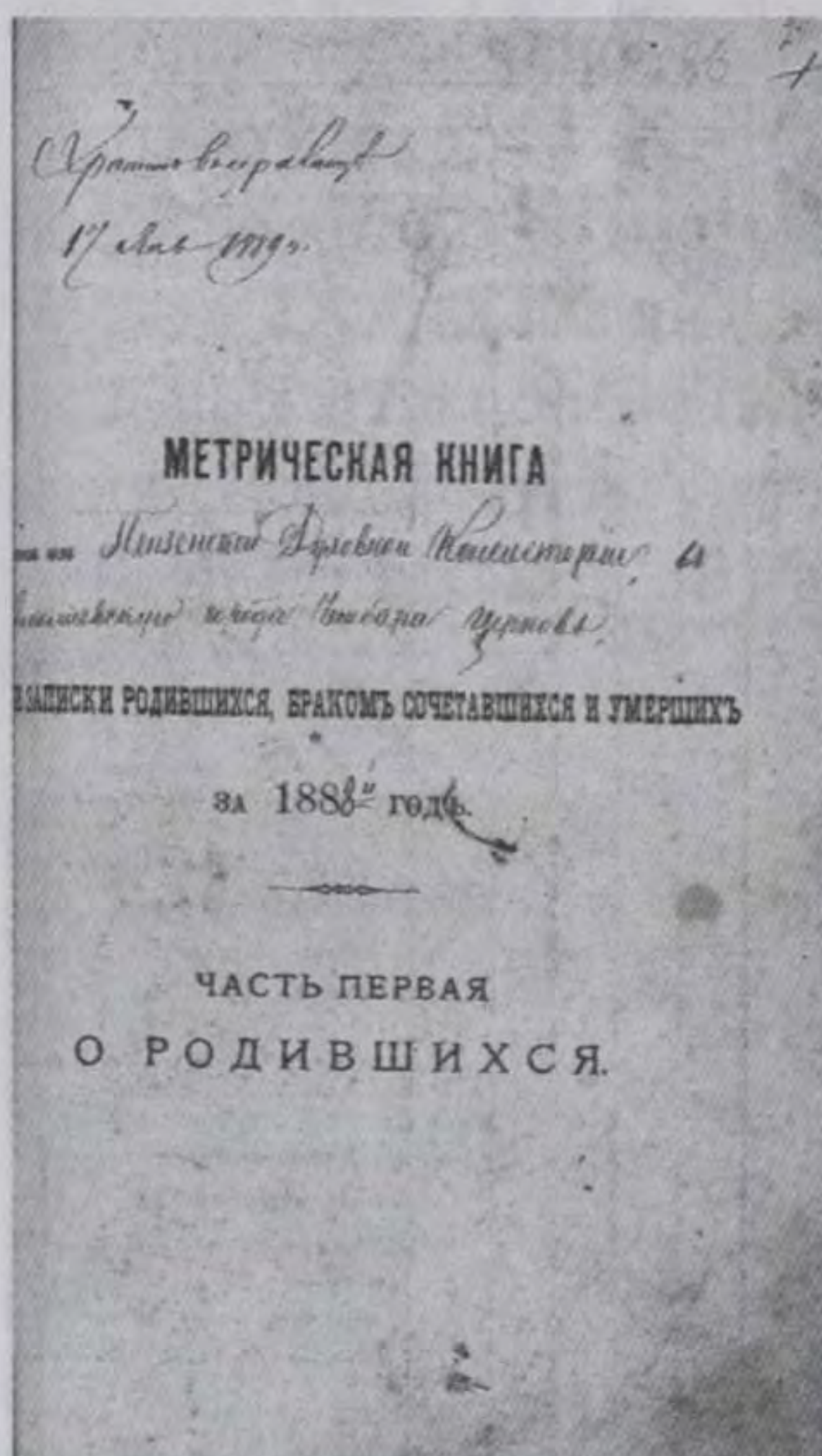
⁸ *Обиженный Фёдор* (Чудаков Ф.). Товарищи Фёдоры-Стратилаты Амурской области! // Дятел, беспартийный. 1918. № 4. 4 (17) февраля. С. 13.

Судя по этому документу, Фёдор Чудаков родился 8 (20 по новому стилю) февраля 1888 года — то есть в тот самый день, когда православная церковь чтит память Фёдора Стратилата. Следовательно, своим именем будущий писатель, действительно, обязан этому христианскому святому-великомученику. Метрическая книга, кроме того, «воскресила» имена священников, проводивших обряд крещения, а также родителей писателя.

Произошедшее — событие, значимость которого чрезвычайно велика: впервые за столетие появилась возможность отдать должное блестящему амурскому сатирику, отмечая дни его рождения.

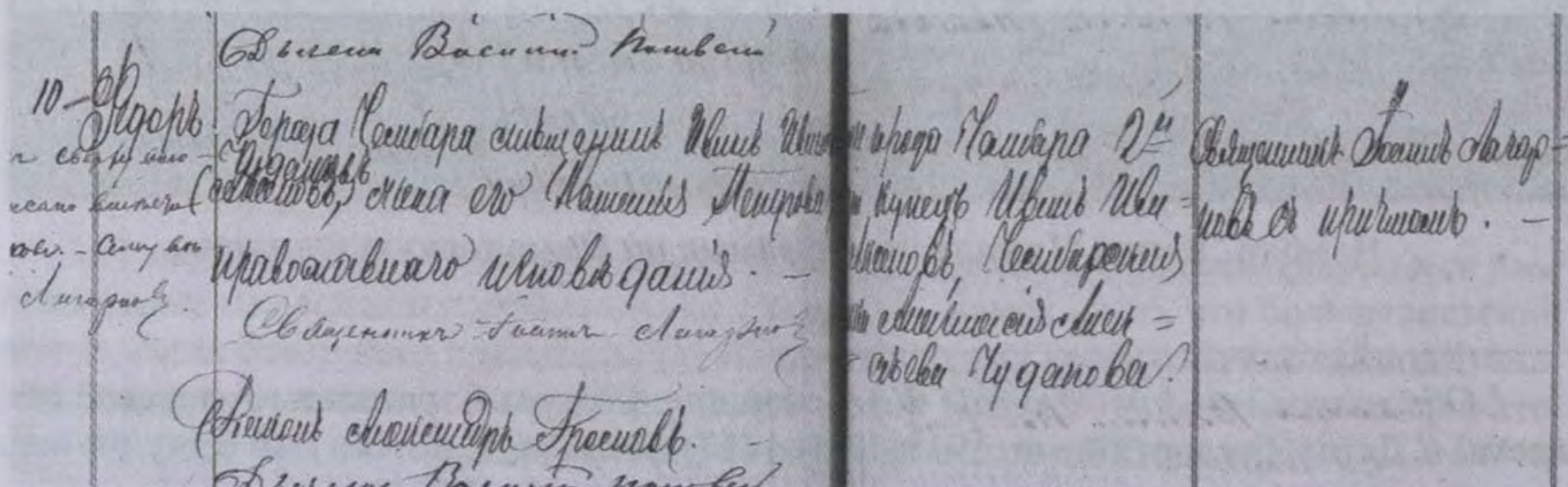
Хочется верить, что возвращение нашему выдающемуся земляку дня рождения станет прологом к полномасштабному возвращению его творчества, его произведений. Уверен, что большим событием культурной жизни города и области могли бы стать спектакли по пьесам Чудакова, и поныне не потерявшим острой актуальности: в их числе социально-психологическая драма «Изгнанники» и драматическая сказка в стихах «Очарованный Леший».

Ещё важнее, как мне представляется, издать в Благовещенске книгу избранных произведений Ф. Чудакова разных жанров, в которых отражается амурская действительность.

Обложка метрической книги Николаевской (Никольской) церкви города Чембара за 1888 г.

Запись в метрической книге о рождении Фёдора Чудакова 8 (20) февраля 1888 г.

«Шпильки» нашлись!

Об одной литературной сенсации

Литературная жизнь Приамурья дооктябрьского периода изучена пока ещё по большей части поверхностно. Подлинный её масштаб скрыт от нашего взгляда. До сих пор остаются неизвестными или практически неосмысленными многие литературные явления, в том числе незаурядные. А известные, в силу своей разрозненности, пока ещё не складываются в общую картину. Тем более их недостаточно для того, чтобы представить литературный процесс на Амуре в подлинном его объёме и живой динамике. Имена большей части писателей, живших в эти годы в Благовещенске, мало кому известны, произведения их сейчас практически недоступны, так как не переиздавались в течение более чем столетия. Часть из них безвозвратно утрачена, часть рассеяна по страницам периодической печати огромного региона, по газетам, которые в лучшем случае можно найти, да и то не в полной комплектации, лишь в крупнейших архивах и книгохранилищах страны.

Тот факт, что Амурский край не выдвинул в дореволюционное время писателей, получивших признание в масштабах всей России, ещё не означает, что литературная жизнь региона носила сугубо провинциальный характер. Что здесь не было авторов, которые могли бы занять достойное место в контексте общероссийской литературы, которые заслуживали бы более широкого круга читателей. На такую роль, как представляется, вполне могли претендовать первый амурский поэт Леонид Волков (1870–1900) и сатирик Фёдор Чудаков (1888–1918).

Что касается Волкова, то его творчество, благодаря дошедшим до нас двум прижизненным сборникам «На Амуре» (1895) и «На Дальнем Востоке» (1899) и особенно благодаря посмертно изданным «Сочинениям Л.П. Волкова» (1902), известно сейчас практически в полном объёме.

С Чудаковым, к личности и творчеству которого привлёк внимание альманах «Амур»¹, всё обстоит иначе. Судьба литературного наследия этого автора до недавнего времени была незавидной: большая

---

¹ Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) / публ. А. Урманова // Амур: литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 47–54.

часть его произведений, в том числе и весьма талантливых, актуальных и поныне, затерялась на страницах амурской периодики начала XX столетия и была практически недоступна. Почти до сегодняшнего дня считался утраченным сборник лирических стихотворений Ф. Чудакова «Пережитое», изданный под псевдонимом *Босяк* в Благовещенске в 1909 году² и сразу же конфискованный по распоряжению властей. В то, что сохранился хотя бы один экземпляр сборника, не верил даже автор. Через девять лет, в 1918-м, включая в первый номер своего сатирического журнала «Дятел, беспартийный» новый вариант стихотворения «Евшан-трава», Чудаков не преминул указать в примечании, что впервые оно было напечатано в «Пережитом». Что касается судьбы самого сборника, то он, по словам поэта, «по постановлению прокурора был конфискован и сейчас едва ли где имеется хоть один экземпляр этой книжечки»³. В седьмом выпуске альманаха «Амур» (2008) автор этих строк сообщил, что, вопреки утвердившемуся мнению, книжка «Пережитое» не исчезла: оригинал этого раритетного издания находится в Российской государственной библиотеке, а копии — в отделе редких книг Амурской областной научной библиотеки и в литературно-краеведческом музее БГПУ. Здесь же, в альманахе, была напечатана и небольшая подборка стихотворений из неё — первое переиздание за целый век⁴.

В течение столетия ничего не было известно ещё об одной книжке. После ареста в Благовещенске в самом начале 1909 г. бежавшего из енисейской ссылки Ф. Чудакова и отбытия им шестимесячного заключения в местной тюрьме («на горке»), он под одним из самых известных своих псевдонимов *Язва* выпустил небольшой сборник стихотворных фельетонов «Шпильки»⁵. Сразу после этого против автора и издателя возбудили судебное преследование, длившееся несколько лет. Газета «Амурский листок» в номере за 14 февраля 1912 г. (№ 1090), в разделе «Хроника» сообщала читателям: «Литературное дело. Дело о привлечении к ответственности автора брошюры “Шпильки” — Язвы и издателя её Д.А. Челеби следствием закончено и передано

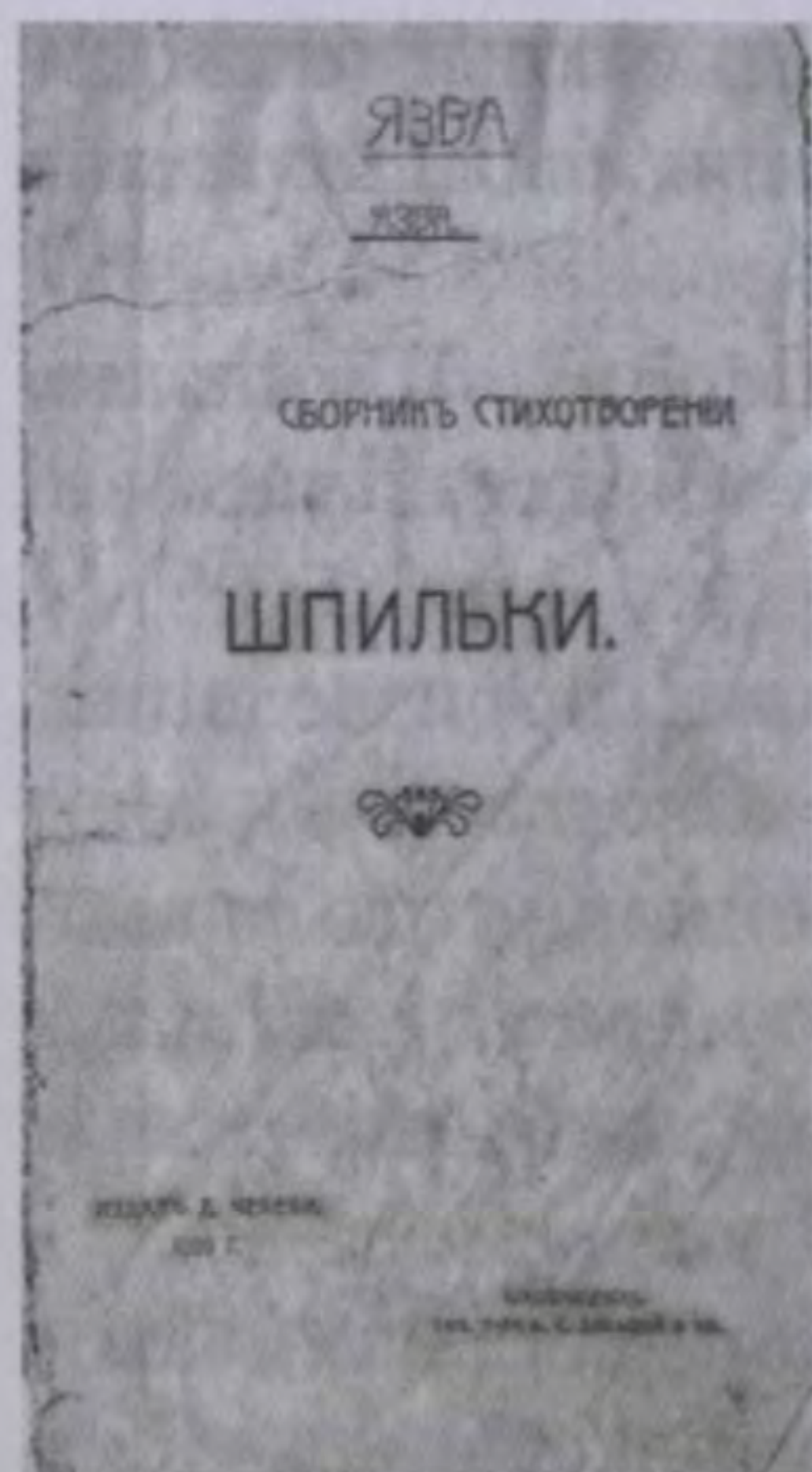
---

² *Босяк* (Чудаков Ф.). Пережитое: стихи. Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.

³ Дятел, беспартийный: еженедельное литературно-сатирическое издание. 1918. № 1. 14 (27) января. С. 3.

⁴ Чудаков Ф. Пережитое: стихи // Амур: литературный альманах БГПУ. № 7. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2008. С. 57–58.

⁵ *Язва* (Чудаков Ф.). Шпильки: сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби; Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. 31 с.

Титульный лист
в течение века
считавшегося утра-
ченным сборника
«Шпильки» (1909)

прокурору I участка». Как следствие, в 1913-м Чудаков отбыл в благовещенской тюрьме ещё несколько месяцев.

Итак, сборник «Шпильки» в 1909-м был изъят из обращения и бесследно исчез. Спустя годы Чудаков рассказывал об этом с присущим ему чувством юмора: «Главному управлению по печати так понравился сборник “Шпильки”, что оно через прокурора распорядилось приобрести всё издание для нужд правительства и тщательно сохранять его в архивах жандармского управления. Приобретение состоялось, как говорится, “даром”, ибо денег автору не заплатили, но так как всё-таки было неловко ничего не платить, то автору дали в виде единовременного пособия шесть месяцев тюрьмы»⁶.

«Шпильки» нашлись спустя ровно век — в 2009 году. Владельцем раритета оказался благовещенский коллекционер Сергей Николаевич Лафин, который, по его словам, адресованным автору этих строк, приобрёл сборник Чудакова года за три до этого. «Шпильки» были переплетены вместе с ещё одной редкой книгой — «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» (Благовещенск, 1901), выпущенной редактором-издателем «Амурской газеты» А.В. Кирхнером (1860–1903). Ранее эта искусственно сдвоенная книга находилась в личной библиотеке жителя г. Зея Амурской области Василия Андреевича Ланкина (о чём свидетельствует эксlibрис на титульном листе). Сведений о том, каким образом, когда и от кого она попала к нему, найти не удалось. По признанию С.Н. Лафина, он не придавал особого значения своему приобретению, так как не предполагал, что «Шпильки» считаются утраченными. Литературно-краеведческой сенсации предшествовала цепочка и случайных, и закономерных обстоятельств. Всё началось с того, что в 2009 г. автору этих строк предложили написать главу о литературной жизни Приамурья для книги о дореволюционном Благовещенске. В этой главе и было упомянуто, что сборник «Шпильки» пока не обнаружен. Затем рукопись главы попала к одному из редакторов книги — Андрею Александровичу Гаршину, а он вспомнил, что некоторое время назад видел сборник Чудакова, когда по просьбе редколлегии С.Н. Лафин приносил

⁶ Дятел, беспартийный. 1918. № 3. С. 8.

книгу Кирхнера. Таким образом всё «сцепилось», и открытие состоялось. Вскоре после этого копия уникального издания была передана коллекционером автору данных строк.

После кончины С.Н. Лафина (ноябрь 2010 г.) сборник «Шпильки» перешёл его наследникам и в настоящее время хранится в частной коллекции.

Сборник «Шпильки» включает 17 стихотворных произведений. Почти все они (за исключением разве что баллады «Светлана») имеют ярко выраженный сатирический характер. Собственно, на это указывает уже псевдоним, под которым автор выпустил книгу, — *Язва*, а также название сборника. *Шпилька*, по Далю, — в одном из прямых значений «спица, остроконечный прут», «род острого гвоздочка»; в переносном — «намёк, либо наветка, обиняк, укор, попрек, колкое словцо»⁷. Современный словарь даёт следующее толкование: «Колкое, язвительное замечание, колкость»⁸.

Чудаков подобрал на редкость удачное название для своей книжки. Действительно, колкость, язвительность — отличительные черты стиля «Шпилек». Судя по всему, стихотворный фельетон — любимый жанр Фёдора Чудакова; жанр, наиболее органичный для него. Как известно, фельетон — это острозлободневное художественно-публицистическое произведение сатирической направленности, как правило, предназначенное для публикации в газете или журнале. По складу своего характера и темпераменту, по своей бескомпромиссной гражданской позиции, по художественному дарованию, наконец, Фёдор Чудаков был прирождённым фельетонистом. Его талант расцветал в те годы, когда в России появилась целая плеяда блестящих сатириков — Аркадий Аверченко, Надежда Тэффи, Саша Чёрный, Аркадий Бухов и др., когда издаваемый в Петербурге еженедельный сатирический журнал «Сатирикон» (1908–1914) стал одним из самых популярных в стране периодических изданий. Сложись судьба Фёдора Чудакова иначе — окажись он в столице, среди профессиональных литераторов и критиков, в творческой атмосфере «Сатирикона», — художественный талант его получил бы необходимую огранку, и он воспринимался бы сейчас как художественное явление не регионального, а национального масштаба. Впрочем, значимость и уровень созданного Чудаковым гораздо выше, чем это

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1978–1981. Т. 4. С. 643.

⁸ Словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С. 728.

принято считать. Лучшие из его сатирических стихов вряд ли уступают большей части произведений, печатавшихся в том же «Сатириконе». Не следует забывать и о том, что фельетоны, вошедшие в сборник «Шпильки», — лишь первые пробы пера Чудакова-сатирика, что ему тогда было всего двадцать два года, что в полную силу художественный талант автора раскроется позже.

1909 год — это разгар реакции, наступившей после поражения Первой русской революции. Это было время, когда власть видела в независимой печати источник опасного вольномыслия, от которого один шаг до революционной крамолы, а потому применяла целый комплекс мер давления на свободное слово: драконовскую цензуру, экономическое удушение независимых печатных органов, административное воздействие, судебное преследование редакторов и авторов. Впрочем, журналистов, писателей, готовых рискнуть своим положением и своим благополучием ради сохранения верности идеалам свободы, оставалось к тому времени не так уж много. Особенно это касалось отдалённой провинции, где административное давление на прессу было более грубым, а вмешательство в её дела — более бесцеремонным, чем в столице или крупных городах европейской России. Саша Чёрный писал об этом времени в стихотворении «Отбой» (1908):

По притихшим редакциям,
По растерянным фракциям,
По рутинным гостиным,
За молчанье себя награждая с лихвой,
Несётся испуганный вой:
Отбой, отбой,

СКАЗАНИЕ ОБЪ ИСААКИИ ВИТЯЗЬ.

„Итак, за кѣмъ же пойдѣтъ русская интеллигенція?“ (изъ газетной передовицы)

Сказалъ Исаакій сквозь тѣму и туманъ.

Богато одѣтъ онъ и важень.

Былъ конь подъ нимъ черенъ, какъ самъ Батшаровъ.

Какъ самъ Пуряшквичъ — отважень.

Несутся конь съ витяземъ пѣчи и дѣдъ.

Споткнулся и мчатся сугубо,

И вотъ, наконецъ, подъѣзжаютъ они

Ко шницю столѣтняго хуба.

Отъ этого шниця, средь голыхъ полей,

Легли три большія дороги.

Запрутали нашъ витязь и витязь изъ странъ.

На ухабахъ вскакивалъ ноги.

На дивнѣхъ прибиты большія доски,

Почушишь плѣкъ и грязью,

А чѣмъ-то на ней начертали рука

Уморной славянскою вязью:

„Болъ сѣверо казѣно пойдешь, молодець,

По самой яренистой дорогѣ,

Обращенья колничій терпеливй хѣнецъ

И аэонкя кольца на ноги.

Трудна та дорога и муян полна,

Найдешь на пей радости мало

И только на кончикѣ оаможъ видишь,

Златая веря идешь.

„А если средней дорогой пойдешь,

Иную судьбу испытаетъ:

Хорошаго мало на ней ты найдешь

И мало на ней потеряешь.

Въ огромное царство она приведетъ,

Гдѣ правитъ Царица Рутиня!

Въ томъ царствѣ обращенья довольство, почетъ

И сытый покой мѣщанина.

„Послушай же, витязь, мой добрый совѣтъ:

Свѣтъѣ пускайся по правой.

И будешь не только обутъ и одѣтъ,

Но также вернешься со славою,

Научишься свѣтлыми грѣмъ глумить.

Стихотворение Язвы «Сказание об Исааккии витязе» открывает сборник «Шпильки»

Окончен бой,
Под стол гурьбой!

Реакция затронула все стороны российской действительности, жестоко ударив по демократическим иллюзиям, смертельно напугав большую часть либеральной интеллигенции. Общественную атмосферу того времени определяли растерянность и отчаяние, вызванные потерей веры в возможность демократического обновления общества. Завинчивание идеологических гаек, судебные и административные преследования, жёсткий цензурный намордник, давление официоза были столь сильны, что немало представителей интеллигенции, в том числе творческой, отрекались от прежних идеалов и убеждений. Но гораздо больше было тех, кто занял выжидательную позицию, кто не решался высказывать свои политические взгляды, а тем более действовать в соответствии с ними. Откликом автора «Шпилек» на эту общественную ситуацию, на нежелание российской интеллигенции открыто отстаивать свою гражданскую позицию явилось «Сказание об Исаакии витязе». В этом сатирическом стихотворении Чудаков аллегорическим сюжетом отвечает на приведённый в эпиграфе вопрос из газетной передовицы: «Итак, за кем же пойдёт русская интеллигенция?» Интеллигенцию в произведении представляет витязь, оказавшийся на политическом распутье, не знающий, что выбрать — терновый венец, сытый покой мещанина или борьбу против правды и света:

...Опешил наш витязь, когда прочитал
Такие с доски наставленья,
И долго в раздумье затылок чесал:
Какое же взять направленьё?
Конечные пункты различных дорог
Мешались и путались вместе.
К чему же стремиться, решить он не мог
И начал топтаться на месте.
За месяцем месяц летит и летит,
Один, три, десяток... сто... двести...
А он на распутье, как прежде, стоит,
И топчется, бедный, на месте⁹.

⁹ Язва (Чудаков Ф.). Шпильки: сборник стихотворений. Благовещенск: Издал Д. Челеби; Типография т-ва Б.С. Залеский и Ко, 1909. С. 4. Далее произведения, входящие в «Шпильки», цитируются по данному изданию, страницы указываются в квадратных скобках.

Один из традиционных для русской литературы данного периода (в том числе для авторов журнала «Сатирикон») объектов сатирического изображения — сонный российский обыватель, равнодушный к тому, что происходит в стране, безучастный к настоящему искусству, к высоким общественным идеалам, требующим от него жертвенного служения. Обыватель, предпочитающий услаждать свои зоологические инстинкты и примитивные вкусы, находящийся в состоянии духовного анабиоза. В «Сатириконе», к слову сказать, по мере нарастания реакции тема разоблачения сытого и сонного царства мещанства вышла едва ли не на первый план. Российский обыватель, погрузившийся в мёртвую спячку, не желающий принимать участие в общественно-политической жизни страны, стал постоянной мишенью для сатириков. Аркадий Аверченко писал: «Теперь вся Великая Россия сквозь сон извивается в смертельной нудной тоске» (Сатирикон. 1909. № 35. С. 3).

Сонному обывателю посвящено стихотворение Ф. Чудакова «Спящий красавец» с подзаголовком «Оперетка в 1 действии». В прозаической преамбуле автор рисует условно-аллегорическое сценическое пространство, на котором и будет разыгрываться «опереточное» действие: «глухой, непроходимый лес», в котором растут огромные деревья с выразительными табличками: «Усиленная Охрана», «Чрезвычайная Охрана», «Военное Положение» и т.п. А между деревьями — множество пней с надписью: «срублено 1905 года». Среди леса стоит избушка на курьих ножках, а в ней «сном праведника почивает ОБЫВАТЕЛЬ». К избушке чередой являются аллегорические образы — «тени» прекрасных женщин, которые безуспешно пытаются пробудить обывателя:

Тень: Пусти! Я — тень Культуры!
Я светом знанья твой хочу нарушить сон!
Я принесла тебе сокровища скульптуры,
Науки, зодчества, литературы...

Обыватель: Вон!
Не надо твоего заморского подарка!
Уйди! А то проснись, так небу будет жарко!..

Тень: Скорей пусти меня!
Я гордая прекрасная Идея!
Тебя я поведу в волшебные края,
Где так светло, где дышится вольнее,
Где Братство, Равенство...

Обыватель: Гони её по шее!
Ишь, принесла богатый клад!
Впусти тебя — тотчас велят
Пасти Макаровых телят!
Шалишь! Повёртывай назад!.. [с. 4–5]

Первые «тени» с плачем покидают сцену, и тут появляется целый рой других «теней»: «бесстыдные, циничные женщины и мужчины, грубо-обнажённые, с нескромными жестами»:

Первый:
Милый, добрый Обыватель!
Отвори, ты будешь рад!
Я — старинный твой приятель —
Необузданный Разврат!

Второй:
Отвори ты нам, не труся,
Сон нарушить не жалеи!
Порнографией зовуся
Я издавна у людей!..

Остальные голоса:
Мы — клубничное искусство,
Наслажденье — наша цель!
Мы в тебе разбудим чувство,
Незнакомое досель!

Обыватель с распростёртыми объятиями:
Скорей же, милые друзья!
Забудем мы и сон, и горе!
Забуду с вами страхи я
И... запируем на просторе!.. [с. 5]

Качества, которые Чудаков наблюдал у большинства российских обывателей (равнодушие, холопство, отказ от всего возвышенного, склонность к низменным удовольствиям), вызывали у него острое неприятие.

Большая часть сатирических стихов Чудакова была реакцией на события политической жизни страны и мира. Понятно, что в этих произведениях автор, сторонник эсеровских (и — шире — левых, революционно-демократических) взглядов, высмеивал своих идейных противников: представителей консервативных и черносотенных пар-

тий, одиозных депутатов Государственной думы, недалёковидных и корыстных чиновников.

Уже сам выбор тем для фельетонов и фактов реальной действительности, на которых они основывались, несёт на себе отпечаток личности автора. Так, например, Ф. Чудаков не оставлял без насмешливо-язвительных комментариев правительственную политику, направленную на реализацию планов премьер-министра П.А. Столыпина по разрушению общинного устройства крестьянской России. Являясь по своим взглядам сторонником эсеровской партии и предлагаемой ею земельной программы, суть которой — укрепление и развитие коллективных, кооперативных, общинных форм общественно-экономического устройства страны, автор «Шпилек» подвергает саркастическим насмешкам депутатов III (октябристской по составу) Государственной думы, поддержавших планы Столыпина. Этой теме посвящён фельетон «Подвиг»:

Раз в Таврических хоромах
Депутаты заседали,
Обсудив мужичью долю,
Ей сюрприз приготавливали:
«Наш мужик и наг и беден, —
Говорили депутаты, —
И ему ужасно вреден
Призрак общины проклятой.
Этот голод, недороды,
И прикладыванье к чарке,
И искание свободы, —
Всё лишь общины подарки.
С давних пор мужик бунтует,
Полон злобы беспричинной.
Этот бунт ему диктует
Тот же старый дух общинный.
Ведь недаром эту “гадость”
Защищают так эсеры,
(Чтоб они, стране на радость,
Все пропали от холеры!)
Так давайте дружным взмахом
Уничтожим Минотавра —
“Им” главу покроем прахом,
А себе — венком из лавра».

И, воспрянув с буйным жаром,
 Размахнулись депутаты
 И снесли одним ударом
 Призрак общины проклятой.

—

А мужик пустил меж уха
 Депутатские подарки,
 И, стянув покрепче брюхо,
 Снова топит горе в чарке.
 А кулак, весьма довольный,
 В мутной речке рыбу удит...
 Уничтожен дух крамольный...
 Что-то будет, что-то будет? [с. 15–16]

Как видим, центр тяжести в фельетоне Чудакова, в полном соответствии с законами жанра, перемещён с непосредственного описания событий на их осмысление и анализ, а это немислимо без выражения собственной позиции — прозрачной и недвусмысленно ясной. А так как позиция сатирика радикально расходилась с позицией органов государственной власти, произведение становилось уязвимым и в цензурном отношении, и с точки зрения возможной реакции административных и судебных инстанций, а также полицейского и жандармского ведомств. Собственно, судьба сборника «Шпильки» и не могла быть иной, благополучной. Книга изначально была обречена. Удивление вызывает не то, что её изъяли из обращения, а то, как автору и издателю удалось напечатать книгу, провести её через цензуру.

В любом случае, нужно отдать должное гражданскому мужеству автора «Шпилек» — беглого ссыльнопоселенца, находящегося под гласным надзором полиции, только что выпущенного из тюремной камеры (и спустя некоторое время вновь туда водворённого). Ф. Чудаков не мог не осознавать, что от того, насколько лояльно он ведёт себя по отношению к существующему порядку, напрямую зависело его благополучие, возможность заниматься любимым делом, его свобода, наконец, да и вся его дальнейшая судьба.

Пожалуй, самая политически острая шпилька Ф. Чудакова — сатирическое стихотворение «Сколько их!..», с подзаголовком «Из тюремных мотивов». И дело не только в том, что произведение это оппозиционно по своему характеру. Самое чувствительное и самое неприемлемое для цензуры и в целом для власти (особенно — провинциальной, губернской) то, что в стихотворении подвергнуты осмеянию конкретные, названные поимённо, государственные мужи.

— 6 —

СКОЛЬКО ИХЪ!..

(Изъ тюремныхъ мотивовъ.)

Обруженный цѣпью пазей,
Неприступенъ и высокъ,
Предо мною дымъ печалей—
Грозный выситя строго.

Съ низкомъ двера расперлася,
Вывли цѣпи на ногахъ,
„Вы откуда собралися,
Люди въ сѣрыхъ армякахъ?“

„Я оттуда, гдѣ когда-то,
Раздалось на бѣлый свѣтъ,
Что „земли у насъ богата,
Только въ ней порядка нѣтъ“.

„Но теперь—теперь порядокъ,
А богатства—ви-ви-ви!
Тотъ порядокъ хоть не сладокъ,
Но начальства не вини.“

— „Я простой рабочій сельскій
Изъ баровскихъ батраковъ.
Тамъ, гдѣ Меллеръ-Закомельскій,
Я оставилъ отчій кровъ!“

— „Я въ рижскаго музея
Съ божьей помощью утекъ.
У меня свихнута шея
И печаль ступни ногъ!“

— „Генерала Толмачева
Вѣроводаннымъ я былъ!“

— „Я у князя Горчакова
Задомъ подати платилъ!“

— „Я Думбадзи счастливой
Горемычный гражданинъ!“

— „Я угрюмый, молчаливый,
Гельсвингфорса вольный сынъ!“

— „Я—дитя крахольной Польша!“

— „Я—долтавскій малорусъ!“

— „Я оттоль, гдѣ горъ всѣхъ больше
Сѣдовласый Эльборусъ!“

„Я въ Пензы толстоногий!“

„Я перьякъ—сосновый лобъ!“

„Я на шутки тароватый
Ярославскій водолюбъ“

— „Я рязанскій толковникъ!“

— „Я—суздальскій богомазъ!“

— „Пошеховскій балахонникъ,
Я—коровъ на баяхъ насъ!“

Страница из сборника

«Шпильки». Сатирическое
стихотворение «Сколько их...»

Горчаков (Вятка) и т.д. Репутация этих «столпов» правительственного порядка на страницах «Сатирикона», как говорится, не просыхала, к ним было приковано повышенное внимание авторов журнала¹⁰. Так, напри-

Столичной прессе провести через цензуру подобные материалы было значительно легче. Так, в 1908–1909 гг. едва ли не все номера «Сатирикона» содержали язвительные намёки, а иногда и прямые выпады, направленные против государственной политики силового «успокоения» России, против той твёрдой внутривластной линии, идеологом и главным проводником которой был премьер Столыпин. Из номера в номер журнал давал иронические и сатирические портреты администраторов-усмирителей, имена которых, благодаря прежде всего либеральным печатным органам, были широко известны на Руси. Объектом язвительных уколов сатириконцев часто становились наделённые в условиях непрекращающихся революционных беспорядков чрезвычайными полномочиями градоначальники и генерал-губернаторы, действующие в наиболее беспокойных российских регионах. Некоторые из них, прежде всего военные люди, генералы, воспринимались общественностью как диктаторы. С точки зрения российских «прогрессивных» кругов, самые одиозные администраторы этого типа: генерал-майор Думбадзе (Ялта), генерал-лейтенант Толмачёв (Одесса), генерал от инфантерии Меллер-Закомельский (Рига), князь

¹⁰ См. об этом: Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968. 454 с.

мер, А. Аверченко писал об усмирении крестьян в Вятке. По распоряжению генерал-губернатора князя Горчакова их «прогоняли сквозь строй стражников с нагайками... Били в трёх случаях: до уплаты недоимок, во время уплаты и после уплаты. Народному ликованию не было конца» (1909. № 8. С. 11). В другом номере журнала рассказывалось о том, как в Калугу явился одессит с предложением поменяться генерал-губернаторами. Изумлённые калужане ответили: «Да ведь у нас тот самый, Вятский», имея в виду скандальное прошлое теперешнего своего генерал-губернатора Горчакова. Но одессит продолжал уговаривать, в полной уверенности, что хуже их градоначальника Толмачёва не бывает. О порядках, которые царили в Одессе при Толмачёве, рассказывал А. Аверченко. Герой его «Испытанных средств» — одесский обыватель Недобитов, у которого после усмирения по методу генерал-губернатора Толмачёва голова пробита железной палкой. Как объясняет Недобитову врач, «это хирургический отдел трепанации мозговых функций фармакопеи, согласно пункта девятого, первого раздела статей об усиленной охране» (1909. № 1. С. 2–3).

Ф. Чудаков выступил в своём стихотворении «Сколько их!..» вроде бы как типичный сатириконец. По крайней мере, произведение показывает, что амурский автор являлся постоянным читателем петербургского еженедельника и разделял его позицию. Однако, судя по всему, лишь до определённой черты. Отнести Ф. Чудакова всецело к лагерю либеральной интеллигенции нельзя. Да, как и авторы «Сатирикона», он упоминает всё тех же одиозных столыпинских администраторов-усмирителей — Горчакова, Толмачёва, Меллер-Закомельского, Думбадзе.

Персонажи «Сколько их!..» — безымянные узники благовещенской тюрьмы, в которой автор провёл несколько месяцев в том самом 1909 году, когда и было написано произведение. Большую часть текста занимают их реплики-самопрезентации, по которым можно получить представление о родных краях, которые они вынуждены были покинуть из-за жестокости местных властителей.

Два тюремных сидельца — беглецы из Прибалтийского края: «Я простой рабочий сельский / Из баронских батраков. / Там, где Меллер-Закомельский, / Я оставил отчий кров!»; «Я из рижского музея / С божьей помощью утёк. / У меня свихнута шея / И исчезли ступни ног!» [с. 6]. Судя по всему, один из этих двух персонажей имеет в виду Александра Николаевича Меллер-Закомельского (1844–?) — барона, генерала от инфантерии, с 1904 года командующего корпусом. Во время Первой русской революции он участвовал в подавлении восстания матросов в Севастополе (1905), возглавлял карательную

экспедицию на Транссибирской железной дороге. В 1906–1909 гг., занимая должность временного генерал-губернатора Прибалтийского края, принимал жёсткие меры в борьбе с революционным движением. С 1918 г. в эмиграции.

О родине третьего узника «горки» можно догадаться по реплике: «Генерала Толмачёва / Верноподданным я был!» [с. 6]. Иван Николаевич Толмачёв (1863 — после 1929) — генерал-лейтенант. В годы Первой русской революции, являясь начальником экспедиционного отряда, отличился решительной борьбой с революционными организациями в Кутаисской губернии. В декабре 1907 г. по личному настоянию премьер-министра П.А. Столыпина был назначен одесским градоначальником. В этой должности покровительствовал право-монархическим организациям города. По словам С.Ю. Витте, премьер-министра в 1903–1906 гг., политика Толмачёва, «с особенной силой преследовавшего евреев», вызывала к нему ненависть левых и либералов. Вслед за убийством Столыпина (1911) Толмачёв был отправлен в отставку. После революции эмигрировал из России.

По признанию четвёртого, он «у князя Горчакова / Задом подати платил!» [с. 6]. Сергей Дмитриевич Горчаков (1861–1927) — князь, известный государственный деятель. В июне 1906 года был назначен вятским губернатором. На этом посту проявил твёрдость и решительность, особенно при подавлении революционных выступлений. А это, в свою очередь, не могло не вызвать к нему неприязни со стороны либеральной интеллигенции. В 1907 году на губернатора покушался бывший гимназист И.М. Левитский. В 1909 году Горчаков был назначен калужским губернатором и пробыл в этой должности шесть лет.

Ещё один из персонажей произведения представляется очень своеобразно: «Я Думбадзии счастливой / Горемычный гражданин!» [с. 6]. Никакой Думбадзии в составе Российской империи, конечно же, не было. «Счастливой» Думбадзией, которую населяют «горемычные граждане», Ф. Чудаков остроумно называет Ялту — в период, когда её градоначальником был полковник (с 1907 — генерал-майор) Думбадзе. Иван Антонович Думбадзе (1851–1916) — известный административный деятель правых взглядов. На должность градоначальника полковник был назначен осенью 1906 года, в самый разгар революционных беспорядков. С первых же дней он заслужил репутацию твёрдого монархиста и непримиримого противника погромщиков и революционеров всех мастей. Стремясь на корню пресекать не только прямые антиправительственные выступления, но и малейшие проявления политического вольнодумства,

Думбадзе действовал по-военному решительно и жёстко, не всегда считаясь с существующими юридическими нормами, без оглядки на общественное мнение (которое в ту пору было почти сплошь либеральным). Он создал в Ялте режим личного контроля едва ли не над всем происходящим, превратив город фактически в свою вотчину, в подобие государства в государстве. Журнал «Сатирикон» язвил по этому поводу: «— Вы русский подданный? / — Нет, ялтинский» (1908. № 9. С. 15). Либеральные круги ненавидели ялтинского градоначальника, «прогрессивная» пресса травила его или, в лучшем случае, иронизировала. Так, в № 4 за 1908 год «Сатирикон» поместил выразительную телеграмму: «Генерал Думбадзе выслал в 24 часа из Ялты свою собственную шинель за ношение красной подкладки». Революционеры ультимативно требовали от Думбадзе подать в отставку, угрожая ему смертью. На эту угрозу градоначальник ответил: «Я уже собирался подать в отставку и даже рапорт заготовил по этому поводу, но теперь остаюсь на службе и докажу на деле, что никаких угроз не боюсь и остаток дней своей жизни посвящу на службу Царю и Родине». В феврале 1907 года на Думбадзе было совершено покушение, но брошенная бомба лишь контузила его. Организатором покушения был Пётр Войков, в будущем один из убийц царской семьи. Несмотря на шумные газетные скандалы, которые сопровождали «диктаторские» поступки ялтинского градоначальника, это не сказалось негативно на его карьере, в чём, видимо, не последнюю роль сыграло личное расположение к Думбадзе Николая II. В одной из бесед со Столыпиным, касаясь событий 1905–1907 годов, император заметил: «Беспорядки, я думаю, были бы невозможны, если бы у власти стояли люди более энергичные и смелые. Если бы у меня в те годы было несколько таких людей, как полковник Думбадзе, всё пошло бы по-иному».

Разумеется, бывшему социалисту-революционеру, беглому ссыльному Фёдору Чудакову всё виделось тогда совершенно иначе. Убеждённый противник царизма, он по определению не мог быть на стороне рьяного слуги самодержавия, ни при каких условиях не мог принять его сторону или хотя бы с уважением отнестись к его гражданской позиции. Взгляды автора «Шпилек» в этом отношении максимально сближаются со взглядами либеральной столичной интеллигенции.

Однако, если сатириконицы главный акцент делали на ущемлении градоначальником Думбадзе и другими высокопоставленными чиновниками гражданских свобод, на подавлении политического инакомыслия, то есть на действиях, которые наносили ущерб преимуще-

ственно левым политическим партиям, радикальной и либеральной интеллигенции, то Чудаков заостряет внимание на другом: по его мнению, от самодурства и произвола властей страдает прежде всего простой народ, «люди в серых армяках». Причём, по мнению автора стихотворения «Сколько их!..», жертвами жестокого административного насилия становятся не только подданные нескольких находящихся в центре общественного внимания градоначальников и генерал-губернаторов, а буквально всё население обширной Российской империи. В тюремном остроге (этот образ является и конкретным, и предельно обобщённым) оказались собраны представители простого народа из Финляндии, Польши, Украины, Прибалтики, Пензы, Перми, Вятки, Рязани, Суздаля, Ярославля, Пошехонья, Тамбова, Северного Кавказа, Ялты, Сибири, Приамурья...

Ты скажи, каких губерний

Представителей здесь нет? —

Но... сгустился мрак вечерний

И — не слышен был ответ [с. 7].

Иначе говоря, по Чудакову, вся Россия — не чаемый Чеховым «вишнёвый сад», а один большой острог, вселенский «дом печалей».

Ещё одна заслуживающая особого внимания *шпилька* — «Гоголевский юбилей». Это стихотворение Ф. Чудакова органично вписывается в русло сатирической традиции начала XX столетия. Тот же «Сатирикон» не раз использовал юбилеи известных писателей как повод для обличения лицемерия государственной политики и официальной прессы. Специальные номера журнала были посвящены юбилеям Толстого, Чехова, Гоголя. По общему признанию, самый яркий и острый из них — 12-й (гоголевский) номер за 1909 год. На его обложке — рисунок известного карикатуриста *Ре-Ми* (Николая Ремизова) «В участке». Изображённый там городской ждёт указаний от начальства по поводу столетнего юбилея автора «Мёртвых душ» и «Ревизора»: «Ваше благородие! На Толстого приказывали не пущать, на Суворина — тащить... Как теперь прикажете?» Как это ни парадоксально, «на Гоголя», казалось бы, крайне неудобного для неё, власть посчитала необходимым народ «тащить». В ряде материалов гоголевского номера проводится мысль, что государство использует авторитет русских классиков в собственных интересах — ради «освящения» существующего порядка. Пышные официальные торжества по случаю юбилеев стали для самодержавия способом препарирования, извращения творческого наследия великих авторов, формой выхолащивания из

их произведений подлинного идейного смысла. В центральном материале гоголевского выпуска — «Юбилейной газете» — с помощью остроумного обыгрывания «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Шинели», «Мёртвых душ», авторы «Сатирикона» демонстрируют неувядающую актуальность произведений Гоголя. Юмористически и сатирически переиначивая классические гоголевские сцены и образы, сатириконцы превращали их в средство обличения современных российских порядков.

Ф. Чудаков и здесь, обращаясь к той же самой теме, что и сатириконцы, расставляет иные смысловые акценты. Он пишет о непреодолимой пропасти, которая пролегает между «сливками общества», то есть господствующим классом, интеллектуальной элитой страны, и простым народом. А причина этого разрыва, как считает автор шпильки, — слепота, глухота, нечувствительность к народным страданиям, непонимание чаяний «младших братьев». Но самое главное — вошедшее в плоть и кровь российской интеллигенции лицемерие, заставляющее её «с умиленным, елейным лицом» вести «игру», ломать «комедию», принимая участие в казённых официозных празднествах. В представлении рабочих, ждущих от просвещённой части общества не пустого трезвона, а «хлеба насущного» (не только в буквальном смысле, разумеется), российская интеллигенция, источающая в угоду власти приторный елей, создающая «шумиху уродскую» вокруг очередного писательского юбилея, «от жиру бесится».

Несмотря на то, что в 1909 году Фёдор Чудаков только-только начинал ощущать себя амурцем, уже тогда в части своих фельетонов он так или иначе затронул проблемы местной жизни. Неудивительно, что именно они вызвали наибольший резонанс у амурских читателей. К числу таких произведений можно отнести стихотворный фельетон «Закрытие порто-франко». Небольшая справка: порто-франко (итал. *porto franco* — свободный порт) — порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории государства и создаётся с целью оживления приграничной торговли, увеличения товарооборота, с целью насыщения внутреннего рынка дешёвыми импортными товарами. В Российской империи порто-франко существовало в Одессе, Феодосии, Батуми, Владивостоке и т.д. Право беспошлинной торговли распространялось и на Благовещенск. Для Приамурья и в целом Дальнего Востока такой режим международной торговли был особенно важен, так как государство не в состоянии было обеспечить население этих удалённых от центра регионов дешёвыми российскими товарами.

Исходным началом в фельетоне, как известно, выступает жизненный факт, от которого отталкивается сатирик. Стихотворение Чудакова «Заккрытие порто-франко» — реакция автора на решение правительственной комиссии якобы исключительно ради блага простого народа ликвидировать в Приамурье режим беспошлинной, не облагаемой таможенными сборами торговли. А это, понятно, могло привести только к одному — к существенному удорожанию импортных (преимущественно китайских) товаров, к обеднению их ассортимента и, следовательно, к снижению, в конечном счёте, жизненного уровня местного населения, того самого простого народа, о благе которого якобы неустанно пекутся высокие государственные мужи. Стихотворение представляет собой воображаемый, виртуальный диалог, который ведут, с одной стороны, члены правительственной комиссии, объясняющие смысл своего явно лоббистского и по сути антинародного решения, а, с другой, «скептический голос», выражающий авторскую позицию:

Финансовая комиссия:

Фортель мы такой устроим:

Порто-франко призакроем

В приамурской стороне.

Этим цены мы утроим

На изделия извне.

Ведь без пошлин и таможен,

Всем понятно, невозможен

Быт российских мужиков.

К чёрту импорт безвозмездный,

Иностранцам лишь полезный!

К чёрту немцев маклаков!

Нас китайцы обижают

И работу отбивают

У российских христиан.

Нашим потом набивают

Азиатский свой карман.

Как подымутся расходы,

Так китайцы-ходи — ходу —

Так и бросятся бежать! [с. 23–24]

Объектом сатирического изображения в этом и ряде других фельетонов Чудакова более позднего времени является такая чрезвычайно активная категория государственных деятелей, правительственных

чиновников, думских политиков, которая в корыстных целях лицемерно разыгрывает беспроектную карту «патриотизма».

Казённых псевдопатриотов, якобы неустанно пекущихся о благе русского народа, якобы защищающих интересы российского государства, а на деле часто решающих свои узкогрупповые и даже коррупционные задачи, Чудаков как человек и как гражданин презирал, а как журналист и писатель высмеивал со всем присущим ему остроумием и язвительностью. Так он поступает и в фельетоне «Закрытие порто-франко», вошедшем в сборник «Шпильки»:

Скептический голос:

Ну, а русскому народу
От чрезмерного расхода
Не придётся... подыхать?

Комиссия:

О, не верьте диким слухам,
Будто голоден мужик:
Ведь питаться святым духом
Он давным-давно привык.
Значит, будет всё так гладко,
Без войны, без громких слов!

Голос:

Преклоняюсь пред догадкой
Государственных умов! [с. 24]

Хотя фельетон «Закрытие порто-франко» воспринимался современниками как злободневный, обращённый к событиям тогдашнего времени, к тогдашней социально-экономической ситуации в Приамурье и в России в целом, он, спасибо нынешним чиновникам, до сих пор не утратил своей актуальности.

Сегодня, спустя век, можно в полной мере оценить остроумие Фёдора Чудакова, меткость, художественную выразительность, а, главное, неувядающую актуальность его сатиры, представленной в сборнике «Шпильки».

«Аз, как жених, грядый в полнощи...»

*Роль языковой архаики в создании иронического эффекта
(На материале стихотворных фельетонов Ф. Чудакова
об иеромонахе Илиодоре и «старце» Григории Распутине)*¹

Среди общественных деятелей российского масштаба, выведенных в стихотворных фельетонах Фёдора Чудакова, особое место занимают представители ультраправых, националистических или же консервативно-охранительных сил, которые используют ради удовлетворения своих политических амбиций, для достижения карьеристских и других сугубо эгоистических целей принадлежность или близость к православной церкви. Речь о лезущих в депутаты Государственной думы «попах», о подвизающихся в роли фаворитов при царском дворе «старцах», о тех, кто, по мнению сатирика, прикрывает свою мировоззренческую и духовно-нравственную несостоятельность священническим облачением, показной религиозностью, кто без всяких на то оснований пытается предстать в глазах общества подобием святого или, как минимум, чудотворца.

Один из таких персонажей, часто появлявшийся в сатирических произведениях Чудакова (11 фельетонов, 18 упоминаний имени), — Илиодор, в миру Сергей Михайлович Труфанов (1880–1952), по происхождению донской казак, скандально известный политический и религиозный деятель начала XX века, иеромонах русской православной церкви, один из идейных вождей черносотенного Союза русского народа.

В 1903-м, на третьем курсе Санкт-Петербургской духовной академии, Сергей Труфанов постригся в монахи и был наречён именем Илиодор, которое сравнительно быстро стало известно всей России. В 1905-м, после окончания академии, он оказался в знаменитой Почаевской лавре (Тернопольская область Украины), но известность ему принесло не усердное монастырское служение, а общественно-политическое поприще — прежде всего участие в деятельности Союза русского народа, публикации в черносотенной печати и т.п.

В 1908-м волей Синода Илиодор был переведён вначале в Саратов, а затем в Царицын (ныне Волгоград), однако и там не утихомирился. Получив покровительство саратовского епископа Гермогена, Илиодор

¹ Статья написана в соавторстве с аспирантом кафедры русского языка и литературы БГПУ Лю Ин.

развернул свою деятельность ещё шире. Гневно-обличительные проповеди помогли ему приобрести большую популярность у верующих. Иеромонах, кроме того, занимался «исцелением» больных и «изгнанием бесов», что создавало ему ореол чудотворца. В 1909 г. Синод запретил Илиодору служение, однако тот проигнорировал это распоряжение, назвав его «беззаконным». В январе 1911 г. Синод постановил перевести Илиодора в один из захудалых монастырей Тульской епархии. После двухдневного шумного протеста Илиодор подчинился и выехал из Царицына, оставив, по некоторым сведениям, около 500 000 рублей долга, сделанного им для постройки нового храма и других монастырских нужд. Вообще же по поводу склонности Илиодора к большим и малым финансовым махинациям циркулировало немало слухов, на них Чудаков отреагировал фельетоном «Накипь дня (Схимник, строгий и суровый...)», о котором речь впереди.

Через месяц скандальный иеромонах самовольно покинул Новосильковский монастырь, вернулся в Царицын и возобновил свою бурную религиозно-политическую деятельность. В течение 1911 г. он совершал паломничество через поволжские города в Саров, причём толпы его поклонников, по свидетельству очевидцев, чинили буйства, избивали прохожих.

Такая экстраординарная личность не могла не обратить на себя внимание начинающего сатирика. Впервые Илиодор был упомянут им вскоре после появления Ф. Чудакова в Благовещенске. Фельетон «Торжество победителей», напечатанный под псевдонимом *Босьяк 3* (16) января 1909 года в газете демократического направления «Амурский край», — одна из первых его публикаций на Амуре. Кстати, в момент выхода номера «Амурского края» с этим произведением автор, арестованный жандармами буквально накануне, 1 января, уже находился в политическом отделении благовещенской тюрьмы, где ему предстояло отбыть шесть месяцев заключения за побег из Енисейской ссылки.

«Торжество победителей» является откликом на важнейшее внутриполитическое событие рубежа 1908–1909 годов — объединение во время работы III Государственной думы двух групп депутатов правого толка — так называемой «национальной группы» (группы крайних националистов) и «умеренно-правых», и создание нового думского «союза» — «русской национальной фракции». В результате «союзники» (91 депутат) стали второй по влиянию (после октябристов) фракцией Думы. Тактическая блокировка националистов с октябристами (лидер партии и Председатель Государственной думы в 1910–1911 гг. — А.И. Гучков) фактически позволяла им получить большинство по любому выносимому на голосование вопросу.

Фельетон представляет собой *фантазию* (это слово — аналог жанрового обозначения — автор использует в качестве подзаголовка) на тему торжества, будто бы устроенного думскими «победителями» и их сторонниками — журналистами и политиками националистической ориентации:

Под ударом банды правой
 Пали левые ряды.
 Награждён лучистой славой
 Всяк «союзник» за труды.
 Грудю трупов ломовые
 Отвозили на погост,
 А вояки удалые
 Пить сошлись победный тост...²

Среди участников воображаемого автором «банкета» — руководитель Союза русского народа Дубровин, издатель охранительно-консервативной газеты «Новое время» Суворин, ведущий автор этого издания Меньшиков, церковный и общественный деятель правого толка отец Евлогий, один из лидеров русских националистов в III Государственной думе Шульгин. Ну и, конечно, столь славная компания «русских патриотов», которые призывают *резать, колоть, рубить и жарить* своих идейных противников, которые видят главную угрозу для самодержавно-православной Руси в «жидах» и потворствующих им интеллигентах, не могла, по мнению Ф. Чудакова, обойтись без участия Илиодора:

Мощный глас Илиодора
 Речь Дубровина сменил:
 «Уж теперь не встанет скоро
 Архимандрит Михаил!
 Надо вздёрнуть Льва Толстого,
 Мережковского сослать,
 А Григория Петрова
 В сумасшедший дом отдать!»

Являются ли плодом авторской «фантазии» радикальные призывы Илиодора (*вздёрнуть Льва Толстого; Мережковского сослать*), звучащие на воображаемой автором пирушке русских национали-

² Здесь и далее: *Босяк (Чудаков Ф.). Торжество победителей. Фантазия // Амурский край. 1909. № 1. 3 (16) января. С. 3.*

стов? Нет, подобные высказывания, как свидетельствуют газеты той поры, довольно часто звучали в его проповедях, собиравших толпы верующих, прежде всего крестьян. Обладавший незаурядным даром красноречия иеромонах не раз подвергал жёсткой критике инородцев, особенно «жидов», призывал к погромам, клеймил своих идейных врагов, прежде всего из числа евреев, нещадно ругал видных деятелей культуры (в том числе Л. Толстого и Д. Мережковского), а также некоторых высших должностных лиц государства и церковных иерархов. Подобные взгляды Илиодор высказывал и в черносотенной печати, что лишь прибавляло ему популярности.

Следует пояснить, что упомянутый фельетонным Илиодором и ныне мало кому памятный *архимандрит Михаил* (в миру Павел Васильевич Семёнов) — религиозный деятель, духовный писатель, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (с 1905 г.), один из самых популярных среди санкт-петербургской интеллигенции священников, блестящий проповедник, постоянный участник публичных диспутов, лекций и бесед на религиозно-этические темы. В 1906 г. он примкнул к партии народных социалистов, после чего был уволен с должности профессора. Вскоре после этого Михаил присоединился к старообрядчеству и в 1908 г. получил номинальное звание епископа Канадского. За переход в старообрядчество был лишён Синодом сана архимандрита. Деятельность архимандрита Михаила подвергалась резкой критике со стороны правых политических деятелей, которые концентрировали внимание на его еврейском происхождении.

Григорий Петров, которого фельетонный Илиодор призывает упечь в сумасшедший дом, — это священник, общественный деятель, журналист, публицист и проповедник, пользовавшийся огромной популярностью в предреволюционной России. Его публичные лекции привлекали толпы людей. Петров был сторонником христианского социализма. В своих выступлениях и сочинениях он выдвигал на первый план внутреннее нравственное содержание христианской религии — в противовес её внешней, обрядовой стороне. Кроме того, в своих трудах он касался различных областей жизни современного общества, подвергая многие явления резкой критике с точки зрения идеала праведной жизни. В 1907-м Петров был избран в III Государственную думу. Тогда же за критическое письмо митрополиту Антонию его направили на послушание в один из монастырей. В 1908 г. Петров был лишён сана.

Радикальный русский национализм, стремительно набиравшая силу в годы реакции «чёрная сотня», в представлении Чудакова, — не только одна из главных опор загнивающего самодержавного строя, но

и возможный победитель в грядущих политических баталиях стремящейся к обновлению России. А следовательно — серьёзная угроза на пути страны к свободе. Потому-то в финале фельетона звучит — как предупреждение читателям — торжествующий выкрик националиста Шульгина, вдохновлённого пока ещё промежуточной победой своих думских единомышленников:

«Путь для нас открыт просторный...

Вижу: день уж недалёк —

Покорённый сотней чёрной,

Целый мир у наших ног!»

Обращает на себя внимание прямолинейно-сатирический, сугубо обличительный пафос и дискурс фельетона «Торжество победителей», отсутствие в нём более тонкого художественно-стилистического инструментария — иронического, то есть того, что позднее превратит Ф. Чудакова из обычного провинциального журналиста в знаменитого «амурского Сашу Чёрного» — блестящего фельетониста, восхищавшего читателей огромного Сибирско-Дальневосточного региона. Главное внимание, в ущерб форме, автор уделяет расстановке идейных акцентов, он пока ещё считает обязательным «пригвоздить» своих идейных противников, дать им прямую, недвусмысленно отрицательную оценку, а потому и Илиодор, и другие персонажи «Торжества...» выглядят бесхитростно-плоскими, примитивными существами. Что касается архаической лексики, которая спустя какое-то время активно будет использоваться сатириком при обращении к личности Илиодора, то здесь её практически нет, за исключением возвышенно-архаизированной формы слова «голос» (*мощный глас Илиодора*).

В фельетоне «Колдунья», опубликованном в ноябре того же 1909 года, но уже не в доживающем последние дни, стремительно теряющем подписчиков «Амурском крае», а в фактически редактируемом Чудаковым еженедельном сатирическом журнале «Колючки», Илиодор вновь предстаёт однолинейным образом — рьяным черносотенцем, законченным политическим мракобесом. И только. В своей «фантастической пьесе» Чудаков рисует символическую картину российской действительности периода реакции, наступившей после поражения Первой русской революции. И одним из знаковых и самых одиозных в глазах сатирика общественных деятелей, олицетворяющих зловонное реакционное «болото» и обитающую в нём политическую «нечисть», в «Колдунье» предстаёт, наряду с фигурировавшим и в «Торжестве победителей» карикатурным Дубровиным, Илиодор:

Сцена: болото русской действительности.

На сцене разная нечисть, вроде октябристов, умеренно-правых и т.п., которая под видом кочек густо рассыпалась по болоту. Густые сумерки и скверный запах. В отдалении хохочет Дубровин. Ноет выпью Илиодор. Квакает «Русское знамя». <...> Жуть³.

В данном фельетоне, как и в предыдущем, Илиодор представлен не как иеромонах, священнослужитель, а исключительно как политик. Он вписан в контекст общественно-политической, а не церковной жизни. Ещё раз подчеркнём: в 1909-м сатирик не делает акцента на монашестве персонажа, на несовместимости религиозного служения и политиканства самой низкой пробы, не обыгрывает это обстоятельство. И, очевидно, поэтому автор не обращается к лексической архаике как средству сатирической или иронической характеристики персонажа. Подобное произойдёт позже, когда Илиодор в фельетонах Чудакова начнёт представлять, пусть формально, что называется «по одежке», и в ипостаси иеромонаха. А в художественном пространстве «Колдуньи», как уже отмечалось, Илиодор — один из тех, кто представляет силы самой мрачной политической реакции.

Небольшая справка. Упомянутые в фельетоне *октябристы* — члены Союза 17 октября, праволиберальной политической партии чиновников, помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, существовавшей в 1905–1917 гг. Название партии восходит к Манифесту, изданному Николаем II 17 октября 1905 года. Александр Иванович Дубровин, показанный рядом с Илиодором и в фельетоне «Торжество победителей», — политический деятель крайне правого, черносотенного толка, один из основателей и руководителей приснопамятного Союза русского народа; издатель и редактор «Русского знамени» — откровенно черносотенной газеты, органа Союза русского народа. На её страницах пропагандировались монархические идеи, критиковалась деятельность либеральных и левых, социал-демократических политических сил, публиковались ксенофобские, антисемитские материалы. Газета выходила под девизом «За Веру Православную, Царя Самодержавного, Отечество нераздельное и Россию для Русских». Чудаков-сатирик не раз давал этой газете, её авторам, организации, печатным органом которой она являлась, уничтожающие оценки.

³ *Босьяк (Чудаков Ф.). Колдунья. Фантастическая пьеса в шести картинах, из коих четыре только подразумеваются // Колючки. № 3. 1909. 22 ноября. С. 4.*

Что касается поэтики, стилистики, художественных форм, которые использует автор «Колдуньи», они пока остаются неизменными — такими же, как в «Торжестве победителей».

Вернёмся к Илиодору. С помощью «старца» Григория Распутина, с которым он познакомился в 1903-м, иеромонах обрёл покровителей в высоких государственных сферах (правда, позже он начёт борьбу с растущим влиянием Распутина, за что, в конце концов, и поплатится). По этой причине ему до поры легко сходило с рук эпатажное поведение, скандальные выходки, экстремистские заявления, отказ подчиняться требованиям Священного Синода, пренебрежение церковным уставом. Намек на то, что именно покровительство Распутина и незримо присутствующих за его спиной державных властителей во главе с Николаем II обеспечивает Илиодору безнаказанность, содержится в первой части фельетона в традиционной авторской рубрике «Накипь дня», который под псевдонимом *Г-рь* был напечатан в благовещенской газете «Эхо» 25 августа (7 сентября) 1911 года:

Говорят, что очень скоро
Водворят Илиодора
За стеной монастыря.
Откровенно говоря,
Этот слух настолько странен,
Непонятен и туманен,
Что поверить в этот ход
Может только готтентот.
Воробьёв стрелять из пушек,
Бомбардировать лягушек
Из осадных батарей,
Усмирять щелчком зверей,
Пулемётом бить синичек,
Сразу выгнать всех медичек —
И нелепо, и смешно,
Но... не так уж мудрено.
Но совсем нелепым вздором
Будет бой с Илиодором!
Не подступишься к нему.
Потому что... потому! ⁴

Собственно, этот фельетон — не столько об Илиодоре, сколько об устройстве и принципах функционирования российской го-

⁴ *Г-рь* (Чудаков Ф.). Накипь дня (Говорят, что очень скоро...) // Эхо. 1911. № 839. 25 августа (7 сентября). С. 3.

сударственной системы, где всё определяет не закон и не мораль, а социальный и имущественный статус, но прежде всего степень близости человека к правящей верхушке. Он о том, что причина «непотопляемости» отдельных персон, в том числе скандального иеромонаха — близость к трону, к правящему классу. И, наконец, о том, что общество всё это не только прекрасно осознаёт (*Потому что... потому!*), но и фактически принимает, мирится с ним, не желает не только вести борьбу, но даже открыто называть постыдное явление собственным именем, а тем более выражать критическое отношение к нему.

В том же 1911-м имя Илиодора было упомянуто ещё в одном стихотворном произведении Чудакова в рубрике «Вешний снег». «Вешний снег» — это юмористически-сатирическая «смесь», имеющая определённую композиционную структуру синкретическая жанровая форма (и одновременно название авторской рубрики), к которой Ф. Чудаков обращался в ранний период творчества. В «Вешнем снеге» он соединял в определённой последовательности остроты («шпильки»), анекдоты, юморески, хронику, короткие фельетоны, отражающие злобу дня, разные грани повседневной общероссийской и амурской действительности.

23 ноября (6 декабря) 1911 года в очередной такой «смеси» под общим заглавием «Вешний снег» и появился короткий стихотворный текст — «Телеграммы». Автор в данном случае имеет в виду не обычные, а так называемые агентские телеграммы — ежедневно поступающие в редакции газет телеграфные сообщения информационных агентств с краткой сводкой событий текущей внутрироссийской и международной жизни. И в потоке таких сообщений, фиксирующих наиболее значимые события, мелькает имя иеромонаха:

Снят... Низложен... Привлечён...

Новый трюк Илиодора...

Изгнан... Выгнан... Исключён...

Нарушение договора...

Ультиматум... Резкий тон...

Ноты... Бомбы... Ноты... Ноты...

Батареи... Пулемёты...

Снят... Низложен... Привлечён...⁵

⁵ Ответственный редактор, и метранпаж, и фактор, передовик-политик и театральный критик Язва (Чудаков Ф.). Вешний снег // Эхо. 1911. № 908. 23 ноября (6 декабря). С. 3.

Этот закольцованный перечень текущих российских и международных событий — отражение того жесточайшего кризиса, который переживает мир в канун Первой мировой войны, того ценностного хаоса, который поселился в головах людей. Уже сами эти слова, заполняющие агентские телеграммы (*низложен, ультиматум, ноты, бомбы, пулемёты...*), — что-то наподобие лексического кода свихнувшегося, впадающего в явное безумие человечества. И имя *Илиодор* — одно из таких кодовых слов, сигнализирующих о тяжком социальном и духовно-нравственном недуге, который переживает в данный момент Россия.

В прозаическом фельетоне «День итогов», под псевдонимом *Гусляр* опубликованном 1 (14) января 1912 года в газете «Эхо», Чудаков поспешил объявить своим читателям, что устал от Илиодора и решил расстаться с надоевшим персонажем: «На иноке Илиодоре заработал целый капитал, но, в конце концов, принуждён был выбросить этот сытный кусок, так как набил оскомину наборщику, корректору и инспектору по делам печати, не говоря уже о самом себе и уважаемом читателе»⁶.

Но не тут-то было... Совсем скоро о «прощании» с иеромонахом пришлось забыть. Причина — ещё более бурная деятельность Илиодора в 1912-м, череда громких скандалов, главным действующим лицом которых был он. В результате, именно в этом году, объявив в январе о намерении «распрощаться» со скандальным персонажем, Чудаков создал наибольшее число фельетонов о нём.

Откликом на высылку Илиодора из Царицына в отдалённый монастырь стал фельетон в рубрике «Накипь дня», напечатанный в «Эхе» 21 января (3 февраля) 1912 года: «От царицынских пенатов / Инок взят в пустынский плен...» В нём сатирик подверг осмеянию не только Илиодора и покровительствующего ему саратовского епископа Гермогена, но и их многочисленную паству, сочувственно воспринимающую ксенофобские призывы иеромонаха. Автор отказался считать религиозных приверженцев Илиодора не только христианами, но даже людьми; по его оценке, они больше походят на диких зверей:

Эти звери были хором
Со своим Илиодором,
Когда тот, на бой готов,
Выл в соборе: «Бей жидов!»⁷

⁶ Гусляр (Чудаков Ф.). День итогов // Эхо. 1912. № 938. 1 (14) января. С. 3.

⁷ Гусляр (Чудаков Ф.). Накипь дня (От царицынских пенатов...) // Эхо. 1912. № 954. 21 января (3 февраля). С. 3.

На рубеже 1911–1912 годов российские газеты буквально захлестнула волна хроникёрских заметок и статей, посвящённых Илиодору, его скандальным выходкам, его лихорадочным перемещениям по стране. В этот период иеромонах стал едва ли не самой популярной общественной фигурой: буквально каждое его перемещение и каждое высказывание благодаря вездесущим газетчикам тут же становились достоянием гласности, беспрестанно обсуждались и цитировались. Азарт, с которым не только агенты полиции и охранки, но и газетные репортёры преследовали Илиодора, отслеживая каждый его шаг, к началу 1912-го достиг апогея, а сам иеромонах стал в глазах части общества фигурой почти мифической, наделённой мистическими свойствами.

Этот общественный и информационный ажиотаж запечатлён в фельетоне «Накипь дня (Мчатся, мечутся филёры...», под псевдонимом *Гусляр* опубликованном в «Эхе» 12 (25) февраля 1912 года:

Мчатся, мечутся филёры,
 Жадно ловят всякий слух,
 Но на след Илиодора
 Не наводит острый нюх.
 То Царицын телеграммой
 Отзовётся: «Здесь сидит!»,
 То в Москву, одевшись дамой,
 Он из Питера катит.
 То с газетным репортёром
 Он столкнётся лоб о лоб,
 То по небу метеором
 Промелькнёт и бац в сугроб!
 Прибежит сюда погоня,
 Пролетит во весь опор, —
 Ан, в Игнатьевском салоне
 Уж сидит Илиодор.
 Заручившись тьмой протекций,
 Проползёт сюда шпичёк, —
 Глядь, уж он для чтенья лекций
 Мчится вихрем на Восток.
 И таким неуловимым,
 Скользким стал со всех сторон,
 Что и с чеховским налимом⁸
 Смело спорить может он.

⁸ Имеется в виду хрестоматийный рассказ А.П. Чехова «Налим» (1885).

Тщетно юркие филёры
Напрягают чуткий слух:
Их на след Илиодора
Не наводит острый нюх!⁹

В этом тексте Чудаков развивает тему «неуязвимости» и «неуловимости» Илиодора, затронутую ранее в фельетоне «Накипь дня (Говорят, что очень скоро...)». Но есть в произведении и нечто принципиально новое — преобладание смеха, весёлого иронического дискурса. Автор буквально купается в волнах этой иронии, ирония становится главным, причём несравнимо более действенным и гибким, а главное более органичным для него художественным средством. Как следствие, персонаж, выглядевший в прежних фельетонах уныло-однообразным фанатиком, идеологическим «мастодонтом», преображается: теперь это не примитивный, крайне ограниченный черносотенец, не заскорузлый мракобес-националист, а необычайно подвижный и ловкий проходимец и авантюрист, изворотливо-скользкий, постоянно мутирующий, умеющий мгновенно приспособиться к меняющимся обстоятельствам, нацеленный исключительно на извлечение личной выгоды.

Как отмечалось выше, в январе 1912 г. по постановлению Синода потерявший к тому времени покровительство Григория Распутина Илиодор был заточён во Флорищеву пустынь — мужской монастырь в посёлке Флорищи Нижегородской губернии. Вскоре, как сообщили газеты, он попытался совершить побег.

Откликом на «новый трюк Илиодора» стал фельетон «Накипь дня (Се аз гряду, от сна восстав...)», опубликованный под псевдонимом *Гусляр* 3 (16) июня 1912 года в «Эхе». Фельетону предпослана преамбула: «Илиодор телеграфно извинился перед Синодом за попытку бежать из Флорищевой пустыни. (Факт)».

По форме произведение представляет собой созданное творческим воображением сатирика, иронически стилизованное покаянное письмо, написанное от лица Илиодора и адресованное Святейшему Синоду — одному из высших государственных органов Российской империи, ведавшему делами православной церкви.

Но и первая, пятистрочная, строфа, предваряющая собственно «письмо», тоже представляет собой рассказ самого иеромонаха, его устный монолог от первого лица:

---

⁹ *Гусляр* (Чудаков Ф.). Накипь дня (Мчатся, мечутся филёры...) // Эхо. 1912. № 969. 12 (25) февраля. С. 4.

Се аз гряду, от сна восстав,
 На телеграф, на телеграф.
 И, подобрав под зад хитон,
 Сажусь смятён, пишу «пардон»
 И шлю в шумливый Вавилон¹⁰.

Автор произведения, напрямую себя не проявляющий и не говорящий от своего имени, взявший на себя роль некоей «передаточной» нарративной инстанции, ретранслирующей монолог хорошо известного читателям-современникам религиозного деятеля, стремится и на лексическом, и на синтаксическом, и на понятийно-образном уровне воссоздать сознание, мышление (и, соответственно, речь) человека духовного звания, получившего хорошее богословское образование, воспитанного на священных текстах, привыкшего говорить на особом, присущем людям духовного звания языке. И в то же время изрядно политизированного, вовлечённого в проблемы «мирской» жизни, имеющего и сугубо «земные» наклонности. Отсюда — причудливое лексическое смешение, затейливая словесная какофония, проявляющая, отражающая поразительную «многогранность» и «гибкость» данной личности.

В приведённой выше строфе встречаются выражения, характерные для речи священнослужителя и воспринимающиеся обычным, светским читателем как речевая архаика: *се аз гряду, восстав, хитон*. Следует при этом отметить, что только одно, идущее первым, словосочетание обнаруживает явную принадлежность к церковно-славянскому языку, к священным религиозным текстам: *се аз гряду*. Оно встречается в ветхозаветном тексте — Книге пророка Захарии: «Красуйся и веселися, дщи Сионя, зане, се, Аз гряду и вселюся посреде тебе, глаголет Господь» (в современном переводе: «Ликуй и веселись, дочь Сиона, ибо вот Я приду и поселюсь посреди тебя, говорит Господь») (Зах. 2, 10). Однако заданный в начале первой строки возвышенно-торжественный церковнославянский тон и заключённый в выражении *се аз гряду* сакральный смысл тут же сбиваются оборотом *от сна восстав*, который заставляет вспомнить известный нецерковный текст — начальную строфу поэмы Н.А. Некрасова «Современники» (1875):

Я книгу взял, восстав от сна,
 И прочитал я в ней:
 «Бывали хуже времена,
 Но не было подлей».

¹⁰ Здесь и далее: *Гусляр (Чудаков Ф.)*. Накипь дня (Се аз гряду, от сна восстав...) // Эхо. 1912. Прибавление к № 1056. 3 (16) июня. С. 2.

Последние две строки у Некрасова заключены в кавычки, так как фактически это цитата из рассказа «Счастливые люди», принадлежащего перу малоизвестной ныне русской писательницы Надежды Дмитриевны Хвощинской (1825–1889). Он был опубликован в журнале «Отечественные записки» (1874. № 4) под псевдонимом *В. Крестовский*.

Вторая же строка фельетона *Гусляра*, указывающая, причём с повтором, куда именно направляет свои стопы пробудившийся от сна иеромонах (*На телеграф, на телеграф*), полностью нейтрализует заданную было выше повествовательную (и заодно — смысловую, содержательную) стратегию, ибо телеграф никак не вяжется не только с сутью пророчества Захарии, но и с лексическим рядом, представленным в первой строке.

Третья строка (*И, подобрав под зад хитон...*) ещё в большей степени профанирует ситуацию, обнажая плотскую, низменную сущность того, кто по внешнему виду и некоторым высказываниям мог быть воспринят как человек подлинно духовный. Произносимое им грубо-просторечное слово «зад» шокирующе диссонирует с одеянием, которым прикрывается эта часть тела героя произведения. В православной церкви *хитон* — принадлежность облачения монахов, схимников, одежда из грубой ткани, так называемая власяница, носимая под рясой. Наличие придавливающего хитон «зада» у того, кто пытается выступить в роли «схимника», сводит на нет его претензии на духовность и, тем более, святость.

Строка четвёртая (*Сажусь смятён, пишу «пардон»*) лишь усиливает контраст, ибо выделенное кавычками и становящееся просторечием в данном речевом контексте слово «пардон» в устах «схимника», «молельщика» не менее чужеродно и противоестественно, чем пресловутый «зад». Лексема «пардон», как и слово «зад», создают явственный иронический эффект — главное средство характеристики персонажа в данном произведении.

Наконец, пятая, заключительная строчка первой строфы (*И шлю в шумливый Вавилон*), с одной стороны, внешне как будто бы органична для сознания и речи верующего человека, священнослужителя, с другой, содержательно более тяготеет не к библейской мифологии и образности, а к современным политическим реалиям, к метафорам, которые активно используются в актуальной газетной публицистике. В буквальном значении Вавилон — древний город на реке Евфрат, ставший в системе библейских образов символом высокомерия, безбожия, порчи нравов. Вавилоном в переносном смысле называют место, где господствует развращённость нравов. В данном контексте под «шумливым Вавилоном» персонаж фельетона (да и, пожалуй, автор произведения)

подразумевает Петербург — столицу Российской империи, место нахождения политически ангажированного, зависимого, полностью придавленного и управляемого имперской властью Святейшего Синода.

В проанализированном фрагменте фельетона автор позволяет себе более явственно, чем в тексте следующего далее «письма», внедрять в речь персонажа нецерковные слова, создавая тем самым комический и иронический эффект. Таким образом он пытается донести до читателя мысль, что в своём обычном «бытовом», «внеслужебном» поведении Сергей Труфанов не совпадает с образом (или сознательно используемой маской) иеромонаха Илиодора. Здесь зазор между, условно говоря, *Сергеем* и *Илиодором*, между *мирским* и *духовным* началами в одном и том же человеке максимально велик. Более того, наличие данного расхождения не может не породить вопроса: а не является ли исключительно внешне проявляющаяся принадлежность к «духовному» притворством, имитацией, разновидностью приносящего выгоды жульничества?

Теперь приведём оставшуюся часть фельетона — то есть само «письмо» героя, для вящего правдоподобия маркируемое автором кавычками:

«Отцы! Молю, вонмите гласу,
 Чернца, носяща тёмну рясу,
 Его же ввергли в хлад и прах...
 У врат стояща кустодия
 Внушает мысли неблагие...
 Увы и ах! Увы и ах!
 И аз, смиреннейший келарий,
 Купивши брюки за динарий
 И в ту же сумму пиджачок,
 Аз, как жених, грядый в полнощи,
 Хотел дерзнуть иль, молвить проще,
 Сбежать, пуститься наутёк.
 Попутал бес... Воплю и каюсь
 И зарекаюсь, обещаюсь
 Сидеть смиренно с этих пор.
 Молельщик ваш Илиодор».

Первая половина «письма» в лексико-фразеологическом отношении, «на слух» выглядит более цельно, чем предваряющая его «устная» речь персонажа: здесь нет откровенно чужеродных вкраплений, какие были в первом пятистишии. «Эпистолярный» текст в этой части

заполнен по преимуществу церковнославянской лексикой и такой же фразеологией, вполне естественными для речи священнослужителя: *молю, вонмите* (то есть, выражаясь современным языком, *внимайте*) *гласу, ввергли в хлад и прах, у врат стояща кустодия* (стража, караул), *аз* (я), *смирнейший келарий* (монах, обитатель монашеской кельи) и т.д. Подобная лексика могла бы участвовать в формировании образа пострадавшего за религиозные убеждения, за верность духовным идеалам «чернца», но при обязательном условии: если бы ей не предшествовала лексика иного рода, которая озвучивалась выше, в «устной» речи персонажа. И если бы во второй половине «письма» фельетонный Илиодор опять не сбился бы с взятого им тона и не стал бы вновь воспроизводить слова, диссонирующие с церковным лексиконом. Употребляемые в данном жанрово-языковом контексте — то есть в покаянном послании монаха Святейшему Синоду — просторечные слова (*купивши брюки, пиджачок, пуститься наутёк, обещаюсь*) вновь проявляют плохо скрытую «мирскую», «земную» сущность того, кто пытается предстать молельщиком, иноком. То есть иронический смысл создают не сами по себе архаические языковые формы, а их взаимодействие с контрастной в стилевом отношении лексикой — сниженной, разговорной, грубо-просторечной.

Но не только: иронию порождает также контрастное сочетание используемых фельетонным Илиодором библейских, церковно-славянских речевых конструкций и приземлённо-обыденного, чисто обывательского поведения облачённого в хитон и «тёмну» рясу персонажа. Комизм возникает и из-за несоответствия возвышенной речевой самопрезентации персонажа (*чернец, смирнейший келарий, молельщик*) тому, о чём он рассказывает. Монах, пользующийся словами «пардон» и «обещаюсь», покупающий для себя «пиджачок» и в таком одеянии пускающийся из монастыря «наутёк», выглядит в глазах читателя, по меньшей мере, несуразно и смешно. Неуместность архаичной церковнославянской лексики при описании подобных действий очевидна, и это несоответствие рождает яркий, выразительный иронический эффект.

В «эпистолярной» части фельетона самая содержательно «нагруженная» и самая неуместная в контексте описания Илиодором его неудавшегося побега языковая конструкция: *«Аз, как жених, грядый в полнощи, / Хотел дерзнуть иль, молвить проще, / Сбежать, пуститься наутёк»*. Первая из трёх процитированных строчек является почти точной цитатой начала церковного песнопения — тропаря, который исполняется (трижды) в первые три дня Страстной недели после «Аллилуиа» («Аллилуйя»): «Се, Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща; недостоин же паки, егоже обрящет

унывающа. Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися; но воспрями зовущи: Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас».

Жених, который *грядет в полнощи*, в данном церковном контексте — Христос. Что касается смысла процитированного молитвословия, то он заключается в следующем: земная жизнь человека — испытание, подготовка к встрече с Христом и Вечной жизнью. И при этом никто не знает, когда, в какой момент оборвётся его земной путь. Тропарь призван напомнить человеку о возможности внезапной встречи с Судией мира и тем самым побуждает к постоянному духовному бодрствованию. В переводе на современный язык тропарь звучит так: «Вот Жених приходит в полночь, и блажен тот раб, которого Он найдёт бодрствующим. Недостоин же тот, которого Он найдёт в унынии. Будь внимательна, душа моя, чтобы не отяготиться сном и не быть преданной смерти и остаться вне затворённых дверей Царства. Но восстань, взывая: Свят, свят, свят, Боже, Богородицей (Её молитвами) помилуй нас».

В момент публикации произведения Чудакова подавляющему большинству его читателей был хорошо известен источник, из которого фельетонный Илиодор позаимствовал выражение «*жених, грядый в полнощи*». Понятно им было и то, с кем дерзнул сравнить себя персонаж произведения, сбросивший с себя монашеское облачение и в мирском «пиджачке» пустившийся «наутёк» из скромной кельи — с Христом, с самим Судией мира. Запредельная неуместность такого сравнения — один из авторских приёмов создания иронической модальности, с помощью которой Чудаков и выстраивает образ скандального иеромонаха. Илиодор, выведенный в датированном 1912 годом фельетоне, способен вызвать у читателя лишь смех, а вовсе не «жуть» — чувство, которое вызывал обозначавшийся этим же именем персонаж процитированной выше «фантастической пьесы» «Колдунья» (1909). Иеромонах образца 1912 года не страшен, а смешон и жалок в своих тщетных попытках выдать себя за того, кем он не может быть в силу свойств своей обыденной, обывательской природы. Развенчание, разоблачение с помощью язвительной иронии, весёлого смеха, а не суровое обличение, способное лишь «демонизировать» в общем-то заурядных персонажей российской общественно-политической авансцены 1910-х годов, — вот тот путь, который избирает Ф. Чудаков в зрелый период своего творчества, отсчёт которого можно начинать именно с 1912-го.

Ещё один заслуживающий интереса фельетон об Илиодоре, созданный в этом же году, — «Накипь дня (Схимник, строгий и суровый...)». Опубликован он был двумя месяцами ранее рассмотренного

выше произведения — 5 (18) апреля, и под другим известным псевдонимом Ф. Чудакова — *Язва*.

Фельетону предпослан эпиграф: «Установлено, что Илиодор: 1) не дал отчёта в крупной сумме монастырских денег, 2) заставлял поклонниц покупать копеечный маргарин, свечи по 5 коп. (В самом деле, установлено)».

Приведём произведение полностью, благо оно не очень объёмное:

Схимник, строгий и суровый,
Цвёл душой, как сельный крин.
Но... причём же тут целковый
И вульгарный маргарин?
Души чистятся не ваксой —
Это может всяк понять.
Для чего ж купецкой таксой
Дело веры осквернять?
Чтоб в душе замкнуть лазейку
Перед бесом на крючок —
Благодати на копейку
Покупай за пяточок!
В нас крамольная предвзятость
Гласом велием орёт:
Маргариновая святость
Очень сильный чад даёт! ¹¹

Во многих отношениях текст этот схож с фельетоном «Накипь дня (Се аз гряду, от сна восстав...)»: выбором героя и тем, какие особенности его натуры высвечиваются автором, выводимой в финале произведения «моралью», обращением к архаической лексике как важнейшему средству создания иронической модальности и т.д. Есть, разумеется, и расхождения. Так, голосовую «партию» в данном фельетоне, в отличие от рассмотренного выше, ведёт не персонаж, а автор. На этот раз сатирик развенчивает своего персонажа не изнутри, выступая как бы от его имени, а извне, отстранившись, дистанцируясь от него. Таким образом, встречающиеся здесь архаизмы не могут быть восприняты как отличительная особенность мышления и речи Илиодора, как способ саморазоблачения героя. Лексическая архаика в данном случае всецело принадлежит автору и является формой выражения его собственного отношения к персонажу — контрастно противопоставляемому и форме, в том числе языковой, и сути христи-

¹¹ *Язва* (Чудаков Ф.). Накипь дня (Схимник, строгий и суровый...) // Эхо. 1912. № 1009. 5 (18) апреля. С. 3.

анской веры. Само же это отношение воплощается и опосредованно (через ту же архаическую лексику, например), и прямо.

Если говорить о прямых авторских оценках, то они принимают форму и риторических вопросов («Но... причём же тут целковый / И вульгарный маргарин?»; «Для чего ж купецкой таксой / Дело веры осквернять?»), и восклицаний, содержащих итоговый моральный вывод: «Маргариновая святость / Очень сильный чад даёт!»

Опосредованные авторские оценки воплощаются, прежде всего, в иронии, для чего сатирик и обращается в первых двух строчках к архаической лексике: «Схимник, строгий и суровый, / Цвёл душой, как сельный крин». Одна из задач, решаемых на этом отрезке текста, заключается в том, чтобы заставить читателя представить образ идеального монаха — такого, каким он мог быть, если бы следовал заветам Христа, самой сути монашества. Схимник (церк., устар.) — монах, принявший схиму, высшую монашескую степень, требующую строжайшего выполнения суровых аскетических правил — послушания, нестяжания, целомудрия и т.д.

В реальности Илиодор, конечно же, и это не было для Чудакова секретом, схиму не принимал, обета полностью отрешиться от мира ради соединения с Богом не давал, желания добровольно стать затворником не высказывал. Но, в любом случае, схимничество и для него, как монаха, должно было быть неким путеводным идеалом, высшим образцом монашеского служения. Слово «схимник» автор фельетона использует для усиления контраста — основного приёма, который используется в произведении ради создания иронического эффекта, содержательная цель которого — обнаружение и обнажение, выставление напоказ антидуховной, стяжательской, жульнической сути псевдомонаха Илиодора.

С такой же целью автор использует приём сравнения, уподобляя душу внешне сурового и строгого воображаемого схимника прекрасному благоуханному цветку — лилии: сельный (устар.) — полевой; крин, от греч. *krinon* (книжн.-поэт., устар.) — лилия. Такова, по мысли Чудакова, идеальная модель подлинного монашества: внешне, на телесном уровне — строгая и суровая аскеза, отрешение от всего мирского, в том числе от бытовых и общественно-политических «соблазнов»; внутренне, на душевно-духовном уровне — соединение с Богом и только с ним.

И этот образ-идеал (строгий и внешне суровый схимник с душой, напоминающей прекрасный цветок) далее сталкивается автором с реальным обликом и реальными поступками скандального иеромонаха, не имеющего ничего общего с этим представленным в первых строчках идеалом. Выведенный в фельетоне персонаж не является не только схимником, но и обычным священником, он — наглядный при-

мер и яркое воплощение всего, что является полной противоположностью духовности и святости: корысти, стяжательства, лицемерия, обмана, предательства. С помощью иронии и сарказма развенчивая псевдомонаха Илиодора, у которого было множество адептов в среде простого народа и единомышленников в Государственной думе и правых политических кругах, которому покровительствовали авторитетные церковные иерархи и государственные деятели самого высокого ранга, автор фельетона тем самым ставит неутешительный диагноз не только одиозному Илиодору, но и всему российскому обществу, отдаляющемуся от духовно-нравственных ценностей.

Художественные принципы и приёмы, которые Чудаков применяет в фельетонах 1912 года об Илиодоре, обнаруживают себя и в произведении этого же времени, обращённом к личности упомянутого выше Григория Распутина — одного из прежних покровителей иеромонаха. Имеется в виду фельетон «Реставрация», под псевдонимом *Гусляр* напечатанный в «Эхе» 5 (18) января 1912 года.

В предпосланной ему преамбуле приводится газетная строчка, послужившая для автора информационным поводом взяться за перо: «Известный старец Григорий Распутин с высочайшего разрешения изменил свою фамилию на “Григория Нового”. (Из газет)». Где, в каких газетах и когда именно Чудаков прочитал это сообщение — неизвестно. Случилось ли это только что, накануне, или фельетонист по какой-то не известной нам причине вспомнил то, о чём он узнал давно, судить трудно, ведь сама смена фамилии произошла за несколько лет до появления «Реставрации». Прошение на высочайшее имя об изменении своей фамилии на *Распутин-Новых*, ссылаясь на то, что многие его односельчане носят ту же фамилию, из-за чего могут быть недоразумения, Григорий Распутин подал ещё в декабре 1906 года. Тогда же оно было удовлетворено.

Композиционно «Реставрация» напоминает фельетон «Накипь дня (Се аз гряду, от сна восстав...)»: в нём две части, и вторая, более объёмная, также является заключённым в кавычки монологом персонажа, только не «эпистолярным», как в произведении об Илиодоре, а «устным». Что касается строфы (в данном случае шестистишия), предваряющей этот монолог, то она похожа на цитировавшиеся выше вступительные строчки другого фельетона об иеромонахе — «Накипь дня (Схимник, строгий и суровый...)», где звучит голос автора, а не героя.

Объят печатью велию,

Во келии под елию

Сидел анахорет

И в горестном бессилии
 Ругал свою фамилию —
 Источник всяких бед!¹²

Как и в названных фельетонах об иеромонахе, здесь тоже для характеристики персонажа автор активно задействует архаическую, в том числе церковную, церковнославянскую (или стилизованную под неё: *под елию*) лексику: объят печалью *велию* (церк.-слав.) — то же, что великою; *во келии* (устар.) — в келье, то есть в отдельной комнате монаха в монастыре; в переносном значении — в уединённом и скромном жилище.

Вновь, как и в прежних случаях, сатирик употребляет эти и подобные слова для того, чтобы посредством иронии выразить отношение к персонажу, которого газеты той поры обычно именовали «старцем». То есть тем же самым словом, которым в православной России называли пользующихся безусловным моральным авторитетом монахов преклонного возраста, мудрых и прозорливых духовных наставников. Для усиления иронического эффекта фельетонист именуется своего отнюдь не святого персонажа анахоретом. *Анахорет* (греч. *anachoret*, от *ana* — в сторону, и *choreo* — иду) — отшельник, монах-пустынный, ведущий уединённую жизнь. Конечно, автор фельетона слово это (как прежде слова *схимник*, *чернец*, *молельщик*, *инок* — применительно к Илиодору) употребляет в ироническом смысле, ибо образ жизни Григория Распутина, по общему мнению, не был ни добродетельным, ни тем более монашеским, о чём, по воле автора, наглядно свидетельствует монолог персонажа:

«Ой, доля, доля слёзная!
 Весьма тенденциозная
 И не религиозная
 Мне кличка суждена!
 “Рас-пу-тин!” Волей демона
 Теперь известна всем она,
 Как имя старца странного
 И специально — банного.
 “По шёрстке” ли она?..»

Помимо лексики, чуждой речи монаха-духовника (*тенденциозная*, *кличка*), в этой пронизанной иронией части монолога героя слово *старец* употребляется в сочетании с двумя эпитетами, ставящи-

¹² Здесь и далее: *Гуслер (Чудаков Ф.)*. Реставрация // *Эхо*. 1912. № 941. 5 (18) января. С. 3.

ми под сомнение (*странный*) или вовсе опровергающими (*банный*) «старчество» Григория Распутина, его претензии на роль убелённого сединами мудрого духовника. Второй из приведённых эпитетов содержит понятный современникам Чудакова намёк на «банные» радения — тиражируемые газетами слухи об оргиях, которые «старец» Г.Е. Распутин любил устраивать в банях.

Следующая строфа «монолога» ещё отчётливее проявляет идейный смысл и этого произведения, и тех, о которых речь шла выше: «старчество», «анахоретство», «монашество», «схимничество», «иночество» Григория Распутина, иеромонаха Илиодора и многих других подобных псевдомолельщиков начала XX века — ни к чему не обязывающий антураж, маска, с помощью которой они добивались расположения «начальства», карьерного успеха, а также вполне себе мирских благ и телесных удовольствий:

«Соблазн по миру носится,
Начальство “купоросится”,
И даже “мироносицы”
Теперь бегут меня!»

Как и в фельетонах о «схимнике» Илиодоре, здесь, в произведении о «старце» Распутине, для раскрытия важнейшего свойства натуры персонажа — показной, сугубо внешней, имитационной сути его «монашества» — автор вновь использует приём контрастного сочетания слов разных лексических групп. И эта языковая какофония в устах «старца» — ярчайшее свидетельство его бездуховности, маскируемой священническим одеянием, обликом-маской, официальным статусом, показной религиозностью.

Если первая строка (*Соблазн по миру носится*) в лексическом отношении вполне органична для религиозного человека, то вторая (*Начальство «купоросится»*) абсолютно противостоит естественности. *Купоросится* (простор.) — буквально — краснеет лицом; в переносном значении — выражает недовольство, сердится. О недовольстве какого «начальства» размышляет фельетонный «анахорет»? Явно не церковного. Современникам Чудакова прекрасно было известно, что в качестве «начальства» Распутин признавал над собой лишь императора и императрицу. То есть и слово «начальство» в данном случае используется в ироническом, а не буквальном смысле. Речь о таком неприглядном явлении русской действительности имперского периода, как фаворитизм.

Переживания же «старца» по поводу бегства от него «мироносиц» тоже содержат очень далёкий от религиозности смысл. В буквальном

значении *мироносицы* — женщины, поклонницы руководителя какой-нибудь религиозной секты. В контексте христианской религии, мироносицы — женщины, приносившие, согласно Евангелию, миро для помазания тела Христа. В фельетоне Ф. Чудакова слово это используется, и об этом сигнализируют обрамляющие его кавычки, в ироническом или даже саркастическом смысле: «старец» озабочен тем, что публичные скандалы, которые связывают с ним, с его фамилией, уменьшают число поклонниц, готовых участвовать в банных оргиях.

Что касается заключительной части монолога «старца», то здесь авторская мораль становится ещё более прозрачной. Суть её в том, что для Григория Распутина и подобных ему деятелей предреволюционного десятилетия православие, его атрибуты, ритуалы, языковые формы, вся его формально-обрядовая сторона — мимикрия, способ достижения чисто светских, мирских, сугубо прагматических результатов — материальных, карьерных, статусных. По этой причине фельетонный «старец» заботится исключительно о том, чтобы снова ввести в заблуждение общественность, сменив уже скомпрометированную форму, в данном случае фамилию. У персонажа, как показывает автор произведения, не возникает и тени мысли о том, что в замене, перерождении нуждается не «оболочка», а внутреннее ядро личности:

«Как прать против лукавого?

Фамилию надо заново,

Фамилию серьёзную,

Не так тенденциозную...

От прежнего духовного

Распутника греховного

Освобожуся я...

Пускай “Григорья Нового”

От ярлыка бедового

Отскоблят мне друзья».

Первая строка заключительной части монолога «анакорета» (*Как прать против лукавого?*) — очередная попытка прикрыть своё духовное убожество словесной архаикой, имитирующей церковный слог. *Прать* (устар.) — выступать, напирать, переть; обычно использовалось в составе устойчивого выражения «прать против рожна» — то есть действовать, идти против силы, обрекая себя на неудачу, поражение. Рожон — заострённый кол, укреплённый в наклонном положении. *Лукавый* — одно из библейских имён сатаны, дьявола. Но *прать против лукавого* «анакорет» Распутин не способен, так как он, по мысли Чудакова, есть

не противник, а слуга дьявола. И это становится понятно из финальной части монолога: псевдостарец раскрывает здесь подлинное содержание своей неизменной натуры. В его искажённом сознании может родиться только один вариант решения проблемы: с помощью высоких покровителей попытаться избавиться от скомпрометированной фамилии. «Другом», который пытался помочь «старцу» «отскоблить» истрёпанную репутацию и с этой целью удовлетворил его прошение о смене фамилии, как известно, был император Николай II, на что сатирик намекает, но прямо сказать в подцензурной печати не может.

Подведём некоторые итоги.

Используемые в проанализированных стихотворных фельетонах Ф. Чудакова принципы и приёмы изображения персонажей, представляющих крайне правый фланг российского политического спектра, ощутимо меняются на границе 1911–1912 годов. Произведения, созданные в ранний период (1909–1911), как правило, имеют прямолинейно-сатирический, сугубо обличительный характер. В результате идейные противники автора (по партийной принадлежности — эсера, по взглядам — скорее социал-демократа, по мироощущению — сторонника тех, кто исповедует идеи так называемого «нравственного христианства»), в числе которых националисты-черносотенцы, политиканствующие «попы», смыкающиеся с самыми реакционными силами в Государственной думе октябристы, предстают примитивными существами, односложными и однолинейными образами.

Начиная с 1912 года Чудаков предпочитает использовать более тонкий художественный инструментарий — иронию. Ирония становится более гибким и действенным, более органичным для Чудакова средством сатирической характеристики. Ещё одно существенное различие заключается в том, что на смену авторскому обличению, авторским убийственным характеристикам приходит саморазоблачение отрицательных персонажей — прямое, буквальное, но чаще опосредованное. Так или иначе, смещение нарративного центра — от автора к персонажам — обуславливает более широкое и активное использование приёмов речевой характеристики, разнообразных языковых средств. Среди них особо важную роль начинает играть языковая архаика — и лексическая, и фразеологическая, и синтаксическая. Причём чаще всего иронический смысл создают не сами по себе архаические языковые формы, а их взаимодействие с контрастной в стилевом отношении лексикой и фразеологией — сниженной, разговорной, грубо-просторечной.

«Горою чрево пучится...»

Образы гласных городской думы Благовещенска
в стихотворных фельетонах Ф. Чудакова

Гласные и их «арендаторы»

Один из самых любимых приёмов Фёдора Чудакова-фельетониста — каламбур, остроумное обыгрывание сходно звучащих слов, позволяющее создавать яркий иронический или комический эффект. В «Опыте Благовещенского энциклопедического словаря», который печатался в нескольких номерах выходившего в 1909–1910 гг. сатирического журнала «Колючки», Чудаков применяет его, в шутливо-язвительной форме объясняя читателям значение слова «гласный»: «*Гласный* — в большинстве случаев существо безгласное, когда речь идёт о правах бедноты, и громогласное, когда речь заходит о собственных интересах»¹.

Наверное, не каждый современный читатель в состоянии понять авторскую иронию, так как слово «гласный» в данном значении вышло из речевого обихода более века назад. Поясним: гласные в предреволюционной России — это выборные члены городских дум с правом решающего голоса (такого права не имели так называемые кандидаты в гласные, постепенно заполняющие освобождающиеся места). О том, почему гласные городской думы не отстаивали интересы «бедноты», забывали о нуждах обычных горожан, Чудаков поведал в фельетоне «Полюбовный раздел», который под псевдонимом *Амурец* был опубликован в газете «Амурское эхо» 24 апреля (7 мая) 1916 года.

Произведение, имеющее жанровое обозначение «Шутка», предваряет следующая преамбула — реплика не названного автором лица: «*Это произошло потому, что на заседании не было моих гласных. (Из беседы)*».

Если упомянутая беседа — не вымысел, и автор либо сам в ней участвовал, либо прочитал или узнал от кого-то о ней, то современному читателю может быть не вполне понятно, почему Чудаков не озвучил имя. Думается, он пошёл на это сознательно. Смысл его произведения состоит не в том, чтобы уличить, вывести на чистую

¹ *Босяк (Чудаков Ф.). Опыт Благовещенского энциклопедического словаря // Колючки. № 4–5. 1909. 6 декабря. С. 17.*

воду кого-то из закулисных «хозяев» Благовещенска, а в том, чтобы обратить внимание читателей на существенные изъяны российской избирательной системы, обеспечивающей интересы исключительно класса собственников. В начале фельетона на примере выборов гласных Благовещенской городской думы автор в самом общем виде показывает механику действия этой системы:

Выбирали горожане,
«Избиратель» выбирал,
Но случился (как и ране)
Неожиданный финал.
Вмиг, — едва места заняли
Свежесшитые «отцы»,
Мигом их в аренду сняли
Расторопные дельцы².

Обратим внимание, что за первой строкой: «Выбирали горожане» — через запятую идёт вторая, уточняющая, конкретизирующая то, о чём сообщается в первой: «“Избиратель” выбирал». В чём смысл этого уточняющего повтора и почему слово «избиратель» заключено в кавычки? Для того чтобы понять это, современный читатель должен иметь представление об особенностях избирательной системы, действовавшей в царской России на муниципальном уровне.

«Избиратель» в данном контексте — не то же самое, что значит это слово сегодня. Тогдашние «избиратели» — весьма узкий круг лиц, имеющих право избирать органы городского общественного самоуправления — думу и (опосредованно) формируемую ею управу. Гласные, как известно, избирались сроком на четыре года на заседании созываемого городской управой Избирательного Собрания. В Благовещенске, например, такие выборы проходили в 1908, 1912 и 1916 гг. И всегда, во всех случаях в думе оказывались не полномочные представители широкой городской общественности, а некие, как выражается фельетонист, *свежесшитые «отцы»*. Кавычками автор задаёт дополнительную ироническую окраску слову «отцы»: в данном речевом контексте оно имеет негативную коннотацию, так как ассоциируется с раболепным, самоуничижительным оборотом *отцы вы наши и благодетели*, которое применялось при обращении представителей низших сословий к богатым и сановникам.

² Здесь и далее: *Амурец* (Чудаков Ф.). Полюбовный раздел. Шутка // Амурское эхо. 1916. 24 апреля (7 мая). С. 3.

Согласно статье 24 Городового положения 1892 года (именно оно определяло порядок и процедуру муниципальных выборов)³, избирать гласных могли владельцы недвижимого имущества (для таких городов, как Благовещенск, стоимостью не менее 1000 рублей — сумма по тем временам немалая), а также лица, содержащие в городе торгово-промышленные предприятия (для губернских и областных городов — купцы 1-й и 2-й гильдии). Кроме того, согласно той же статье, через своих представителей право участвовать в выборах имели благотворительные, учебные и правительственные учреждения (кроме полицейских и религиозных), владеющие на правах собственности недвижимостью. Ну и, наконец, таким правом обладали представители обществ, товариществ и компаний, имеющих в собственности торгово-промышленные предприятия. Закон позволял владельцам торговых и промышленных предприятий иметь по два голоса — и как частным домовладельцам, и как хозяевам компаний и товариществ. Подавляющее же число обычных горожан не имели и одного голоса, не участвовали в муниципальных выборах и не могли быть избраны в органы общественного самоуправления.

В результате в числе гласных обычно оказывались либо крупные собственники, наиболее состоятельные купцы, промышленники, либо собственники средней руки, охотно идущие в услужение к первым, так как с ними их сближала общность интересов. О том, как «расторопные дельцы», то есть главные городские богатеи, снимают «в аренду» новоизбранных думских гласных, речь идёт во второй части:

«Пять моих!» — спиртозаводчик

Отсчитал и прочь пошёл.

«Десять!» — крикнул пароходчик.

«Двадцать!» — рывкнул мукомол.

Остальных сейчас же рьяно

Расхватили, кто успел:

И владелец ресторана,

И мясник, и маслодел.

В представлении Чудакова, в Благовещенске основными «скупщиками» и «арендаторами» гласных, то есть подлинными хозяевами города, были три категории купцов и промышленников: мукомолы, пароходчики и спиртозаводчики. Каждой из них сатирик посвятил

³ См.: Городовое положение. 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XII. № 8708. С. 430–456. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm>. 17.02.2019.

немало произведений, причём чаще и язвительней всего он писал об амурских мукомолах, наживавшихся за счёт грабительских цен: «Накипь дня (Сошлись и заспорили...)» (Эхо. 1912. № 1013), «Слово о зерне» (Амурское эхо. 1916. № 455), «Положеньице!» (Амурское эхо. 1916. № 536), «Мукомол» (Амурское эхо. 1916/1917. № 545), «Почему мука стоит девять рублей» (Дятел, беспартийный. 1918. № 1) и т.д. Немало фельетонов посвящено и местным пароходчикам: «Амурскому пароходчику» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1374), «Чемпион» (Эхо. 1913. № 1426), «Реквием» (Эхо. 1913. № 1440), «Письмо без адреса» (Амурское эхо. 1916. № 522) и др. Представлены в ряде фельетонов Чудакова также производители и торговцы алкоголем: «10 000 бутылок. Ода, посвящаемая гласному Ождженскому» (Эхо. 1914. № 1760), «О пиве и прочем» (Эхо. 1915. № 1787), «Рыцарь без страха, но с упрёком» (Амурское эхо. 1916. № 325) и т.д.

По мнению фельетониста, значительная часть гласных городской думы Благовещенска находится «на кормлении» у наиболее состоятельных промышленников и купцов. Поэтому все они так или иначе отстаивают интересы главных богатеев — тех, кто участвует в делёжке городского бюджетного «пирога». Что касается обычных, малоимущих горожан, то в думе представлять их интересы попросту некому:

«Избиратель» только хлопал
Левым ухом по плечу,
А потом ногой затопал:
«Что же я-то получу?
Что я — нищий? иль заморыш?
Что ж пришлось на мой конец?»

Избранные по существующему законодательству гласные в принципе не могли быть «слугами народа», тем более «бедняков», так как от них не зависели и в малой степени. На чью же поддержку могли рассчитывать обычные горожане? Иронический ответ автора на этот вопрос звучит в финальном двустишии:

Лишь один Сюткин — сторож
Да пожарный жеребец.

Иначе говоря, ни на чью. Все гласные — богатеи или те, кто «арендован» богатеями, поэтому простым «избирателям» надеяться не на кого, разве что на Сюткина — сторожа, охраняющего здание городской думы. Подразумеваемый автором фельетона другой (более известный) обладатель названной фамилии — Сюткин Федот Николаевич (1883–1918), гласный городской думы Благовещенска, политический и

общественный деятель, член большевистской партии с 1915 г., председатель I, IV, V крестьянских съездов Амурской области. После революции 1917 г. — секретарь Благовещенского большевистского комитета, секретарь исполкома Благовещенского Совета, зам. председателя областного Совета рабочих и солдатских депутатов, член облисполкома, комиссар продовольствия. В 1918-м избран от Амурской области во ВЦИК. Казнён белогвардейцами в Благовещенске в начале декабря 1918 года. Федот Сюткин упоминается в фельетонном цикле Ф. Чудакова «Песнь о Кульдурском ключе» (январь-февраль 1918 года).

История о том, как городская дума обновила портьеры

Состоя на службе у «арендовавших», скупивших их на корню «хозяев» — мукомолов, пароходчиков, пивоваров, владельцев винных заводов и лавок, — гласные городской думы Благовещенска выступали сплочённой командой, когда голосовали за выделение бюджетных средств не на благоустройство в непогоду утопавшего в грязи города, а на создание всё более комфортных условий для самих себя. Так, например, Ф. Чудаков не раз откликнулся на скандальное решение Благовещенской городской думы выделить из средств муниципального бюджета немалую по тем временам сумму — 500 рублей — на замену вполне ещё пригодных гардин и штор в зале заседаний: «День итогов» (Эхо. 1912. № 938), «Надобность?» (Эхо. 1912. № 947) и др. Одно из первых произведений на эту тему — фельетон в рубрике «Накипь дня», под псевдонимом *Гусляр* опубликованный в газете «Эхо» 29 ноября (12 декабря) 1911 года.

В зачине автор сообщает читателям о факте, который побудил его взяться за перо: о решении гласных городской думы выделить крупную сумму отнюдь не на то, в чём остро нуждаются горожане:

В думских недрах
Много щедрых,
Расточительных господ.
Вот их меры:
На портьеры
Ассигновано пятьсот⁴.

⁴ Здесь и далее: *Гусляр* (Чудаков Ф.). Накипь дня (В думских недрах...) // Эхо. 1911. № 913. 29 ноября (12 декабря). С. 3.

В этой части произведения ирония почти не ощущается. Едва ли не единственное, что заставляет почувствовать подвох — упоминание о «расточительности» гласных. Если бы не это, то «щедрость» думских «господ» вполне могла быть принята «наивным» читателем за чистую монету.

Во второй же строфе автор переводит повествовательный регистр в откровенно ироническую тональность: здесь гласные представлены в смешном, почти карикатурном виде: оказывается, немалая часть общегородского бюджета потрачена ими ради того, чтобы показать «дулю», то есть фигуру из трёх пальцев, припекающему их пухлые щёки светилу:

Чтобы солнце
Сквозь оконца
Пухлых щёк не припекло,
Натянули
Солнцу «дулю»:
Ну-ка, жарь теперь в стекло!

Усиливая комический эффект, автор как бы проникается заботами радеющих о собственном благе гласных, притворно сочувствует им и предлагает не останавливаться на достигнутом. Более того, он даже подсказывает, на что ещё думские пухлощёкие любители комфорта могут потратить оставшиеся бюджетные средства:

Чтобы с блеском
По повесткам
Гласных в думу вызывать, —
Бюллетени
На велене-
Вой бумаге издавать.

Велень (фр. *vélin* — тонко выделанная телячья кожа), веленевая бумага — дорогой, высокосортный, изготавливаемый из кожи млекопитающих материал для печати, подобие пергамента. Автор фельетона, отталкиваясь от факта выделения гласными крупной суммы на шикарные портьеры для думского зала заседаний, подсказывает «народным» избранникам, что эти самые портьеры требуют и в остальном выдерживать заданный уровень роскоши и «блеска». Что называется, гулять, так гулять!

Используя приём иронической градации, в заключительной части фельетона автор предлагает думским гласным не скромничать и превратить зал заседаний в подобие великосветского салона или даже

царских покоев. Для этого потерявшим всякое стеснение «депутатам» остаётся, по мнению фельетониста, не так уж много:

Кресла, стулья
В думском улье
Обтянуть парчой, обить.
Чтоб не вытер
Лорд-мэр Питер
Свой лорд-стул —
Позолотить.

Лорд-мэр Питер, которому автор предлагает позолотить его «лорд-стул», — это Пётр Петрович Попов, в 1911–1914 гг. городской голова (лорд-мэр) Благовещенска, персонаж многих сатирических произведений Чудакова: эпиграммы «Пыль в глаза» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1318), фельетонов «Предвыборное раздумье» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1435), «Блины с гарниром» (Зоя. 1914. № 4) и др.

«Разговоры» гласных о «городских делах»

Необыкновенно «щедрая» и сплочённая, когда дело касается собственных «барских» прихотей, городская дума с таким же завидным единодушием отклоняла просьбы выделить деньги на многие социально значимые проекты: учителям, планировавшим поездку на курсы повышения квалификации, периодическим изданиям, отражавшим повседневную жизнь областного центра, училищам и библиотекам на приобретение художественной и учебной литературы и т.д.

Одному из таких случаев посвящён фельетон «Разговор», под псевдонимом *Амурец* напечатанный в «Эхе» 5 (18) января 1914 года. Произведение это — отклик на решение думы Благовещенска отказать в субсидии журналу «Городское дело».

На этот раз фельетонист избирает иной путь создания иронического эффекта — не взгляд извне, не стороннюю оценку, а «реконструкцию» сознания гласных, принявших такое решение. Автор как бы приглашает читателей стать свидетелями разговора, в котором принимают участие гласные городской думы. Эта воображаемая сценка не содержит каких-либо авторских «ремарок» или оценочных суждений. Имена участников воображаемого разговора, скорее всего, вымышленные, условные. Чудаков, в качестве репортёра газеты «Эхо» не раз присутствовавший на заседаниях городской думы, видевший, хорошо знавший практически всех благовещенских гласных, часто писавший о них по

разным поводам, в данном случае не ставит задачи показать каких-то конкретных думских деятелей, сделать их «узнаваемыми», не стремится к достоверному воссозданию (при желании это, наверное, нетрудно было бы сделать) самого хода заседания, на котором было принято возмущившее журналистскую общественность Благовещенска решение.

Выстраивая воображаемый разговор, фельетонист исходит из элементарной логики: подобное решение, на его взгляд, могли принять лишь люди ограниченные, невежественные, боящиеся свободного слова, противники гражданского общества, то есть, как любил выражаться Ф. Чудаков, настоящие мастодонты, примитивные, пещерные существа. Именно такими он и «показывает» гласных читателям, с помощью творческой фантазии реконструируя ход и саму логику их рассуждений:

«Пётр Иваныч! Пров Пахомыч!
Эй, потише, земляки!
Оказать нас просят помощь —
Так, немножко, пустяки!»
«Помощь? Вот ведь черти носят!
Век от них покою нет!
А на что такое просят,
На какой такой предмет?»
«Так что, вроде как газета,
Называется — журнал.
Но вобще я дело это
Толком не обмозговал!»⁵

Персонажей фельетона нет нужды «разоблачать», они с успехом делают это сами, в первую очередь, принятием данного решения: оно — безусловный факт, данность, автор здесь ничего не придумывает, не приписывает, не искажает, даже избегает прямых оценок. Во-вторых, герои сами развенчивают себя, в прямой речи демонстрируя своё интеллектуальное убожество, ограниченность кругозора, тупое самодовольство вкупе с пренебрежительным отношением к общественному мнению, к нуждам горожан. Но реплики участников думского «разговора» — явно не из стенограммы заседания, это в большей степени плод художественного вымысла или, правильнее сказать, авторского предположения, авторской «реконструкции». С другой стороны, Ф. Чудаков, моделируя сценку в городской думе, очевидно, отталкивается от собственных впечатлений: воспроизводит особенности речи

⁵ Здесь и далее: *Амурец* (Чудаков Ф.). Разговор // *Эхо*. 1914. № 1504. 5 (18) января. С. 4.

вполне себе реальных гласных — благовещенских купцов, по преимуществу малообразованных. И, в большинстве своём, консерваторов, принципиальных противников социального прогресса. Один из таких ретроградов и невежд и предстаёт в фельетоне во всём своём «блеске» — имеется в виду гласный, не понимающий разницы между газетой и журналом («Так что, вроде как газета, / Называется — журнал»), использующий просторечие «вобщем». Казалось бы, для избранных в городскую думу — очевидно, авторитетных, относящихся, как писал Ф. Чудаков в фельетоне «Гоголевский юбилей» (1909), к «сливкам общества», это предел, ниже которого падать некуда... Однако следующий вступающий в «разговор» гласный демонстрирует ещё большее невежество и ещё более впечатляющее мракобесие:

«Что? Газета? Скрипаденты?

Это те, которых — бить?

Это всякие скуденты?

В шею! С лестницы спустить!»

Слова *скрипаденты* и *скуденты* заставляют вспомнить такое специфическое языковое явление, как «народная этимология». Под народной этимологией обычно подразумевается такая переделка фонеморфологической структуры непонятных представителям малообразованных слоёв общества слов, которая сближает их с более привычными словами как фонетически, так и по значению, что и позволяет осмыслить их⁶.

Под *скрипадентами* персонаж фельетона подразумевает, судя по всему, корреспондентов — то есть тех, кто, по его разумению, лишь скрипит перьями — пишет пасквили, фельетоны, кто суёт свой нос куда не следует, например, проливает свет на деятельность городской думы. По такой же словообразовательной модели образовано слово *скуденты* — так именуются студенты: они, в глазах одного из гласных (очевидно, купца), должны быть презираемы уже в силу их бедности, скудности их материального положения, а также по причине явного «скудоумия», мешающего им заняться настоящим, реальным делом и перестать сеять смуту. Одной мысли о *скрипадентах* и *скудентах*⁷, то

⁶ Введенская Л.А., Колесников Н.П. Этимология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. С. 37.

⁷ Интересно отметить, что видный сибирский журналист Михаил Басов, знавший Чудакова по совместной работе в газете «Амурское эхо», свидетельствует, что у амурского сатирика и поэта было прозвище «лохматый студент» (см.: Басов М. Ф.И. Чудаков // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 158–161).

есть о тех, кто стремится рассказать или узнать о «городских делах», иначе говоря, о том, чем занимаются участники «разговора», оказывается достаточно, чтобы спровоцировать вспышку настоящей ярости, по первому ощущению — не вполне объяснимой, чрезмерной: «Это те, которых — бить? <...> В шею! С лестницы спустить!» Что так разозлило одного из «отцов» города, что вывело его из состояния равновесия? Очевидно, то же самое, что вынуждает гласных отказать в субсидии журналу «Городское дело»: боязнь гласности, общественного контроля, нежелание отчитываться в своих делах перед избирателями, перед гражданским обществом. Иначе говоря, гласные, представляющие интересы господствующих классов, противятся всему, в чём усматривают покушение на свои сословные, корпоративные привилегии. Независимая печать, свободное слово, просвещение, люди, тянущиеся к знаниям и прогрессу, потому и вызывают у них раздражение и ярость, что в них они видят для себя угрозу. А потому и уповают на невежество как на надёжную защиту от пугающих их перемен. Фельетонист сталкивает две точки зрения на то, нужны ли стране (и самим гласным) просвещение, образованные люди. Первая — осторожное предположение (со ссылкой на стороннее мнение), что владеть грамотой, читать полезно и самим гласным, вторая — категоричное утверждение, что это опасное заблуждение:

«Так что я, по слухам частным,
Слышал раз такую суть:
Почитать подчас и гласным
Не мешает что-нибудь!»
«Что-о? Храни нас Бог подале,
Нас, и жён, и всех родных.
Наши деды не читали,
Мы-то, что ж, умнее их?!»

В финальных строчках, подводя итог думскому обсуждению, ведущий заседание (скорее всего, автор имеет в виду П.П. Попова, тогдашнего «лорд-мэра» Благовещенска, который чаще всего и председательствовал на заседаниях думы) солидаризируется не только с противниками свободного печатного слова, но и с откровенными мракобесами, готовыми отстаивать свои привилегии и свою неподконтрольность обществу любыми средствами, включая грубую физическую силу:

«Так что, значит, на отказе
Все согласны? Так и быть! —

Отказать во всяком разе!

А при случае — побить!»

Гласные-мукомолы, или Слово о зерне

Как отмечалось выше, одна из самых ненавистных Чудакову категорий благовещенских купцов — мукомолы. Им он посвятил немало фельетонов, среди которых есть и те, в которых содержится реакция сатирика на действия мукомолов-лоббистов и «арендованных» ими гласных в городской думе.

В числе таких произведений — фельетон в традиционной авторской рубрике «Накипь дня», под псевдонимом *Язва* опубликованный 10 (23) апреля 1912 года в газете «Эхо». Фельетон предваряет преамбула: *«Гласные-мукомолы решительно восстали против понижения мучных цен. Г-н Фёдор Коротаев голосовал заодно с мукомолами. (Заседание городской думы)»*.

С точки зрения формы, отличительная особенность произведения состоит в том, что оно, являясь по своей природе стихотворным, напечатано как прозаический текст — без разбивки на поэтические строки и строфы. Возможно, ради экономии газетной площади. А может быть, из-за желания фельетониста своей якобы «прозой» контрастно оттенить приведённые в финале «стихи» постоянного оппонента — Фёдора Коротаева.

Первый абзац (первая строфа) — вводный, единственный, в котором персонажи — купцы-мукомолы, гласные Благовещенской думы — показаны со стороны:

...Сошлись и заспорили, руками помаваючи, брадами потрясаючи, ругательски ругаючи маньчжурское зерно⁸...

Автор не называет персонажей по именам, не уточняет, сколько их всего, не выделяет кого-то из них, не наделяет неповторимыми чертами, индивидуальной речевой характеристикой. Они предстают суммарно, как некая однородная масса. Неразличимы они и внешне: все в латаных одеяниях, все примерно одного возраста, у всех патриархальные бороды, все одинаково жестикулируют, одинаково говорят об одном и том же. Не давая прямых оценок персонажам, автор применяет косвен-

⁸ Здесь и далее: *Язва* (Чудаков Ф.). Накипь дня (Сошлись и заспорили...) // Эхо. 1912. № 1013. 10 (23) апреля. С. 3.

ные формы выражения своего отношения к ним, например, архаичную (*помаваючи*) и стилизованную под архаичную (*потрясаючи, ругаючи*) лексику. С её помощью он с первых строк создаёт ощущение, что участники странного думского действия — персонажи из глубокой патриархальной старины, словно бы ожившие тени далёкого прошлого. И потому в современном языке фельетонист как будто не в состоянии подобрать слова, которыми можно было бы описать этих замшелых субъектов: у них не бороды, а *брады*, руками они не размахивают, а *помавают*... Казалось бы, подобная лексическая архаика должна формировать образ благообразных, степенных старцев, однако этого не происходит, прежде всего потому, что обладатели патриархальных «брад» ведут себя совсем не благочинно — *ругательски ругаются*. И причина их ругани банальна: мукомолы пытаются обосновать взвинчивание ими цен на муку низким качеством зерна. По мнению же Чудакова, которое он неоднократно высказывал и в публицистике, и в сатирических стихах, благовещенские мукомолы, являвшиеся абсолютными монополистами на зерновом рынке Приамурья и граничащих с ним северных провинций Китая, обманывают, обирают и маньчжурских крестьян, вынуждая их задешево продавать зерно, и своих соотечественников, которым они предлагают муку по существенно завышенным ценам.

Начиная со второго абзаца, в фельетоне воспроизводится обобщённый, собирательный монолог мукомолов-гласных, отстаивающих свои корпоративные интересы. Не желая установления справедливой цены на произведённую ими муку, они, по обыкновению, хитрят, лукавят, вводя всех в заблуждение относительно качества маньчжурского зерна:

Оно, мол, и дешёвое, да качество грошовое, и сорное, и чёрное, вобще зернишко вздорное, зернишко барахольное, и сердце мукомольное печалит, мол, оно.

Дважды использованное в этом абзаце вводное слово «мол» — производное от разговорного «молвят» — помогает обнаружить «присутствие» повествователя (нарратора), передающего чужие слова. Обрамляющий высказывание мукомолов лексический маркер «мол» сигнализирует читателю, что это не чистая прямая речь персонажей, а её переложение, пересказ, пусть и стилистически, лексически максимально приближенный к оригиналу. Едва заметный лексико-повествовательный зазор между, условно говоря, остающимся «за кадром» оригиналом (беспримесной прямой речью) и его озвучиваемой в фельетоне копией (пересказом этой речи посредником) призван создать у читателей ощущение, что речи мукомолов нельзя доверять. Само существо-

вание этого зазора — один из способов выражения иронии. В финальной части абзаца («и сердце мукомольное печалит, мол, оно») вводное слово «мол» используется исключительно для того, чтобы читатель не принял слова мукомолов за правду, чтобы он ощутил ироническую интонацию нарратора, обнажающего с её помощью неискренность тех, кто жалуется на качество маньчжурского зерна. Дважды повторённое уничижительное именование мукомолами этого зерна, за счёт которого они обогащаются, «зернишком» лишь усиливает эффект.

В следующем абзаце ироническая «подсветка» монолога гласных-мукомолов становится ещё более ощутимой, хотя здесь, в отличие от предыдущей «строфы», нет вводных и тому подобных слов, свидетельствующих о зримом присутствии посредника, транслирующего речь купцов:

Вот, брешут: цены вздулися! Ума ли вы рехнулись? Какие, к чёрту, вздутые: вишь, ходим необутые, в несчастных старых катанках, ободранные, в латанках, в рукав сморкаем носики, рукой скребём волосики — не гласный, а «рестант».

По форме — это как будто бы прямая речь, по крайней мере, в начале абзаца: тут и характерные для малообразованной части благовещенских купцов просторечные (*вздулися, вишь, катанки, рестант*) и грубо-просторечные (*брешут, рехнулись, к чёрту*) слова, и обилие риторических фигур, прежде всего риторических вопросов, и характерные разговорные интонации. С другой стороны, абзац буквально пронизан иронией, а это может свидетельствовать лишь об одном — о незримом присутствии иронически настроенного автора.

Как известно, главным отличительным признаком иронии является «двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый»⁹. Монолог думских купцов-мукомолов в «Накипи дня» как раз и является типичным примером применения иронии. Внешне он представляет собой как будто бы адекватно передаваемую речевую, повествовательную проекцию весьма специфического сознания купцов-мукомолов, но при этом содержит сильный иронический пафос, на нарративном уровне выявляющий вполне определённое (негативное) отношение автора к персонажам.

Имплицитный, то есть скрытый, прямо не проявляющий себя автор в формальном отношении как будто бы близок персонажам фельетона, «подыгрывает» им, в определённом смысле чуть ли не «рас-

⁹ Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 109.

творяется» в них, но в то же время между ним и купцами-мукомолами выстраивается вполне ощутимая нарративная дистанция, со стороны автора имеющая насмешливый характер. В качестве примера можно привести финал процитированного выше абзаца: «...ходим необутые, в несчастных старых катанках, ободранные, в латанках, в рукав сморкаем носики, рукой скребём волосики — не гласный, а “рестант”». В этих жалобах купцов-мукомолов проглядывает авторская издёвка, именно по этой причине читатели вряд ли испытывают сочувствие к жалобщикам, якобы из-за беспросветной бедности (на деле — по причине скупости) не имеющим ни гребней, ни носовых платков, ни приличной одежды и обуви, а потому вынужденных сморкаться «в рукав», даже на думские заседания приходить в латаной одежке и простонародных «катанках» (валенках). Слова «носики» и «волосики» тоже возможны в данном контексте лишь при условии, что вместо купцов-мукомолов их речевую «партию» исполняет иронически настроенный автор.

Как уже отмечалось, «ироническое высказывание есть притворное приятие чужого пафоса, а на деле его дискредитация как ложного»¹⁰. В процитированных «строфах» имплицитный автор во многих отношениях совпадает со своими персонажами: вместе с ними «ругательски ругает» маньчжурское зерно, жалуется на горемычную долю, внешне как будто бы разделяет их реакцию на требование снизить цены на муку. Однако при этом у читателя не может не возникнуть ощущение существования иронической дистанции между автором и персонажами. Идеино-эмоциональный пафос фельетона состоит в насмешливо-ироническом, временами откровенно издевательском отношении автора к гласным-мукомолам.

Ещё более очевиден иронический пафос тогда, когда автор почти открыто отстраняется от персонажей и допускает откровенно издевательский комментарий. Подобное комментирование *от автора*, в частности, присутствует в следующем абзаце фельетона:

Одно лишь только радостно, едино только сладостно: горою чрево пучится, того гляди научится летать, как ероплант.

Фрагмент этот — чистейшая ироническая стилизация, искуснейшая подделка под стиль персонажей. Субъектом повествования здесь выступают всё те же купцы-мукомолы, но субъектом сознания является откровенно смеющийся над ними автор. В лексическом, стилевом

¹⁰ Тюпа В.И. *Художественность // Введение в литературоведение: основные понятия и термины* / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 1999. С. 480.

отношении он абсолютно совпадает со своими персонажами, достоверно имитирует их речь, искусно маскируется под них, но в содержательном отношении полностью вытесняет купцов-мукомолов из как будто бы их собственного монолога и наполняет его своими язвительными насмешками. Огромные «чрева» у жалующихся на бедность гласных — хоть и незамысловатый, но весьма убедительный «аргумент», с помощью которого автор ставит под сомнение «бедность» мукомолов. Именно автор «заставляет» своих персонажей «радоваться» наличию у них вспученных чрев, именно он насмешливо сравнивает их с готовым взлететь аэропланом (*ероплантом*).

По словам В. Тюпы, иронический модус художественности состоит в радикальном размежевании *я-для-себя* от *я-для-другого* (в чём, собственно говоря, и состоит притворство). Подобное размежевание очень характерно для стиля Ф. Чудакова-фельетониста.

Ирония «отчуждает» автора от его героев, устанавливает между ними не только нарративную (повествовательную), но и идейно-эмоциональную, аксиологическую дистанцию. Читатель ощущает зазор между тем, что автор на самом деле думает о гласных-мукомолах «для себя», и тем, что он притворно декларирует «для других» — в унисон с речью персонажей. Жалобы на крайнюю бедность создают обратный эффект — становятся средством выражения авторской насмешки над прикидывающимися нищими купцами-богатеями.

Авторская ирония ощущается и далее — в абзаце, в котором гласные-мукомолы высказывают лицемерную заботу об «убогих... потребителях», ради благополучия которых они якобы и стараются, ради которых и торгуют мукой чуть ли не в убыток себе:

Мы б с нашим удовольствием, да как же с продовольствием убогих сельских жителей и прочих потребителей? Без нас они, убогие, узнают беды многие и по миру пойдут.

Расхождение авторских *я-для-себя* и *я-для-другого* заметно и в предпоследней строфе, в которой купцы-мукомолы не только издевательски называют «умеренной» свою грабительскую процентную накрутку, но и заодно горделиво признают факт жульнического «сдабривания» муки мякиною:

Процент берём умеренный: на каждый пуд отмеренный и сдобренный мякиною, рублёвочка с полтиною, подумаешь — процент!

Постепенно наращивая «удельный вес» авторского *я-для-себя*, в финале фельетона *Язва* «заставляет» незадачливых гласных-мукомо-

лов апеллировать к поддержавшему их при голосовании поэту Фёдору Коротаеву — тому самому, с которым Ф. Чудаков остро полемизировал ещё в 1910–1911 годах¹¹:

Поди-ка, оправдай его (речь о грабительском проценте. — А.У.)!
Вот Федю Коротаева спросите: он досужливый, на песенки потужливый, начнёт стихом орудовать — поймёшь в один момент...

То, что как будто бы призвано «художественно», «поэтически» подкрепить правоту мукомолов, на деле становится ещё одним разоблачительным аргументом — разоблачительным и для гласных-мукомолов, и для их «подпевалы» Ф. Коротаева. Последнего союзником купцов-мукомолов делает сословная солидарность: как известно, Фёдор Филиппович Коротаев был не только поэтом, но и, по основному роду деятельности, преуспевающим купцом. Автор фельетона использует сам факт солидарного голосования *на песенки потужливого «Феди»* не только ради дискредитации интеллектуально недалёких гласных-мукомолов, но и ради того, чтобы лишний раз в смешном, глупом виде выставить творчество и общественное поведение поэта-купца Ф. Коротаева:

О, мука-мучица!
Милая мука!
Съесть тебя стремится
Ротик бедняка!
Как же мне обидно,
Ротик, за тебя!
Как тебе не стыдно
Мучку истреблять?!
Хочет ротик мучку
Спрятать в душный плен...
Подымаю ручку
За... поднятые цен.

Стихи эти представляют собой язвительную и в то же время весьма меткую пародию на невзыскательные в художественном отношении и морализаторские по господствующему пафосу вирши Ф. Коротаева.

¹¹ См. фельетоны Чудакова «Типы избирателей» (Колючки. № 8. 1910) и «В кри-вом зеркале» (часть II «Квартет с приключением») (Амурский край. 1910. № 47), а также статью об этой полемике: *Урманов А.В.* История о том, как поссорился Фёдор Иванович с Фёдором Филипповичем: об одной характерной особенности литературной жизни Приамурья начала XX века (Амур: литературный альманах БГПУ. № 15. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. С. 71–75). Или же одноимённый раздел данной книги.

Ещё об одном «арендованном» амурскими мукомолами гласном Благовещенской городской думы Ф. Чудаков рассказал три года спустя в фельетоне «Слово о зерне», опубликованном в 455-м номере «Амурского эха» за 1916-й.

Речь в нём идёт об очередной попытке купцов-мукомолов взвинтить и без того высокие цены, на этот раз в ещё более сложный для России период — в разгар Первой мировой войны, незадолго до Февральской революции.

В начальной части фельетона, стилизованной под «песню», автор задаёт «ядовитые, словно осы», «вечные» вопросы о пшеничном зерне: «Почто людей страшит?»; «Почто растёт оно в цене?» «В ста сорока пяти комиссиях», в том числе думских, «на них ответа не нашли». Точнее, не находили, пока, наконец, за дело не взялись два неподкупных человека:

Почему, что день — надбавка?

Наконец, ответ прямой

Получили двое: Каффка

И инспектор податной¹².

Личность одного из этих двоих, а именно безымянного податного инспектора, установить сейчас непросто, а вот второй, названный автором по фамилии, известен. Это Сергей Петрович Каффка — в 1915–1917 гг. начальник Амурского переселенческого управления, с 1910-го по 1916-й — гласный городской думы Благовещенска.

Каффка упоминается ещё в одном фельетоне Ф. Чудакова — «Собачья жизнь», который вышел в «Амурском эхе» двумя неделями ранее «Слова о зерне». Там его «облаивает» поседевший от старости, изрядно потрепанный судьбой злобный пёс Матюкан, в котором без труда угадывается редактор «Благовещенского утра», скандально известный журналист Александр Матюшенский, печатавшийся чаще всего под псевдонимом *Седой*. Матюшенский в той или иной связи фигурирует в целом ряде фельетонов Чудакова: «Подлые времена» (Эхо. 1911. № 820), «Накипь дня (Но позвольте: если этак рассуждать...» (Эхо. 1911. № 904), «Иванова ночь» (Эхо. 1914. Прибавление к № 1638) и др. В газете Матюшенского С.П. Каффка не раз подвергался оскорбительным нападкам, это и нашло аллегорическое отражение в фельетоне «Собачья жизнь»:

Вдруг, вскочив, как от удавки, / Подымает кверху нос: / Это ветер
запах Каффки / Вдруг нанёс. / Ощетинится, встряхнётся / Пёс, озлит-
ся через край, / И немедленно польётся / Хриплый лай: / «Ты — ав-

¹² Гусляр (Чудаков Ф.). Слово о зерне // Амурское эхо. 1916. № 455. С. 3.

стриец! / Гам! Гам! Гам! / Кровопивец! / Я те дам! / Словно пташку
 / Задушу! / Дай-ка, в ляжку / Укушу! / Лезешь в чехи!? / Гам! Гам!
 Гам! / На орехи / Я те дам! / Лишь увижу / Наяву — / Рррасковрижу!
 / Рррразорррву!»¹³

Чудаков же, в отличие от Матюшенского, считал начальника Амурского переселенческого управления Сергея Каффку человеком достойным, честным, компетентным, способным (в данном случае совместно с безымянным податным инспектором) умерить аппетиты обнаглевших мучных монополистов и их думских прислужников:

Взявши коэффициенты
 Перемножив их подряд,
 Сразу вывели проценты
 И — представили доклад.
 И воочью все узрели,
 Что пшеничное зерно,
 Как и ждали, в самом деле
 Спекуляции полно¹⁴.

Обратим внимание на одну удивительную особенность этого фельетона, созданного в последний, поздний период творчества Ф. Чудакова: на то, что в нём выведены не только осмеиваемые автором персонажи, но и те, что вызывают у него явную симпатию. Очевидно, это объясняется переменами в мировоззрении автора, которые дали о себе знать уже в канун 1917 года, а наиболее явственно проявились в творчестве революционного и послереволюционного времени.

На заседании городской думы, о котором говорится в «Слове о зерне», гласные-мукомолы попытались опровергнуть расчёты и доводы Каффки. В фельетоне выведен один из тех, кто вступил с ним в ожесточённый спор:

Чтоб карман свой от изъянов
 По возможности сберечь,
 Произнёс «министр» Буянов
 Зажигательную речь.

Буяновых в канун революции в Благовещенске было немало, Чудаков в данном случае имеет в виду Владимира Евтеевича Буянова — купца

¹³ Соловей-Разбойник (Чудаков Ф.). Собачья жизнь // Амурское эхо. 1916. № 545. С. 5–6.

¹⁴ Здесь и далее: Гусяр (Чудаков Ф.). Слово о зерне // Амурское эхо. 1916. № 455. С. 3.

1-й гильдии, участника и распорядителя мукомольного товарищества «Братья Буяновы», владельца мельницы, трёх пароходов и пяти барж, председателя котировальной комиссии биржевого комитета, гласного городской думы (1910–1915). Это тот самый Буянов, который запечатлён Ф. Чудаковым несколькими годами ранее в фельетоне «Чемпион» (Эхо. 1913. № 1426). Но та давняя история нуждается в отдельном разговоре...

Как и в ситуации, описанной в фельетоне «Накипь дня (Сошлись и заспорили...)», о котором речь шла выше, здесь у купцов-мукомолов тоже нашлись «ярые» сторонники из числа «арендованных» ими гласных:

И в числе апологетов
Мукомольских «божьих» цен
Яро выступил Дулетов,
Наш амурский Демосфен.
И в защиту мукомолов
Он словес пустил поток,
И от пламенных глаголов
Загорелся потолок.

Острослову Дмитрию Васильевичу Дулетову (1871–1919), юристу, кандидату правоведения, общественному и политическому деятелю Приамурья первых двух десятилетий XX века, темпераментно поддержавшему купцов-мукомолов в их споре с С.П. Каффкой, Ф. Чудаков тремя годами ранее посвятил одну из частей эпиграммы «Пыль в глаза» (Эхо. 1913. Прибавление к № 1318). Фигурирует он и в фельетонах «В новой думе» (Эхо. 1910. № 448), «Улица» (Эхо. 1914. № 1545), «Блины с гарниром» (Зея. 1914. № 4). Впрочем, этот яркий персонаж амурской политической сцены предреволюционного десятилетия, как и упомянутый выше купец Буянов, тоже заслуживает отдельного разговора, поэтому сейчас ограничимся лишь фиксацией принадлежности данного гласного к категории тех, кто, по выражению Чудакова, был «арендован» амурскими толстосумами. Что, в представлении сатирика, равносильно категории лакеев, обслуживающих интересы нечистых на руку чиновников и вороватых купцов.

Однако в данной конкретной ситуации благовещенским мукомолам не помогли даже «пламенные глаголы» их красноречивого «адвоката» Дулетова:

Но — увы! Осилит Каффка!
Осрамился Демосфен!

И тотчас же вышла сбавка
С мукомольских «божьих» цен.
И пшеничное зерно
По нормальной ставке
В ясный вид приведено
Иждивеньем Каффки!

Правда, автор фельетона не питает иллюзий, что справедливость восторжествовала навсегда: финальные строчки «Слова о зерне» проникнуты скепсисом:

Но... на этом кончим «слово»,
Ибо, верю я вполне,
Через две недели снова
Петь придётся о зерне.

Прогноз Чудакова оказался верным: даже в начале 1918-го, когда от прежней городской думы и в целом от «старого мира» остались, как говорится, лишь рожки да ножки, он вновь вынужден был обратиться к, казалось бы, изрядно заезженной теме: фельетон «Почему мука стоит девять рублей», напечатанный в 1-м номере журнала «Дятел, беспартийный», стал одним из его прощальных произведений сатирического характера.

Рассмотренные фельетоны свидетельствуют о том, что на протяжении всего предреволюционного десятилетия деятельность органов общественного самоуправления Благовещенска была в центре внимания самого яркого сатирика Приамурья. Произведения эти, как правило, являются откликом на конкретные решения думы, на ставшие достоянием гласности поступки или заявления гласных. Сатирик не боится по именам называть оскандалившихся «депутатов», в смешном виде выставляет пренебрегающих общественным мнением деятелей, в том числе широко известных в городе, не щадит самолюбия и самого «лорд-мэра». Но при этом не делает это самоцелью, не замыкается на частностях. Напротив, через конкретные случаи он стремится высветить, заострить общие, социально, государственно значимые проблемы. Сверхзадача сатирика — не «обличение», не «высмеивание» как самоцель, а «оздоровление» общества, «излечение» его от разного рода «недугов». По этой причине главным приёмом сатирической типизации в стихотворных фельетонах Ф. Чудакова всегда остаётся ирония.

«...Свобода дороже любви!»

Драматическая сказка «Очарованный Леший»

ЛЮБОВНАЯ ЛОДКА РАЗБИЛАСЬ О БЫТ?..

Немного предыстории

Драматическая сказка в трёх картинах «Очарованный Леший» была опубликована в феврале-марте 1912 года в четырёх номерах выходившей в Благовещенске общественно-политической и литературной газеты «Эхо»¹. Судя по тому, что печаталась она без перерывов, номер за номером, к моменту начала публикации весьма объёмный стихотворный текст был уже полностью готов. «Очарованный Леший» — одно из самых совершенных несатирических произведений Чудакова, над ним автор, судя по всему, трудился без обычной спешки (объясняющейся предельно жёстким графиком работы провинциального журналиста-газетчика), тщательно оттачивая, шлифуя его. Время, которое ушло на создание сказки, явно выходило за пределы того сверхкороткого отрезка, в течение которого она печаталась — с 16 по 19 февраля (с 29 февраля по 3 марта по новому стилю). Поверить, что такое произведение могло быть создано всего за четыре дня, невозможно.

Как известно, Чудаков обычно писал очень быстро и сразу же, буквально «с колёс», отдавал написанное в печать. Это касается и объёмных произведений, которые публиковались по мере готовности глав: приключенческих повестей «Диана Кедровская» и «Дочь шамана», «лирико-сатирического» романа «Тайны Зеи», серии очерков «В “столицу” Приамурья!», охотничье-рыболовных баек о сплаве по Зее «Двое в лодке», поэмы «Ахинея» и многого другого.

«Очарованный Леший» в этом смысле произведение уникальное: автор уделял ему больше внимания и придавал гораздо большее значение, чем «оперативным» жанрам — очеркам, фельетонам, статьям и т.п. Об особом отношении писателя к сказке свидетельствует и тот факт, что он выпустил её в том же 1912 г. отдельным изданием². С этого

¹ Язва (Чудаков Ф.). Очарованный Леший: драматическая сказка // Эхо. 1912. № 972. 16 (29) февраля. С. 2; № 973. 17 февраля (1 марта). С. 2; № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2; № 975. 19 февраля (3 марта). С. 2.

² Язва (Чудаков Ф.). Очарованный Леший: драматическая сказка. Благовещенск, 1912. 24 с.

момента и вплоть до трагической гибели в 1918-м Чудаков не издал более ни одного своего произведения отдельной книжкой. Только незадолго до смерти поделился планами выпустить библиотечку лучших произведений амурских авторов, в том числе две собственные книги: повесть «Диана Кедровская» и сборник «Легенды и сказки». Во вторую, очевидно, вошёл бы и «Очарованный Леший».

К моменту публикации драматической сказки уроженец города Чембара Пензенской губернии Чудаков жил на Амуре (под гласным надзором полиции) чуть более трёх лет, успев в первой половине 1909 г. отсидеть шесть месяцев в политическом отделении Благовещенской тюрьмы — за побег из енисейской ссылки. После освобождения за сравнительно короткий срок он превратился в одного из ведущих сотрудников газеты «Эхо», стал секретарём её редакции, то есть одним из тех, кто определял редакционную политику, оказывал влияние на направление самой авторитетной на тот момент газеты Приамурья. Но главное, он заслужил признание в творческой среде и имел успех у амурских читателей.

Незадолго до публикации «Очарованного Лешего», 1 (14) января 1912 года, в «Эхе» было напечатано стихотворное послание «Друзьям» с подзаголовком «Новогодние пожелания» и за подписью (под псевдонимом) *Зейнаб*. Стихи *Зейнаб*, весьма посредственной амурской поэтессы, изредка появлялись в газете и раньше, печатались они и позже. «Друзья», к которым обращается автор «Новогодних пожеланий», — ведущие сотрудники «Эха», в том числе *Язва* (этим псевдонимом Чудаков подписывал не только фельетоны, но и некоторые лирические, прозаические и драматические произведения, в том числе и сказку «Очарованный Леший»). Ему *Зейнаб* адресует самые лестные строчки своего послания, свидетельствующие, что уже тогда к Ф. Чудакову-литератору в Благовещенске относились с безусловным уважением.

Вот фрагмент новогодних пожеланий *Зейнаб*, адресованный сатирику:

Перед тобою, *Язва*, я теряюсь,
 Что пожелать тебе — невольно затрудняюсь:
 Природа-мать тебя всем наделила
 И даже Максом³, верным другом, наградила.

³ *Макс* (*Максим*, *Максимка*) — любимая собака Ф.И. Чудакова, фигурировавшая в ряде его произведений. Застрелена хозяином в ночь самоубийства — с 12 на 13 марта (по новому стилю) 1918 года.

Ты — рыболов, прозаик и поэт,
И даже... даже сердцеед.
Недостаёт, чтоб ты играл allegro на тромбоне
И, будучи на Будунде ⁴, купался в изумрудной Роне ⁵...

Обращает на себя внимание, что Зейнаб, перечисляя то, чем обладает сатирик, не упоминает о его жене Варваре (не знает о её существовании?), но зато проявляет осведомлённость о собаке — Максe (Максимке), о любимом месте рыбалки — Будунде. Самое же поразительное, Зейнаб печатно именуется его, человека семейного, женатого (в редакции «Эха» не могли не знать о том, что 10 мая 1910 года он обвенчался с Варварой Протопоповой), *сердцеедом*. Впрочем, и сам Чудаков, не раз упоминавший Макса в своих произведениях и даже делавший его главным героем ряда фельетонов и рассказов ⁶, ни о жене, ни о родившейся 20 сентября 1911 года, уже после публикации «Очарованного Лешего», дочери, похоже, не писал, имён их в своих произведениях не называл. Более того, время от времени печатал стихи, фельетоны, в которых, словно дразня жену, старался подтвердить репутацию «сердцееда» — человека, не только засматривавшегося на хорошеньких женщин, пользовавшегося у них успехом, но и не упускавшего счастливого случая. Вот только два из них, написанные в первой половине того же года. Первое, «У окна», имеющее подзаголовок «Роман сотрудника», создано в марте, вскоре после публикации «Очарованного Лешего»:

Тупые, скрипучие ножницы
Вонзал я в кадетскую «Речь» ⁷,

⁴ Будунда (с 1972 года — Ивановка) — небольшая (176 км) река в Амурской области, левый приток Зеи, впадает в неё в районе с. Усть-Ивановка, немного выше Благовещенска, на противоположном берегу.

⁵ Рона — одна из великих рек Франции.

⁶ См.: Гуслер (Чудаков Ф.). Левое засилье // Эхо. 1911. 6 (19) апреля. № 729. С. 3; Гуслер (Чудаков Ф.) Максимки дневник // Эхо. 1912. № 1007. 1 (14) апреля. С. 3; Босяк. Максимка // Эхо. 1913. № 1301. 12 (25) апреля. С. 3.

⁷ «Речь» (1906–1917) — ежедневная газета либерального направления, центральный орган партии кадетов. В обязанности Чудакова — секретаря редакции «Эха», входило, в том числе, составление хроники российских и международных событий, материал для которой он черпал в центральных периодических изданиях. Публикации в «Речи» часто становились и поводом для фельетонных «шпилек» Чудакова, являвшегося непримиримым идейным противником «партии народной свободы». Не случайно автобиографический персонаж не просто делает вырезки из кадетской газеты, а с чувством «вонзает» в неё ножницы.

И шли две железнодорожницы
С густыми кудрями до плеч.
Смотрел. Притаился за шторами,
Глядел и вздыхал тяжело.
Под острыми, жадными взорами,
Как воск, растопилось стекло.
Увидели. Полные прелести
Улыбки цвели на устах...
Упала газета, и в шелесте
Мне слышалось тихое: «Ах!»
«Ах! Нужны ли сердцу “Известия”,
И Венгрия ль сердцу нужна?»
И был головой в Будапеште я,
А сердцем я был у окна.
Прошли. Оглянулись. Безбожницы!
Смеются! О, сотня чертей!
Глаза! Почему вы — не ножницы,
А пылкое сердце — не клей? ⁸

При всей своей дурашливо-игривой тональности, при всей демонстративной ироничности авторского дискурса стихотворный текст этот вряд ли воспринимался современниками Чудакова, особенно его близкими, как произведение об условном персонаже и такой же условной житейской ситуации. В «лирическом герое», бросающем на проходящих мимо здания редакции ⁹ кудрявых прелестниц такие «острые и жадные взоры», от которых едва не плавится оконное стекло, читатели, и уж тем более сотрудники «Эха», наверняка видели не какого-то абстрактного обывателя-женолюба, а самого автора. Да, собственно, он и не пытается маскировать своё сходство (или даже тождество) с персонажем, скорее наоборот: рассказ ведёт от первого лица; лирический герой, как и сам он — сотрудник газеты.

Судя по этому тексту, поведение персонажа (обладающего, как отмечалось выше, несомненным сходством с автором) определяется

---

⁸ Язва (Чудаков Ф.). У окна. Роман сотрудника // Эхо. 1912. № 1005. 30 марта (12 апреля). С. 3.

⁹ В 1912 г. редакция газеты «Эхо» находилась на улице Большой (ныне Ленина, 181) между Графской (Калинина) и Никольской (Комсомольской), напротив почты, в двухэтажном здании, владельцем которого была Татьяна Дмитриевна Нино, жена французского подданного, благовещенского купца Евгения Нино.

воздействием двух импульсов — эмоционального и рационального. А они не всегда совпадают, не всегда имеют одинаковый вектор, что чревато конфликтами *сердца* (чувств) и *головы* (рассудка). Воссоздаваемая в произведении сюжетная ситуация наглядно показывает: когда импульсы эти имеют разную направленность, верх берёт сердечное влечение, а отнюдь не трезвый рассудок: «Ах! Нужны ли сердцу “Известия”?..»; «...был головой в Будапеште я, / А сердцем я был у окна». Профессиональные обязанности, гражданский долг, партийная дисциплина — всё это не может соперничать с сильным чувственным порывом, теснится им.

Не менее личным и автобиографичным выглядит второе стихотворение — «Нельзя?», созданное в июне, во время продолжительной поездки (плаванья) Чудакова по Зее (эта творческая командировка нашла отражение во множестве его произведений разных жанров: лирических стихах, фельетонах, очерках, лирико-сатирическом романе «Тайны Зеи»). Хотя в самом стихотворении слово «нельзя» во всех четырёх случаях сопровождается восклицательным знаком, в заглавии автор заменяет его вопросительным: «Нельзя?» В таком виде слово воспринимается не как отказ, категоричный запрет, а как имеющее оттенок фривольности разрешение — по пословице: «Если нельзя, но очень хочется, то можно». Подзаголовок — «*Может быть, с натуры*» — не только закрепляет и даже усиливает этот легко угадываемый смысл, но и содержит прозрачный намёк, что автор рассказывает о подлинном случае, который к тому же произошёл не с кем-то другим, а с ним самим. Возникает ощущение, что и здесь Чудаков словно кого-то провоцирует — возможно, намеренно будит чувство ревности. Или, может быть, хочет причинить боль близкому человеку, дать понять ему, что характер их отношений его не устраивает, и это вынуждает автора совершать сомнительные поступки или, как минимум, не исключать их для себя «в теории». Итак, вот полный текст этого произведения:

Он стоял, навалившись на борт,
С ликом сладким, как яблочный торт.
На скамейке сидела она,
А на небе дремала луна.
Глаз с соседки не в силах отвести,
Он сказал: «Разрешите присесть?»
Но, очами по Зее скользя,
Она отвечала: «Нельзя!»

— Да, — сказал он, садясь, и вздохнул. —
 Этот шум мелодичный и гул
 Навевает святые мечты.
 Сердце жаждет любви... красоты...
 Да... и хочется верить... страдать...
 Ваше имя позвольте узнать? —
 И ответила, ногти грызя:
 «Имя? Нина... А впрочем — нельзя!»

— Да, — сказал он. — Густеет туман...
 Вот на вахту прошёл капитан...
 Нина, знаете, жизнь коротка,
 Жизнь мгновенна, как запах цветка.
 Только в юности можно мечтать...
 Разрешите... вас... по... це... ловать? —
 И лукаво, мизинцем грозя,
 Она отвечала: «Нельзя!»

— Да, — сказал он, целуя её. —
 Жизнь мгновенна. И то, что моё,
 Завтра будет далёким, чужим,
 Как туман, как растаявший дым...
 Скоро полночь... Сгущается мрак.
 Бррр!.. Какой неприятный сквозняк!
 Не пойти ли в каюту? С реки
 Дышат вредною влагой пески! —
 И, поднявшись и рядом скользя,
 Она улыбнулась: «Нельзя!»¹⁰

И хотя на этот раз романтическая история преподносится читателям не от первого, а от третьего лица, тем не менее, «он» — пассажир парохода, настойчиво добивающийся благосклонности своей попутчицы, убеждающий её, что «жизнь мгновенна, как запах цветка», а потому нужно довериться сердцу, которое «жаждет любви», разительно походит на Фёдора Чудакова — признанного «сердцееда» и талантливого лирика. Герой стихотворения ухаживает за случайной знакомой не как заурядный ловелас, банальный волокита, а как поэт, обаятельный, владеющий арсеналом впечатляющих поэ-

¹⁰ Язва (Чудаков Ф.). Нельзя? Может быть, с натуры // Эхо. 1912. № 1082. 5 (18) июля. С. 3.

тических образов и нетривиальных доводов, позволяющих ему затронуть чувствительные струны души юной особы, очаровать её, пробудить в ней желание откликнуться на порыв столь утончённого обольстителя.

Приведённые стихи, содержательно связанные с «Очарованным Лешим» (подробный разговор о котором впереди), дают основание взглянуть на драматическую сказку как на произведение, имеющее по преимуществу «личный», «интимный» характер.

Если абстрагироваться от исторического контекста эпохи, от бурных социально-политических процессов, в которые был вовлечён писатель, если не принимать во внимание острую идейную борьбу, активным участником которой был Чудаков (оснований для этого достаточно — ничего из того, что перечислено выше, не показано ни в упомянутых стихах, ни в сказке), и рассматривать «Очарованного Лешего» и содержательно связанные с ним стихи в биографическом аспекте, то в этом случае неизбежен вывод: они, эти произведения, психологически точно отразили подлинную семейно-бытовую ситуацию, в которой автор оказался в начале 1910-х годов.

В этой связи нелишним будет напомнить, что в 1908-м, проживая в небольшой заимке где-то под Красноярском, он увлёкся Варварой Протопоповой — гражданской женой Дмитрия Чернышёва. Вместе с ними спланировал и совершил побег из енисейской ссылки в Благовещенск, а после самоубийства товарища осенью того же года связал свою судьбу с этой женщиной. Судя по всему, «очарование»

ВЪ № 797 ГД

С в ъ т л я к ъ .

(Ей.)

Вы помните: угрюмый полумракъ...
Высокій берегъ... дремлющія воды...
Уснувшіе на рейдѣ пароходы...
И тишина... и сонно рдѣль маякъ...

***

Молчали мы. А вдалекѣ рыбакъ,
Задумчивый и вѣрный жрецъ при-
роды,
О чемъ-то пѣлъ... И вдругъ, средь
непогоды,
У вашихъ ногъ, какъ лучъ, блеснулъ
свѣтлякъ.

***

Красивый символъ: занавѣсь мол-
чанья
Таилъ отъ насъ отраву свѣтлыхъ
грезъ,
И вотъ — родилось яркое сіянье,
Родился свѣтъ и тайну намъ при-
несъ.

***

Вы помните: надъ нами ночь вистѣла,
И тишина беззвучно что-то пѣла.
Федоръ Ч.

ИѢСТВАЯ ХРОНИКА

— Поѣздка премьеръ министра на Дальній Востокъ, по словамъ газетъ, временно отложена.

— Приамурское Горное Управление. Приамурскимъ генераль-губернато-

Газета «Эхо» (1911.

Прибавление к № 797).

Стихотворение Фёдора Ч.

(Чудакова) «Светлякъ»

Варварой не было продолжительным: похоже, Чудаков весьма скоро осознал, что не испытывает к жене сильного чувства. Или, возможно, тусклая повседневность, будничная семейная жизнь, бытовая неустроенность, материальные трудности погасили или существенно снизили прежний накал чувств, изменив характер отношений. В результате Чудаков оказался лишён важнейшего для него жизненного и творческого стимула — страстной, пьянящей, романтически-возвышенной любви. А это, разумеется, не могло не сказаться на его самочувствии — психологическом и творческом, на тематике и тональности произведений.

Поразительно, но факт: за исключением сборника «Пережитое», созданного в 1908–1909 гг.¹¹, у Чудакова нет ни одного лирического произведения, в котором он прямо или опосредованно говорит о любви к своей жене, где бы отразились их чувства и взаимоотношения. Зато у него немало стихов о любви, обращённых к другим женщинам: «Светляк»¹² — с загадочным посвящением: «Ей», «Из всех имён на свете...»¹³ — выражение романтических чувств, направленных на обладательницу имени Кэти, «Нечто типографское»¹⁴ — с посвящением «...той, которая набирала», «Серенада»¹⁵ и т.д.

Именно в 1911–1912 гг. — в период наметившегося семейного охлаждения или даже, возможно, разлада — у Чудакова начинают появляться произведения, в которых отразились острые переживания лирического героя, жаждущего «знойной страсти», мечтающего о сильном взаимном чувстве, но в то же время отдающего себе отчёт, что счастье утеряно, осталось в прошлом. Самое показательное в этом смысле произведение — записанное в строчку стихотворение «Лирический баритон», напечатанное в декабре 1911 года — то есть незадолго до публикации всё того же «Очарованного Лешего»:

Часто, полночью глубокой, утомлённый, одинокий, о далёкой, черноокой, о тебе, чей взор наивный и призывный чаровал меня, лаская, обжигая, — я скорблю...

---

¹¹ *Босяк (Чудаков Ф.)*. Пережитое: стихи. Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.

¹² *Фёдор Ч. (Чудаков Ф.)* Светляк // Эхо. 1911. Прибавление к № 797. 3 июля. С. 1.

¹³ *Фёдор Ч. (Чудаков Ф.)*. Из всех имён на свете... // Эхо. 1911. № 830. 13 августа. С. 2.

¹⁴ *Язва (Чудаков Ф.)*. Нечто типографское // Эхо. 1912. Прибавление к № 1024. 22 апреля (5 мая). С. 2.

¹⁵ *Гусляр (Чудаков Ф.)*. Серенада // Эхо. 1911. № 871. 8 (21) октября. С. 3.

Где ты? Спеты те дуэты, что, ночной фатой одеты, мы певали в тёмной дали над обрывом молчаливым... Песни спеты... И ко мне ты не прильнёшь с весёлым смехом... Горным эхом не промчится вереница светлых слов: «Люблю! Люблю!!»

Я один... Сомненье мучит... Парка¹⁶ нитку жизни сучит... Кот мяучит... Зенки пучит со стены портрет старинный... Ночью длинной я измаян и, как Каин, как беспаспортный скиталец, ко лбу палец подымаю, опускаю, долю горькую ругаю, всё клянущу, взбешён и пылок, и затылок свой скоблю.

По тебе я, фея, млея, и не смея посильнее закричать от знойной страсти, лишь отчасти на полпасти рот просторный, красно-чёрный открываю и взываю: «О, богиня, вспомни ныне, как когда-то над обрывом молчаливым пели, мир весь позабыв, мы... Погляди на эти рифмы и... скажи: “Иди к чертям!”»¹⁷

«Лирический баритон» — страстная ночная мольба, мысленно обращённая к той, объятия и ласки которой когда-то заставляли героя забыть обо всём на свете. В этом лирическом молении выплёскиваются и ностальгические воспоминания о былом счастье, и горькие разочарования сегодняшнего дня, и робкие надежды на то, что всё ещё можно вернуть, и самоирония, и трезвое осознание того, что в одну реку дважды войти не удастся.

Двумя днями раньше в газете «Эхо» было напечатано ещё одно родственное по настроению и смыслу произведение — «Знахарь». Оно состоит из двух частей: первая — ироническая, с юмором повествующая о незадачливом и наивном деревенском знахаре Козодое, который, откликаясь на просьбу лукавого и любвеобильного соседа, с помощью колдовства, сам того не понимая, привораживает к нему свою собственную молодую жену. Этот сюжет понадобился автору как повод для того, чтобы во второй части, оттолкнувшись от него, перевести разговор в другую тональность — серьёзную — и в иную плоскость — о самом себе:

Так и я: однажды Счастье
Забрело ко мне: «Стук-стук!»

¹⁶ Парка — судьба (в образах античной мифологии); от собственного имени римской богини судьбы Парса или общего названия парсае — трёх богинь судьбы, которые начинали прясть, пряли и перерезали «нить жизни»; то же, что греч. *мойры* и *Мойра*.

¹⁷ Язва (Чудаков Ф.). Лирический баритон // Эхо. 1911. № 922. 10 (23) декабря. С. 3.

Вот пришло к тебе припасть я,
Отворяй, любезный друг!!»

Я раскрыл свои объятия

И... остался глух и нем:

«Счастье, — начал рассуждать я. —

Как? Откуда? И зачем?

Счастья тщетно добивались

Все — и мне такая честь?

Нужно тщательный анализ

Неотложно произвести!!»

И пока я аксиому

Разрешил (не без труда),

Счастье стукнулось к другому

И исчезло... навсегда!..¹⁸

В этом тексте ощутима явственная переключка с ироническим стихотворением «У окна», лирический герой которого не в силах примирить собственные чувства (сердце) с рассудком (головой). А здесь лирический субъект осознаёт, что упустил своё счастье, отказавшись довериться чувству, не захотев пойти ему навстречу, подчинив свою жизнь доводам разума.

Можно добавить, что в данный период творчества Ф. Чудаков часто обращается к своему прошлому: в частности, пишет автобиографическую прозу, в которой с ностальгией вспоминает прежние свои увлечения — подростковые, юношеские влюблённости. Таковы, например, автобиографические рассказы конца 1911 года «Мой роман»¹⁹ и «Плен»²⁰.

Изложенные выше обстоятельства позволяют выдвинуть предположение, что драматическая сказка Фёдора Чудакова «Очарованный Леший» — своеобразная поэтическая рефлексия, аллегорически отражающая перемены в его собственной семейной жизни.

Справедливо ли такое прочтение сказки, правомерно ли именно к этому сводить её смысл? Найти ответ на данный вопрос невозможно без обращения к самому произведению.

¹⁸ Язва (Чудаков Ф.). Знахарь // Эхо. 1911. № 920. 8 (21) декабря. С. 3.

¹⁹ Босяк (Чудаков Ф.). Мой роман // Эхо. 1911. № 878. 16 (29) октября. С. 2.

²⁰ Босяк (Чудаков Ф.). Плен. Улыбка прошлого // Эхо. 1911. № 934. 24 декабря (6 января). С. 5.

О, ЛЮБОВЬ!.. ТЫ ДОРОЖЕ ВЕСНЫ И СВОБОДЫ?..

Магия очарования и её преодоление

С точки зрения собственно художественной, «Очарованный Леший» интересен, прежде всего, разработкой фольклорных мотивов. Некоторые из персонажей словно перекочевали в произведение Чудакова из русских народных сказок: думающие лишь о том, как набить брюхо, вечно голодные волки, плутовка и насмешница лиса, добродушный увалень и тугодум медведь. Мало того, автор использует известный фольклорный сюжет — о глупом волке, который по совету коварной лисы ловит рыбу в проруби на собственный хвост. В произведении Чудакова, правда, эту историю рассказывает сам пострадавший — волк по прозвищу *Идиот*:

Идиот. Да, вишь, ты, вышло всё случайно.

Бегу я, значит, глядь — кума

Лисичка кушает налима.

Я сдуру пробежал бы мимо,

Да уж она меня сама:

«Эй, Идиот! — кричит, — послушай!

Вот пёрышко налимые скушай!»

Я говорю: «А где взяла?»

Она: «На уду добыла».

«А как?»

А кумушка с улыбкой:

«Да, — говорит, — тут способ прост:

Ты опусти, мол, в прорубь хвост,

Ишь, у тебя какой он гибкий,

И жди, когда начнёт клевать.

А клюнет — надо не зевать:

Тащи скорей, а то сорвётся.

Ну, вот и всё!» — сама смеётся.

Ну, я сейчас на прорубь шасть,

Хвост в воду и, сомкнувши пасть,

Сижу и ужу. Клёва нету.

Ну, просидел я до рассвету,

Гляжу — пора б и удирать.

Рванул хвостом — не тут-то было:

Такая рыба привалила,

Что, право слово, не поднять.

Уж я и так и сяк старался...

Ан, глядь, народ кругом собрался,

Поднялся хохот, шум, галдёж.

Мне стало прямо невтерпёж,

Рванусь, а рыба не пускает!

Карнаухий. Должно, сазан?

Идиот. Да чёрт их знает:

Сазан, налим, а может, сом...

Ну, я орудую хвостом,

А стервы-бабы обступили

Да так взлупили, так взлупили,

Что не забудешь во сто лет!

Живого места в теле нет.

Вишь, лоскуты-то как повисли!

Вишь, тут дыра, вот видно кость!

В проклятом бабьем коромысле

Торчал полуаршинный гвоздь,

Ну, изодрал, конечно, в клочья.

Не думал ног уж уволочь я,

Но всё же задал лататá,

Оставив рыбе полхвоста ²¹.

Но на этом фольклорная стилизация обрывается: волк Идиот, прежде отличавшийся от своих алчных и циничных товарищей по стае лишь предельной наивностью и такой же непомерной глупостью, неожиданно поворачивается к читателям (или зрителям) совершенно неожиданной и абсолютно не фольклорной стороной. Оказывается, он воспринимает мир не как голодный хищник — то есть пустым брюхом, а как романтик, для которого самое важное — красота, в данном случае женская. Увидевший Русалку волк превращается в «очарованного волка», то есть, по сути, в полную противоположность своим товарищей.

Вот этот диалог — между, с одной стороны, двумя первыми волками — *Дедом* и *Карнаухим* (далее для краткости, как и у Чудакова — *Карн.*), сугубыми материалистами, отъявленными циниками и прагматиками, и, с другой, волком Идиотом, *идеалистом, романтиком, поэтом*:

Дед. Ха-ха-ха-ха! Вот это штука!

Почти весь хвост отгрызла щука.

Карн. Ой, детко бедное моё!

Идиот. А всё же я видал её!

Дед. Кого, дурак? Дубину?

Карн. Палку?

²¹ Эхо. 1912. № 972. 16 (29) февраля. С. 2.

Идиот. Да нет, её!

Карн. Кого?

Идиот. Русалку!

Её тело блестит, как снега на заре,

Когда ночь за моря улетела,

Как лесные снега на заре, в январе,

Так блестит её белое тело!

Дед. Всё это очень колоритно!

Карн. Прибавь: и очень аппетитно!

Идиот. Погляди в небеса: там миллионы огней!

Это — звёзды, светильники ночи.

Ярче звёздных огней, и ясней, и светлей

Её очи, прекрасные очи!

Дед. Избито, плоско и старо!

Карн. Совсем не радуется нутро!

Идиот. Её косы — на свете пышнее их нет!

Тяжело ей от чёрной их ноши!

Карн. (попадая в тон).

Её губы милы, словно заячий след,

Словно заячий след по пороше!

Идиот. Вся она — красота, красота без конца,

Лучший перл поднебесного мира!

Карн. Ну, короче, она — как живая овца,

Накопившая за зиму жира!

Дед. Чем чепуху в высоком стиле

Гнусавым голосом тянуть,

Вы лучше б Деда угостили

Дичинкою какой-нибудь!

Идиот. У вас о жратве лишь и мысли!

Карн. Постой, а там, на коромысле,

Ты много мяса потерял?

Идиот. Пойди, проведай!

Карн. Ах, нахал!

Да я тебе, пустой скотине...²²

И в этот самый момент, когда серые хищники уже готовы отобедать своим глупым товарищем, появляется главный персонаж драматической сказки — *Леший*, «юный царь тайги». В нём нет ни малейшего сходства с фольклорными «однофамильцами» — ни по возрасту, ни по внешности, ни по поступкам, ни по натуре. Скорее, он напоминает

²² Эхо. 1912. № 973. 17 февраля (1 марта). С. 2.

юного Фёдора Чудакова, чем фольклорного лешего. С одной стороны, Леший наделён тонкой и возвышенной натурой, умением замечать и ценить красоту природы. С другой, он силен, дерзок, отважен и более всего на свете ценит волю. Первая *песня* Лешего — гимн первозданной природной красоте и воле:

Вот светлеет купол синий,
 За горой встаёт заря.
 На ветвях колючий иней
 Ткёт узор из янтаря.
 Тишину в моих владеньях
 Скоро сменит жизни бег.
 Заблестит на старых пеньях
 Молодой пушистый снег.
 О, заря! В лесах моих ты
 Сумрак ночи размечи
 И одень седые пихты
 В ткани радужной парчи.
 Будут сосны в тихой дрёме
 Очарованно стоять,
 Тосковать о вешнем гrome
 И о бурях тосковать.
 С чувством слабости несродный,
 Я иду среди снегов,
 Вечно юный и свободный,
 Гордый царь седых лесов!²³

Подобные качества (вольнолюбие, дерзость, сила воли, умение ценить красоту дикой таёжной природы) были присущи и 24-летнему создателю «Очарованного Лешего». А ещё больше — Чудакову 20-летнему, образца 1908 года, то есть периода его енисейской ссылки. Этому этапу биографии он, в частности, посвятил приключенческую повесть «Диана Кедровская» (1917)²⁴, а также пьесу «Изгнанники» (1918)²⁵, в которой вывел себя под именем вольнолюбивого Бродяги.

В-третьих, и в этом его принципиальная новизна (в сравнении с автобиографическими персонажами «Дианы Кедровской» и «Изгнанни-

²³ Эхо. 1912. № 973. 17 февраля (1 марта). С. 2.

²⁴ Резниченко Кузьма (Чудаков Ф.). Диана Кедровская: приключенческая повесть // Амурское эхо. 1917. №№ 556–564, 566, 568–569, 571–572, 575, 577.

²⁵ Чудаков Ф. Изгнанники (Картины из жизни в ссылке). Благовещенск: Издание Дмитрия Чудакова, 1918. 83 с.

ков»), герой «Очарованного Лешего» способен на чувственные порывы огромной силы, на рискованные поступки, диктуемые не холодным разумом, а бурными эмоциональными всплесками. И главная, до поры дремлющая в нём эмоция — жажда любви. Ради любви он готов забыть то, что прежде казалось главной ценностью — волю, свободу.

Уже здесь, в первой картине обнаруживает себя центральный конфликт произведения — между *покоем* и *волей*, между чувством и долгом, между ценностями частной жизни и общественными идеалами. Конфликт этот разворачивается не во внешнем по отношению к главному герою пространстве, а во внутреннем — в его собственной душе. Именно внутренний мир «очарованного» Лешего становится ареной борьбы двух этих начал, именно герою в своём собственном сознании предстоит сделать решающий выбор, способный предопределить всю его дальнейшую судьбу. Перед таким выбором в начале 1910-х годов, судя по всему, оказался и автор произведения. Именно по этой причине Чудаков свой собственный жизненный опыт экстраполировал на сюжетную ситуацию драматической сказки, а личными переживаниями наделил главного персонажа.

Услышав восторженный рассказ Идиота о прекрасной Русалке, Леший начинает воспринимать прежнюю свою жизнь лишь как ожидание предначертанной встречи с нею, как то, что не имело никакого иного самостоятельного смысла. В прошлом теперь он видит лишь знаки судьбы, предвещавшие эту встречу:

Это о ней на таёжной опушке
 Ранней весной куковали кукушки!
 Это о ней на цветочной пыли
 Песни писали шмели!
 Помню — лишь только весенние зори
 Вспыхнут в привольном таёжном просторе, —
 Песня одна лишь повсюду слышна:
 «Это она! Это она!»
 Травы, деревья, и звери, и птицы —
 Все трепетали тоской о царице!
 Это она приходила ко мне
 В неясном весеннем моём полусне!..²⁶

Долго дремавшая в нём потребность в любви пробуждается и полностью овладевает им. Без остатка отдаться вспыхнувшему чувству,

²⁶ Эхо. 1912. № 973. 17 февраля (1 марта). С. 2.

быть с Русалкой — единственное желание, которое буквально испепеляет его. И в мире нет препятствия, которое могло бы остановить героя в этом его страстном порыве.

Предчувствие встречи с «царицей» жило в нём всегда, и когда она из грёзы, мечты, зыбкого сновидения превращается в реальность, герой буквально теряет голову, с этого момента его ведёт лишь чувство. Первая картина (из трёх) завершается тем, что Леший в сопровождении волка-романтика Идиота и пытающегося уберечь царя лесов от грозящих ему опасностей Медведя устремляется к озеру — царству Русалки.

Вторая картина — встреча главного героя с красавицей-феей, для которой вся её прежняя жизнь, как оказалось, тоже была лишь прелюдией к главному:

Голос Русалки (с чувством).

Ты? Желанный, долгожданный!

Ты, о ком шептал ручей!

Там вверху не блеск туманный —

Это свет твоих очей!

Тот, о ком шептали грёзы

Мне так сладко ввечеру,

А жемчужные стрекозы

Лепетали поутру!

Для кого цветут кувшинки,

Ряска цепкая цветёт,

И о ком весной тростинки

Тихо шепчут: «Он придёт!»

Ты пришёл зимой унылой,

Сквозь метели и мороз!

Ты пришёл ко мне, о, милый,

И весну с собой принёс!²⁷

Красота и нежно-призывные речи Русалки многократно усиливают решимость Лешего опуститься на дно озера, совершить нисхождение — покинуть верхнее, таёжное царство, предпочтя воле личное счастье в дремотной тишине подводного мира. Но это решение, как выясняется из монолога царя лесов, продиктовано не только чарами любви, не только захватившей героя чувственной страстью, но и

²⁷ Эхо. 1912. № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2.

несколько странным для его юного возраста желанием отдохнуть от жизненных тревог и одиночества, обрести желанный покой:

Леший. Как тут тихо! В полумраке
Сладко дремлют слизняки,
Как таинственные знаки
Чудодейственной руки.
Лентой пёстрой и узорной
Прихотливо, как змея,
Бороздит песок озёрный
Русло горного ручья.
Он рождён, где правят войны
Сосны с бурей грудь о грудь,
И пришёл сюда — спокойно
И беззвучно отдохнуть.
Серебристой паутиной
Дно спокойное заткав,
Подымаются над тиной
Стебли выгнутые трав.
Полусвет висит неясный
Над заснувшею водой,
И царит везде бесстрастный
Очарованный покой...
Я устал от забот, от бесплодных тревог,
Я устал. Я всегда одинок!
И устал я от власти безбурной моей,
От покорных, послушных зверей.
Как здесь тихо! На ласковом тинистом дне
Отдохнуть захотелось и мне.
Облегчить, освежить утомлённую грудь...
Отдохнуть! Хоть часок отдохнуть!..²⁸

Тщетными оказываются попытки Медведя остановить своего властелина, предупредить его, что покой равносителен смерти, что юный царь лесов совершает роковую ошибку, за которую придётся заплатить непомерно дорого — собственной свободой:

Медведь. Берегись, о, повелитель!
В том покое — смерть твоя!
Пусть бежит таёжный житель

²⁸ Эхо. 1912. № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2.

От него, как от ружья!
 Он заманчив и приятен,
 Он отрадно нежит взор,
 Но опаснее рогатин,
 Беспощадней, чем топор!
 Поглотит тебя пучина
 И задушит вонь и смрад!
 Засосёт гнилая тина
 И не выпустит назад!..²⁹

Становится понятно, что тинистое озеро, в которое собирается погрузиться прежде вольнолюбивый царь лесов — метафора мещанского покоя, благополучия, сытости, метафора личного счастья.

Несмотря на предостережения, Леший поддается собственным чувственным порывам и чарам Русалки, влекущей его в свои чертоги, обещающей поцелуи, ласки, негу, пиры, уединение и желанный покой. Если первая *песня* Лешего была гимном свободной жизни, то вторая — более объёмная и экзальтированная — «песнь песней», гимн райской любви.

Русалка тоже жаждет любви, но, в отличие от царя лесов, у неё нет дилеммы: ей не нужна воля, она нуждается только в том, чтобы быть наедине с любимым:

Голос. Скорей, скорей в мои объятия!
 Погрузись в эти волны лучистые,
 Серебристые!
 Ласки чистые
 Здесь нас ждут, о, возлюбленный мой!
 Утомлю тебя, милый, объятьями!
 Согреть ими,
 Охранять ими
 Буду сон очарованный твой!..³⁰

«Очарованного» Лешего не останавливают ни предупреждения его верного спутника Медведя, ни собственные опасения, что слова подводной феи — обман, что озеро — коварная ловушка, в которой ему суждено бесславно и бесследно сгинуть. Все страхи и сомнения герой отгоняет от себя, полностью доверившись Русалке:

²⁹ Эхо. 1912. № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2.

³⁰ Там же.

Леший. О, я верю тебе! Да и если бы нет,
 Если б даже не верил тебе я,
 Что мне жизнь, и леса, и свобода, и свет
 Без тебя, о, красавица-фея?!
 Пусть солгал, обманул твой коварный язык,
 Обольстил меня ложью пустою,
 Хоть на миг, на бесследный, коротенький миг
 Единенья я жажду с тобою!
 Так скорей же, скорее, не медли, прильни
 Ты ко мне с пламенеющей лаской!
 Поцелуй же меня! Очаруй, обмани
 Мимолётной, прекрасною сказкой!...³¹

Вторая картина завершается горькой репликой Медведя: «Тихо сомкнулися воды... / Замерли тихо круги... / Умер навек для свободы / Гордый владыка тайги!...»

Но Медведь ошибся: выбор героем в качестве главной жизненной цели личного счастья не стал окончательным.

Третья картина перемещает нас на дно озера, где среди других обитателей подводного царства какое-то время провёл «очарованный» Леший. Русалка не обманула: он получил всё, к чему стремился, о чём мечтал, всё, что обещала фея. Однако этого ему оказалось мало, желанного счастья и покоя герою обрести не удалось: очень скоро его охватывает неизъяснимая тоска, которая разрывает душу — тоска по вольной жизни, по свободе, по дикой и просторной тайге. Возможно, это произошло и потому, что здесь, в подводном царстве, не оказалось той идиллии, которая представлялась Лешему наверху, когда он рассматривал владения Русалки сквозь сковавший озеро ледяной панцирь. Здесь властвуют те же самые безжалостные законы, что и в верхнем, таёжном царстве: крупные обитатели (Сом, Карась) пожирают мелких, слабых. Только делают они это, в отличие от волков, вяло, полусонно, без особого напряжения и выдумки.

Но главная причина разочарования героя — пришедшее осознание, что он не может быть счастливым, довольствуясь чем-то одним — в данном случае любовью.

Как мы помним, в реальной жизни биографический автор «Очарованного Лешего» в момент создания произведения страдал оттого, что не испил любовь полной чашей, что оказался обделён ответным

³¹ Эхо. 1912. № 974. 18 февраля (2 марта). С. 2.

чувством, что некогда взаимная страсть оказалась скоротечной и осталась лишь в воспоминаниях.

В этом смысле драматическая сказка — своеобразный художественный эксперимент, попытка Ф. Чудакова реализовать свои несбывшиеся ожидания с помощью творческого воображения, через сказочный, аллегорический сюжет. Своего героя он награждает тем, чего лишён был сам — идеальной в его представлении возлюбленной, которая видит смысл своего существования лишь в том, чтобы быть с ним, щедро дарить ему свою нежность. «Эстетическая реконструкция» собственной жизни в «сказочном» сюжете позволила автору пройти вместе со своим героем путь к обретению, казалось бы, абсолютного счастья, чтобы понять: может ли в принципе подобный жизненный сюжет принести ему то, чего так жаждет душа — гармонии. Оказалось, что нет. Развёртывание сказочного сюжета показало: идеал Фёдора Чудакова не может быть достигнут в результате отказа от одной из двух важнейших сторон человеческого бытия.

Когда выясняется, что прорубь, через которую Леший попал в чертоги Русалки, накануне — во время праздника Крещения — освятил священник, и теперь для нечистой силы она становится непреодолимым препятствием, герой испытывает настоящее потрясение: он осознаёт, что не готов отказаться от воли. И любовь уже не кажется ему той высшей ценностью, ради которой можно жертвовать свободой:

Русалка. Не терзай печальным словом

Сердце робкое моё...

Встань, о, друг, и пиром новым

Счастье справим мы своё! —

Бросим старые тревоги!

Новых скорбей не зови.

И пойдём в мои чертоги

Для веселья и любви.

Леший. А, любовь! Что такое любовь?

Роковое, больное бессилье!

Скорбный час, когда жгучая кровь

Обжигает у гордости крылья...

Полюбить — это значит дать сердцу истлеть —

Потерять невозвратные годы...

Полюбить — стать рабом... Полюбить — умереть

Для свободы, для милой свободы!

Вместо воли, так страшно потерянной,

Что любовь твоя даст мне взамен?

О, я знаю: чредою размеренной
 День за днём нескончаемый плен
 Потечёт... Будут ласки, объятия,
 Будет сон и объятия вновь...
 О, проклятье, проклятье, проклятье
 Всем, кто в сердце пригреет любовь!!
 Как змея, как гадюка ехидная,
 В сердце жадное жало вонзит
 И вольётся бессилье постыдное
 И как яд — сразит...³²

В финале драматической сказки главный конфликт — между покоем и волей, между потребностью обрести личное счастье и жаждой свободы — не получает своего окончательного разрешения: герой остаётся в нижнем царстве, но тоскует о верхнем, куда путь откроет лишь нескорая весна:

Леший. Все они говорят об одном, об одном:
 Ещё воды окованы льдом!..
 Всё вокруг спит ещё глубоко,
 И весна далеко-далеко...
 Не придёт... Не придёт — хоть зови не зови...
 О, свобода дороже любви!
 Стонет сердце моё...
 Стражду я глубоко...
 А весна — далеко, далеко!..³³

Противоречие, раздиравшее героя, не разрешилось. Желанное равновесие не обретено: маятник лишь качнулся из одного крайнего положения в другое.

Думается, подобное противоречие, разрывающее сердце героя произведения, было актуально и для автора «Очарованного Лешего». В этом неумении соединить в своей жизни кажущиеся ему несовместимыми желания и состояла причина драматического умонастроения Фёдора Чудакова. А это, в конце концов, не могло не повлиять на тот трагический выбор, который он избрал для себя и своей семьи в марте 1918 года.

³² Эхо. 1912. № 975. 19 февраля (3 марта). С. 2.

³³ Там же.

«...зачём я жил? Зачем гнил по тюрьмам, голодал в ссылке?..»

Пьеса «Изгнанники (Картины из жизни в ссылке)»
в контексте жизненной и творческой судьбы Ф. Чудакова

Если не принимать в расчёт стихотворную драматическую сказку в трёх картинах «Очарованный Леший» (1912), драма «Изгнанники» — единственная многоактная пьеса Фёдора Чудакова, однако это не означает, что его интерес к драматургии имел случайный или непостоянный характер. На протяжении всего своего непродолжительного (десятилетнего) творческого пути писатель проявлял интерес к театру, к театральной жизни, к драматическим произведениям своих современников и предшественников, к художественным возможностям драматических жанровых форм. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные газетные рецензии Чудакова на спектакли, сатирические стихи и фельетоны на театральные темы: «Что думает антрепренёр, когда ему не спится» (1909), «На тему дня» (1909), «Весёлый народец!» (1909), «Слово о полку антрепренёров» (1911), «В балете» (1916) и т.д. У Чудакова имелся богатый опыт использования малых драматических форм сатирико-юмористической направленности: «Спящий красавец. Оперетка в одном действии» (1909), «Осмеяна-царевна. Лирико-эпическая драма с фантастическими превращениями» (1909), «Читатель и писатель. Маленькая трагедия» (1916) и др. Особая разновидность подобных произведений — пародии (сатирические ремейки) на пьесы известного русского драматурга начала XX века Евгения Николаевича Чирикова: «Колдунья. Фантастическая пьеса в шести картинах, из коих четыре только подразумеваются» (1909), «Царь природы. Трагикомедия современности» (1909). Кстати, под одним из своих многочисленных псевдонимов Чудаков опубликовал статью об этом драматурге¹.

Пьеса «Изгнанники» имеет автобиографический характер. Её действие разворачивается в той самой местности, в которой в 1907–1908 годах Ф. Чудаков отбывал енисейскую ссылку. Среди населённых пунктов, упоминаемых в драме, есть и деревня Червянка — подлинное место ссылки сатирика (ныне Чунский район Иркутской области, а в начале XX века она входила в состав Енисейской губернии). Там,

¹ К. Рез. (Чудаков Ф.). Е.Н. Чириков // Эхо. 1911. 17 февраля. С. 2.

в Червянке, в червянской «коммуне», живёт Бродяга — персонаж, в котором без труда угадывается автор. Если судить по иным вызывающим доверие источникам, в пьесе достаточно точно отражены подлинные факты биографии Чудакова-ссыльного, подлинные реалии его сибирского быта и бытия.

О трудностях, которые довелось ему испытать в Сибири, даёт представление, помимо драмы «Изгнанники», приключенческая повесть «Диана Кедровская», печатавшаяся в 1917-м на страницах газеты «Амурское эхо». Главный герой этого произведения политический ссыльный Кузьма Иванович размышляет о своей незавидной участи: «<...> снова предо мной голодная зима, скитанья по селу в поисках работы, возня с детишками, которых отцы желали выучить грамоте, но забывали за это платить. Опять унижения, выклянчивания, опять попрёки долгами...»². В биографии, составленной после смерти Чудакова журналистом Михаилом Хрисанфовичем Катаевым, енисейская ссылка — исключительно отрицательная школа жизни: «Местом ссылки на долю Ф.И. выпала Енисейская тундра³. Здесь он с пятью или шестью товарищами по ссылке поселился в деревушке Червянка. Полтора года он прожил тут в чрезвычайно тяжких условиях, терпя голод и холод. Тамошние крестьяне, для которых ссыльные рубили, пилили, кололи и вывозили из леса дрова, платили всего по 10 копеек в день за каторжный труд. Более слабые умирали. Ф.И. тоже едва не умер от тифа...»⁴.

Всё это так, однако Сибирь для Чудакова стала не только местом физических лишений и моральных страданий: она была суровой, но много давшей ему жизненной школой, закалившей его характер, проверившей на прочность его мировоззрение. Об этом, в частности, свидетельствуют слова автобиографического персонажа повести «Диана Кедровская»: «Я прошёл суровую школу испытаний. Я закалил свою волю, как стальную пластинку; её можно было сломать, но её нельзя было согнуть без того, чтобы она не выпрямилась снова»⁵. В этом отношении от енисейского ссыльного Кузьмы Ивановича мало чем отличается автобиографический персонаж пьесы «Изгнанники» Бро-

---

² Кузьма Резниченко (Чудаков Ф.). Беда (гл. III из повести «Диана Кедровская») // Амурское эхо. 1917. № 558. С. 2.

³ На самом деле, биографу следовало вести речь не о тундре, а о глухой сибирской тайге.

⁴ М. К-в (Катаев М.Х.). Фёдор Иванович Чудаков: биографические штрихи // Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 18.

⁵ Кузьма Резниченко (Чудаков Ф.). Лицом к лицу (гл. XII из повести «Диана Кедровская») // Амурское эхо. 1917. № 569. С. 2.

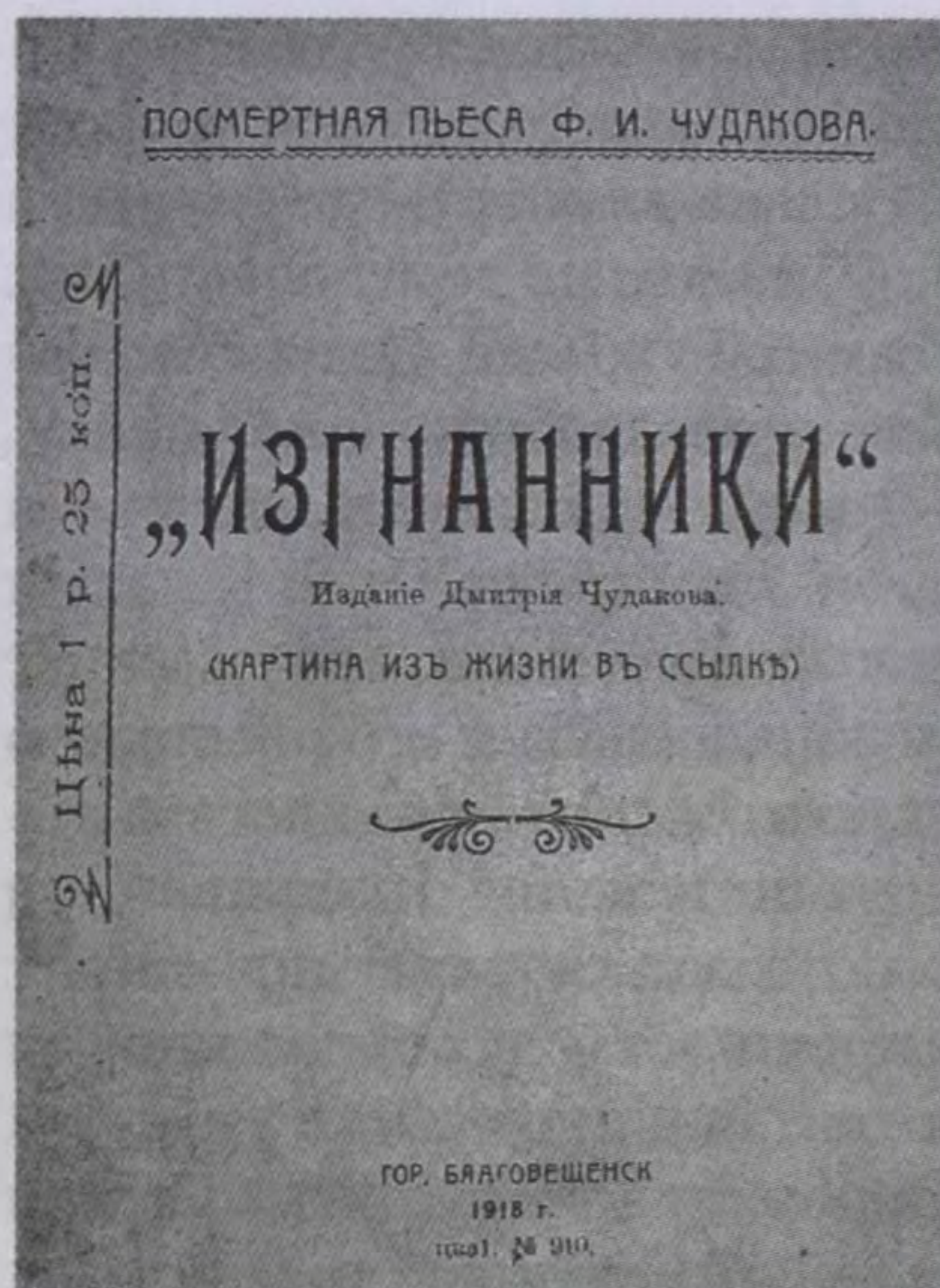
дяга. Не в пример большинству товарищей по ссылке, Бродяга никогда не унывает и не жалуется, демонстрируя бодрость духа и уверенность в собственных силах. «Ссылка? Велика важность! — заявляет он. — ... Не хвастаясь, скажу, что о самоубийстве не помышляю. Да и что такое жизнь? Жизнь — это я! А я сам себе хозяин. Значит, плюю я на какую-то там отвлечённую, выдуманную, злобную старушонку, именуемую в философии жизнью. Я — как гоголевский Каленик — сам себе голова!»⁶.

Ссылка дала Чудакову бесценный запас жизненных впечатлений, питавших его творчество. Ссылка, возможно, и сделала его писателем, предопределила дальнейший путь. Именно в ссылке он стал посвящать буквально каждую свободную минуту сочинительству. Именно в этот период литературное творчество стало осознаваться им как призвание. Один из персонажей «Изгнанников» Антон читает вслух присланное из Червянки письмо Бродяги, из которого товарищи по ссылке узнают о новом его увлечении: «... Я ведь литератором стал, леший меня задави! Братцы вы мои милые, простите ли вы меня? Смертный грех принял я на душу: послал в “Радугу” стишонки и — увы! — их напечатали! Думали ли вы, читая вдохновенные вирши некоего Мильтиада в № 54, что сие изобразил аз многогрешный?.. Теперь могу я сказать про себя словами пушкинского героя: “Участь моя решена — я женюсь”. Женюсь на музе и в приданое беру славу... Теперь каждый вечер ловлю за хвост рифмы и распинаю их на бумаге. Бумаги перепортил, други мои, преогромное количество. Скоро придётся писать на бересте... А рифмы, братцы, из меня так и лезут, так и прут, как тараканы из-за печки. Прут и орут: “Меня возьми, меня, нет, меня”. Рычат, дерутся. Пока не скомандуешь им: “Смирно, чёрт вас возьми, по местам!”, — ни одного порядочного четверостишия не изобразишь. А прикрикнешь — ничего, присмирят, паиньки такие» (с. 58, 59–60). Судя по этому признанию автобиографического персонажа, в период енисейской ссылки какие-то из произведений Чудакова, в том числе и лирические, стали печататься (очевидно, под псевдонимами) в эсеровской периодике. Но где и под какими псевдонимами — пока не установлено. Возможно, часть этих произведений вошла в поэтический сборник «Пережитое», изданный уже в Благовещенске в 1909 году⁷.

---

⁶ Изгнанники (Картины из жизни в ссылке): посмертная пьеса Ф.И. Чудакова. Благовещенск: Издание Дмитрия Чудакова, 1918. С. 19. Далее пьеса цитируется по этому изданию.

⁷ Босьяк (Чудаков Ф.). Пережитое: стихи. Благовещенск: Типография Г.И. Клитчоглу, 1909. 29 с.

Титульный лист и первая страница посмертного книжного издания пьесы Ф. Чудакова «Изгнанники» (1918)

Время работы над пьесой «Изгнанники» тоже неизвестно. Ни автор (Фёдор Чудаков), ни издатель (его родной брат Дмитрий) произведение не датировали. В последнем, 7-м номере журнала «Дятел, беспартийный», вышедшем благодаря стараниям брата Дмитрия 14 (27) марта 1918 года, то есть спустя две недели после трагической смерти писателя, было напечатано следующее объявление: «“Изгнанники”, пьеса Ф.И. Чудакова, в непродолжительном времени выйдет особым выпуском и поступит в продажу»⁸. Очевидно, к моменту самоубийства Чудакова (28 февраля по старому стилю) пьеса уже была им не только написана, но и подготовлена к печати. Предваряя обещанное книжное издание, журнал «Чайка», выходящий в Благовещенске под редакцией М.Х. Катаева с мая того же 1918 года, начал растянувшуюся на несколько месяцев публикацию «Изгнанников» (очевидно, с разрешения Дмитрия Ивановича Чудакова, получившего, по завещанию, авторские права). В том же 1918-м, ближе к концу года, вышло и отдельное издание пьесы.

Что же заставило амурского сатирика в канун большевистской революции или даже после неё обратиться к событиям десятилетней

⁸ Дятел, беспартийный. 1918. № 7. 14 (27) марта. С. 4.

давности? Насколько актуальным могло быть в новых исторических условиях произведение о ссыльных социалистах начала XX века? И почему брат сатирика, планировавший выпустить собрание сочинений Фёдора Чудакова, начал, в нарушение принципа хронологической последовательности, именно с пьесы «Изгнанники» (кстати, ничего другого издать ему не удалось)? Очень похоже, что он исполнял последнюю волю автора (его прощальное письмо, адресованное Дмитрию Ивановичу, не было опубликовано — за исключением небольшого фрагмента финальной части; содержание же «деловой», «распорядительной» части установить уже вряд ли удастся). Остаётся строить предположения, почему «Изгнанники» оказались столь важны для Ф.И. Чудакова в последние месяцы его жизни, отчего их публикацию он считал, судя по всему, задачей первоочередной.

Впрочем, понять это не так уж и сложно, обратившись к содержанию пьесы. В ней затрагиваются проблемы, которые Чудаков в последние месяцы жизни считал чрезвычайно важными, которые он постоянно поднимал в своей сатире этого периода. В частности, в ней он не раз задавался вопросом, почему революционный лагерь (прежде всего социал-демократы, социалисты всех оттенков) оказался бессильным перед диктатурой малочисленной большевистской партии? Почему родственные политические силы, исповедующие близкие идеалы, имеющие сходные программы, после крушения самодержавия ни о чём не смогли договориться между собой? Отчего они занялись не решением общенациональных задач, не спасением России от грозящих ей хаоса и диктатуры, а, в основном, пустопорожней болтовнёй, бесконечными спорами по любому поводу, сведением мелких счётов и удовлетворением личных амбиций? Почему, наконец, многие представители социал-демократического, социалистического лагеря с лёгкостью отрекались от прежних идеалов, смирялись с произволом новой власти или даже перебежали в стан победителей?

Пьеса «Изгнанники» затрагивает тот же самый круг вопросов, но ответы на них автор ищет не в современности, а в прошлом. В сатире революционного времени Чудаков показывает итог — политическое и моральное банкротство российской социал-демократии образца 1917 года, а в «Изгнанниках», отступив на десять лет назад, исследует причины неготовности и неспособности социалистического лагеря взять на себя бремя социальной ответственности и утвердить демократические принципы в России, разворошённой, разломанной при деятельном участии всё тех же социал-демократов.

В центре внимания автора «Изгнанников» — тяжёлый социально-политический, мировоззренческий и, что особенно важно, цен-

ностно-этический кризис, поразивший революционное движение ещё в начале XX века. Этот кризис, точнее — разложение, как показывает пьеса, проявляется во многом. Так, среди сосланных в Сибирь социалистов оказываются и всё более набирают силу те, кто отказался от морали, кто уподобляется уголовникам, кто действует так же, как они, и даже заодно с ними. Самый выразительный пример — история Павла Лущикова, о котором заходит речь в третьем действии. Этот ссыльный в компании с двумя уголовниками готовил ограбление. Долгие годы проведенный в ссылке эсер Никита замечает, что история Лущикова — лишь «первый признак начинающегося разложения ссылки», но тут же поправляет себя: «Да первый ли? Он только ярче других, а кое-что и раньше было. Помните, Бродяга рассказывал, как в той же Червянке на маёвке один товарищ другому разбил голову прикладом ружья? А прошлогодний случай с Подбельским? — покушение на кражу денег у товарища?.. Да мало ли ещё что?» (с. 51).

В ответ на реплику товарища, что «героические времена ссылки уже прошли», Никита высказывает мысль, что разложение и перерождение революционного лагеря — необратимый процесс: «Я уже третий раз в ссылке и откровенно скажу, что в четвёртый раз предпочёл бы тюрьму. Ибо в четвёртый раз, я уверен, застану здесь не только покушения на кражи, но форменную уголовщину» (с. 51). Так что использование в годы революции большевиками и левыми эсерами чисто бандитских, по сути уголовных методов захвата и удержания власти (о чём Чудаков неустанно писал на рубеже 1917–1918 годов) — совершенно закономерный итог этой эволюции.

Диагноз, который автор ставит социалистическому движению, неутешителен. Среди болезней, поразивших российскую социал-демократию, — почти полное отсутствие взаимопонимания с народом. Революционные интеллигенты, выведенные в пьесе, относятся к сибирским крестьянам с нескрываемой иронией и именуют их «челдонами», то есть людьми не вполне полноценными, главным образом потому, что те не способны оценить заслуги российской интеллигенции в деле их будущего освобождения от оков царизма. Сибиряки-челдоны, в свою очередь, относятся к политическим ссыльным настороженно, не видя особенной разницы между ними и уголовниками. Впрочем, и сами политические, как уже отмечалось, иной раз уподобляются уголовникам. В пьесе приводится случай самосуда «челдонов» над политическим ссыльным, оказавшимся конокрадом.

Ещё одна проблема — равнодушие народа к идейной программе социал-демократов. Как констатирует меньшевик Борис, все попыт-

ки заинтересовать «челдонов» социалистическими, революционными идеями оказались «бесполезны». Но представители революционных партий не могут договориться не только с народом, но и друг с другом. По признанию Бориса, социал-демократическое «движение всегда было конгломератом отдельных групп, даже отдельных личностей». Иначе говоря, то, что проявилось особенно остро в 1917 году (и нашло отражение в сатире Чудакова этого времени), существовало и задолго до большевистского переворота.

Ещё одна проблема, которую поднимает Ф. Чудаков, — утрата ссыльными социалистами веры в исповедуемые прежде догматы, усиливающееся разочарование в прежних идеалах. Это происходит, например, с видным публицистом-эсером Никитой, в свои пятьдесят пять лет осознавшим ошибочность избранного жизненного пути. Не сомневавшийся прежде герой теперь не в состоянии ответить на простые вопросы: «<...> зачем я жил? Зачем гнил по тюрьмам, голодал в ссылке, отказался от всех радостей жизни?» (с. 66). Ссылные социалисты начинают осознавать, что настоящая жизнь проходит мимо, что они со своей партийной догматикой безвозвратно «выпали» из неё. Об этом, например, говорит молодой меньшевик Антон, обращаясь к представителю старшего поколения революционеров: «Товарищ, мы отстали от жизни... Мы дьявольски отстали от жизни. И решительно во всём» (с. 67). По словам Антона, высмеивающего привязанность Никиты к партийной догматике, «жизнь мчится вперёд. Её ничем не остановишь. Сколько ни маши перед её лицом своей программой, сколько ни топай ногами, ни кричи: “Назад!” — она не остановится» (с. 69).

Свой путь разочарования в прежних идеалах проходит эсдек Борис, у которого от дифтерита умирает малолетний сын. В сравнении с этим пронзившим его существо неизбывным личным горем всё остальное, прежде всего прежняя его одержимость идеей революционного обновления мира, теперь начинает казаться бессмысленным. Зачем ему теперь «светлое будущее человечества», если он не сумел в суровых условиях ссылки сберечь, спасти самое родное существо, свою кровинку, своё главное сокровище и главный, как он теперь понимает, смысл жизни? Надрывным монологом страдающего от непереносимой душевной боли Бориса Чудаков и завершает свою пьесу: «Там, где-то далеко, далеко, гремит и сверкает жизнь. Горят огни, кипят людские страсти, грохочут машины, печатаются книги, бегут поезда, кипит борьба за жизнь... А мы здесь сидим пятеро, никому не нужных, всеми забытых людей... Нам уже перестали писать письма... нас уже забыли... забыли... Никому не нужные, лишние... выбросили

нас из жизни, смяли, растоптали и отбросили в сторону... Партийные витии сейчас там ломают копья, пишут пламенные статьи, кипят, сражаются с мельницами... а мы... мы никому не нужны... И теряется вера во всё... и в людей, и в то дело, которому отдали всю лучшую часть жизни» (с. 82–83). Вот оно — важнейшее прозрение не только страдающего героя пьесы, но и автора «Изгнанников»: для социализма как идеологии, для социалистических партий и их вождей-догматиков конкретный, живой человек с его болями и проблемами — ничто, пустое место. Социалист-революционер Чудаков обнаружил самый страшный, на его взгляд, дефект российского социал-демократического, социалистического движения — пренебрежение к человеку.

Думается, в финальном монологе Бориса звучат и мысли автора, к которым он пришёл, но не в 1907-м (иначе бы эти слова произносил Бродяга), а позже, в 1917-м. Главное же разочарование Ф. Чудакова (образца 1918 года) — запоздалое осознание, что революционная борьба за свободу народа, даже кардинальное революционное переустройство страны, мира не в состоянии разрешить те проблемы, с которыми сталкивается каждый человек в своей повседневной жизни. Автор пьесы постепенно приходит к тому, что счастье человека мало зависит от политического строя, от формы государственного устройства, от господствующей идеологии. Никакая революция, в том числе социалистическая, никакие политические свободы, если они и будут достигнуты в результате революционной борьбы, не в состоянии гарантировать, обеспечить человеку счастье: вернуть страдающим родителям (Борис и Вера) их умершего ребёнка; покинутому, страдающему мужу (Староста) — его ушедшую к другому жену; безнадежно влюблённому красивому, тонкому, благородному человеку (Антон) — объект его поклонения, девушку (Елена), которая не способна оценить его прекрасные человеческие качества — из-за того, что не испытывает к нему равного по силе чувства, а потому бросает его — причём ради ничтожества.

Драма «Изгнанники» отразила не только процессы, происходившие в социалистическом лагере в целом, но и личную усталость и растерянность автора, его собственную душевную и мировоззренческую сумятицу, его разочарование, следствием чего и стало самоубийство.

«Изгнанники» — произведение, без которого нельзя понять в полноте логику жизненной и творческой судьбы амурского писателя, а также причину его добровольного ухода из жизни.

Подлые времена

*История одного громкого скандала в дореволюционном
Благовещенске*

Летом 1911 года в Благовещенске, административном центре Амурской области, произошло событие, которое надолго приковало к себе внимание газетных репортёров, фельетонистов, публицистов, редакторов периодических изданий, а также — с их помощью — всей читающей публики. Стараниями газетчиков история эта стала достоянием гласности и со временем, обрастая подробностями, приобрела весьма скандальный характер. В её орбиту оказались втянуты, разумеется, вопреки их желанию, очень влиятельные персоны, в том числе вице-губернатор (с мая 1909 г.) Александр Гаврилович Чаплинский.

Виновник устроенного газетами переполоха — титулярный советник Николай Павлович Алексинский — зав. гидротехническим отделом Амурского переселенческого района, по образованию горный инженер. И он же, в другой своей ипостаси — человек, распоряжавшийся финансами немалого числа общественных и иных организаций и учреждений: казначей попечительского совета Общины сестёр милосердия, казначей Амурского окружного правления Общества спасения на водах и т.д. Кто, для чего, за какие заслуги обеспечил ему доступ к финансам всех этих структур — остаётся загадкой, но без высокого покровительства и содействия вряд ли обошлось. Ни соответствующего образования, ни опыта службы в финансовых учреждениях у Алексинского, судя по всему, не было. Впрочем, какое это имеет значение в России, если у человека есть покровители в высоких властных инстанциях?

Алексинский в данный период своей не очень ясной для нас биографии совершал стремительное служебное восхождение, только не профессиональное — инженерное, переселенческое. Его карьерное движение имело иной вектор и иную вожделенную цель, имя которой — городская казна, с которой все прочие, уже «освоенные» нашим героем, конечно же, сравниться не могли. Первый шаг, ведущий к заветной цели, дался легко: Алексинский без затруднений оказался в числе гласных городской думы. И хотя никаких достижений на этом поприще он не снискал, неведомо каким образом скромный, мало кому известный титулярный советник оказался вдруг в числе фаворитов избирательной кампании — одним из ключевых претендентов на

должность городского головы (лорд-мэра) Благовещенска. Но что-то в последний момент не сработало, закулисный механизм дал сбой — очевидно, те, кто продвигал Алексинского в кресло лорд-мэра, переоценили возможности административного влияния. Или недооценили способность городской думы противостоять интригам аппарата военного губернатора. Так или иначе, доступа к городской казне Алексинский не получил, и эта фатальная неудача, видимо, предопределила всё дальнейшее.

Несостоявшийся лорд-мэр внезапно пропал, исчез. Словно провалился сквозь землю или растворился в воздухе.

И, скорее всего, ни современники, ни тем более потомки об этом загадочном исчезновении ничего бы не узнали (ибо, как станет понятно чуть ниже, в высоких начальственных кабинетах не было ни малейшего желания выносить сор из избы), если бы не досужие газетчики. Именно они, а не полиция, не административные или судебные инстанции, забили тревогу, стали проводить собственное расследование и знакомить с его результатами всё более и более изумлявшуюся общественность.

29 июля (11 августа по новому стилю) 1911 года газета «Эхо», секретарём редакции и ведущим автором которой был сатирик Фёдор Чудаков, напечатала сенсационный материал в рубрике «Местная хроника» с подзаголовком «К исчезновению инженера Алексинского». Анонимный автор (материалы в этой рубрике давались без подписей) сообщал, что недавний претендент на должность городского головы оказался... казнокрадом, что он похитил наличность во всех кассах, к которым имел доступ. И, кроме того, сбежал за границу.

По информации газеты, несостоявшийся лорд-мэр умыкнул весьма приличные по тем временам деньги — «около 30 000 рублей: из сумм переселенческого управления 6 400 руб.; из сумм Общества спасения на водах 3 500 руб.; из суммы Общины Красного Креста 16 000 руб.; из кассы комитета по постройке губернаторского дома (наш пострел и туда, оказывается, поспел! — А. У.) 5 000—6 000 руб.»¹. Как говорится, с миру по нитке... Только не простой, а, в нашем случае, золотой...

Вдобавок ко всему, газета выяснила, что похититель крупной суммы и недавний претендент на высокий пост оказался по своей натуре и повадкам, в общем-то, мелким жуликом, а с точки зрения человеческих качеств, полным ничтожеством — лживым и мелочным.

¹ Местная хроника: К исчезновению инженера Алексинского // Эхо. 1911. № 818. 29 июля (11 августа). С. 3.

Газета привела шокирующие подробности, раскрывающие, как говорится, моральный облик этого невзрачного существа, совсем недавно усиленно продвигавшегося наверх стараниями пока ещё не названных покровителей.

Даже бегство было организовано и обставлено им предельно нечисто. «Эхо» рассказало, что «Алексинский скрылся с заграничным паспортом одного из своих подчинённых, десятника переселенческого управления. Алексинский несколько времени тому назад заявил этому десятнику, чтобы он достал заграничный паспорт на своё имя, так как ему придётся сопровождать его, Алексинского, в заграничную командировку. Десятник, обрадованный обещанием, что во время командировки он будет получать по 200 руб. в месяц, поторопился достать паспорт и немедленно же вручил его Алексинскому. «Пока вы отправляйтесь на работы в Мазаново, а потом, когда придёт время ехать, я вам сообщу», — приказывает Алексинский. Около полутора месяцев ждал обманутый десятник «командировки», пока не узнал из газет, что Алексинский отправился в путь без него».

В освещении скандальной темы приняли участие практически все выходившие в то время в Благовещенске газеты: «Амурский листок», «Амурский пионер», «Благовещенск», «Эхо». С более чем вековой дистанции отчётливо видно, что каждое из этих периодических изданий, повторяя общеизвестное, тем не менее находило свой собственный ракурс, свой угол зрения на проблему. И отдавало предпочтение какому-то избранному жанру. Что предопределяло разность подходов к одному и тому же событию? В первую очередь, личные качества людей, определявших направление газеты, её общественно-политическую, гражданскую позицию.

Газета «Амурский пионер» (1911–1912), которую издавал и редактировал скандально известный журналист Александр Иванович Матюшенский (печатавшийся чаще всего под псевдонимом *А. Седой*), основной автор созданного спустя несколько месяцев «бестселлера начала XX века» — коллективного романа «Амурские волки» (1912), акцент сделала не на «мелкой сошке» Алексинском, а на более крупных фигурах — на остававшихся до поры в тени покровителях беглого казнокрада. Жанровые предпочтения газеты — скандальная хроника и скандальные же (не только по содержанию, но и по тону, стилистике, фразеологии) публицистические «разоблачения», непревзойдённым мастером которых был Матюшенский-Седой.

В отличие от некоторых других амурских периодических изданий, стремившихся выдерживать то или иное общественно-политическое направление, газета Матюшенского «Амурский пионер» (а позднее

его же «Благовещенское утро», выходявшее в 1912–1917 гг.) была изданием, преследовавшим чисто коммерческие цели. На чём специализировалась газета Матюшенского, чем привлекала подписчиков? Чаще всего низкопробными материалами, рассчитанными на невзыскательные или даже низменные вкусы мещанской публики, а также скандальными разоблачениями известных в городе людей. Или же тем и другим одновременно. Так было и на этот раз.

В том же июле 1911 года в № 59 «Амурского пионера» появилась статья, в которой утверждалось, что нечистый на руку беглец был тесно связан с вице-губернатором Чаплинским. Газета Матюшенского утверждала, что Алексинский жил в одной квартире с Чаплинским, что он — всего лишь «жертва» кружка лиц, втягивавших его в разгульную жизнь, что и вызвало растрату казённых средств и вынужденное бегство за пределы России. Во главе этого кружка, по утверждению газеты, был именно вице-губернатор Чаплинский, а входили в его состав, как позднее писал Матюшенский, полицмейстер Данильчук, его помощник Цесарский, уездный начальник Адрианов и другие влиятельные лица. Газета сообщала, что растроченные членами «клики» казённые деньги и добытые ими взятками суммы «прокручивались» и проигрывались в квартире Чаплинского, где устраивались оргии. В течение следующих нескольких месяцев «Амурский пионер» опубликовал ещё ряд статей на эту тему. Конфликт между редактором Матюшенским и вице-губернатором Чаплинским, спровоцированный бегством из Благовещенска инженера Алексинского, разрастался, в какой-то момент он вышел далеко за пределы области и приобрёл чрезвычайно скандальный, опасный для авторитета власти характер.

17 февраля 1912 года Чаплинский, исполнявший в то время обязанности военного губернатора области (вместо временно отсутствовавшего Аркадия Михайловича Валуева), по сути, воспользовавшись из личной неприязни служебным положением, издал постановление о наложении на Матюшенского за публикацию в «Амурском пионере» вполне безобидной статьи «Потешные в крае» разорительного по тем временам штрафа в размере 1000 рублей с заменой, при неспособности выплатить его, тюремным заключением сроком на 1 месяц. В ответ на это редактор «Амурского пионера» направил жалобы генерал-губернатору Приамурья Н.Л. Гондатти (его резиденция находилась в Хабаровске), министру внутренних дел Российской империи А.А. Макарову, министру юстиции И.Г. Щегловитову, председателю Совета министров В.Н. Коковцову. В них он обвинял вице-губернатора Амурской области в «преступных деяниях» и утверждал, что тот мстит честному и принципиальному журналисту «за статью о

Ввиду приближающихся выборов из городских головы, избирателям заблаговременно сѣдуетъ ознакомиться съ портретами кандидатовъ. Предлагаемые здѣсь портреты показываютъ, какъ осторожно надо относиться къ кандидатурамъ тѣхъ или иныхъ претендентовъ.

Рисунок Ф. Чудакова в сатирическом журнале «Колючки»
(сдвоенный номер 4–5 за 1909 г.)

его сожителе Алексинском». Чаплинский, в свою очередь, обращался к Н.Л. Гондатти с просьбой закрыть газету «Амурский пионер» и выслать её редактора «из пределов области». Чувствительный к либеральному общественному мнению Гондатти, опасавшийся прослыть «душителем свободной печати», какое-то время колебался, не принимал мер по отношению к редактору «Амурского пионера». Однако властям пришлось «тушить пожар»: в конце концов газета «Амурский пионер» была закрыта, а Матюшенского за «клевету» осудили на четыре месяца тюрьмы. Вице-губернатора же Чаплинского от греха подалее перевели в далёкий Петропавловск-на-Камчатке.

Александр Иванович Матюшенский, отдадим ему должное, бесстрашно, порой с немалым риском для себя, разоблачал и обличал «амурских волков» — нечистых на руку представителей местной власти, администраторов-прохиндеев городского и областного масштаба, видных «акул» промышленного и торгового капитала Приамурья, но не ставил под сомнение прогнившую общественно-политическую систему, порождавшую Чаплинских, Алексинских и других бесчисленных жуликов и воров во власти или при власти.

Иное дело — «Эхо», газета «прогрессивного» (как она сама его определяла) направления: в какие-то периоды демократического, в какие-то — скорее умеренно-либерального. Демократический и даже социалистический «крен» газете чаще всего задавал Фёдор Чудаков — бывший

политический ссыльный, живший в Благовещенске с осени 1908 г. под гласным надзором полиции, эсер по партийной принадлежности и убеждениям. Именно его материалы об Алексинском с наибольшей полнотой выразили позицию «Эха» в этом вопросе.

Первый отклик сатирика на бегство инженера Алексинского — фельетон в традиционной авторской рубрике «Накипь дня (Расхрабрившись, точно кочет...)», напечатанный двумя номерами ранее упомянутой выше хроникёрской заметки (которая, судя по всему, тоже была написана Фёдором Чудаковым — но уже в статусе одного из анонимных авторов раздела «Местная хроника»):

Совершил поступок свинский
Этот гласный Алексинский.
Даже дружеский «Листок»
Тиснул пару тёплых строк.
«Крал, — он пишет, — деньги массой
И удрал с тугою кассой».
Позабыв водопровод,
Он в Японию плывёт.
Так закончилась карьера
Кандидата на лорд-мэра.
И теперь гласит молва:
«Га-ла-вва!»²

Выразив без экивоков отношение к сбежавшему казнокраду (*совершил поступок свинский*), уколов попутно своего постоянного оппонента Анатолия Александровича Константинова — редактора газеты «Амурский листок», который ещё недавно оказывал рекламно-информационную поддержку ставленнику вице-губернатора Чаплинского, а теперь, вывернувшись, и на скандале попытался набрать очки (*даже дружеский «Листок» тиснул пару тёплых строк...*), Чудаков сосредоточился главным образом не на краже казённых денег и не на побеге, а на попытке определённых кругов «сорвать банк», захватив кресло городского головы. Обратим внимание на то, как представлен в фельетоне беглый казнокрад: *поступок свинский* совершает не просто частное лицо и даже не инженер, не администратор — зав. отделом переселенческого управления, не казначей, а *гласный* городской думы. И не просто гласный, а гласный, который метил в кресло городского головы,

² Гусяр (Чудаков Ф.). Накипь дня (Расхрабрившись, точно кочет...) // Эхо. 1911. № 816. С. 3.

который выступал в качестве кандидата на лорд-мэра. Прозрачно обозначена в фельетоне и цель планировавшегося, но не состоявшегося (как сейчас бы сказали — рейдерского) захвата власти в Благовещенске: «Позабыв водопровод, / Он в Японию плывёт». Справка для непосвящённых: власти Благовещенска в тот период начинали масштабное строительство городского водопровода, подо что привлекались огромные займы, которые должны были проходить через ту самую городскую казну, к которой и пробивался при содействии высоких покровителей инженер Алексинский.

На той же самой странице «Эха», где в разделе «Местная хроника» была напечатана процитированная выше заметка «К исчезновению инженера Алексинского», опубликован ещё один материал на скандальную тему — фельетон Язвы (один из наиболее известных псевдонимов Ф. Чудакова) «Накипь дня (Шах поклялся на Коране...)». Первая его часть обращена к событиям международной политики, а две последующие развивают тему, заданную в хроникёрской заметке.

Вторая часть произведения строится на аллегории, смысл которой современники сатирика угадывали без труда, ныне же без комментариев она может быть не понята или понята неадекватно:

Ворон к ворону летит,

Ворон ворону кричит:

«Коля! Чем ты пообедал?

Не Крестом ли Красным ведал?»

Ворон ворону в ответ:

«Нет, Григорь Ефимыч, нет!

Красный Крест пришлось мне высечь

На осмнадцать только тысяч.

И в “Спасенье на водах”

Нынче дело тоже — швах.

Я направил вожделенья

На дела переселенья

И, коль правду говорить, —

Бога нечего гневить!»

Новый ворон улыбнулся,

А Ицкович поперхнулся,

Жадно кушая рудник,

И главой своей поник³.

³ Язва (Чудаков Ф.). Накипь дня (Шах поклялся на Коране...) // Эхо. 1911. № 818. 29 июля (11 августа). С. 3.

Два говорящих ворона (старый и молодой) — два известных амурских афериста, жульнические деяния которых стали достоянием гласности и предметом судебных разбирательств. Старый ворон, которого его молодой собрат уважительно называет *Григорь Ефимычем*, — не Г.Е. Распутин (как кто-то может подумать), самый знаменитый в России начала XX столетия обладатель этого имени-отчества, а авантюрист рангом пониже: Григорий Ефимович Ицкович (1852–1916), скандально известный в то время благовещенский купец 2-й гильдии, золотопромышленник. В 1890-е он был управляющим Ниманскими золотыми приисками, в 1903–1905 гг. — компаньоном знаменитого П.Д. Баллода. В 1907 г. из-за не возвращённого Ярославско-Костромскому банку кредита в семнадцать тысяч рублей часть недвижимости Ицковича была продана на публичных торгах в Благовещенске. Несмотря на всю эту скандальную историю, в 1910–1914 гг. Г.Е. Ицкович являлся выборщиком в городскую думу по имущественному цензу. То есть, получается, выборщиком и Николая Павловича Алексинского — беглого казнокрада, гласного городской думы. Именно с ним, называя его на правах старшего наставника по-свойски *Колей*, и ведёт беседу вор и аферист прежних лет Ицкович. «Поперхнулся» старый ворон, очевидно, от зависти к более удачливому, превзошедшему его молодому жулику. И «главой своей поник» он оттого, что его, куда более опытного, выдавшего вида «ворона», умыкнувшего всего-навсего семнадцать тысяч, не только опозорили на весь свет, но и вынудили вернуть украденное, а присвоивший тридцать тысяч казённых денег «ворон» *Коля* избежал такой участи, упорхнув за границу.

Третью часть фельетонист начинает тем, что прощается с беглым казнокрадом и пытается перейти к другим темам, которые могут быть более интересны амурским читателям:

Распростившись с казнокрадом,

Перейдём теперь к «наядам»

И к афинским вечерам...

Та-ра-ррам!

Но... амурское афинство —

Новый вид того же свинства,

Коим насмерть издавна

«Соль земли» заражена.

Прочь, афинство! Вон! Исчезни!

Не хочу морской болезни

На читателя наслатъ!

Буду новых тем искать.

Оказалось, что предшествующее «прощание» с Алексинским было притворным: на самом же деле сатирик лишь зашёл на ту же тему с другой стороны — с той самой, которая подробно, в деталях освещалась А. Матюшенским. Упомянутые Чудаковым *наяды* — в древнегреческой мифологии нимфы рек, ручьёв и озёр; в переносном, ироническом смысле (а о том, что слово это используется именно в таком значении, сигнализируют кавычки, в которые оно заключено) — обнажённые девушки, голые «купальщицы». Становится понятно, что сатирик намекает на оргии в квартире вице-губернатора Чаплинского, о которых писали в «Амурском пионере». *Афинские вечера (ночи)* — ночные оргии с участием «наяд». Об оргиях, ставших причиной растраты инженером Алексинским казённых денег и его бегства за границу, говорилось выше, когда речь шла о материалах в газете Матюшенского, явно пародируемых в данном фельетоне. Смаковать, уподобившись редактору «Амурского пионера», тему «наяд» и «афинских вечеров» автор фельетона из брезгливости отказывается (*Прочь, афинство! Вон! Исчезни!*), ибо не желает наслатъ и на себя, и на читателей приступ тошноты — «морской болезни».

В пояснении нуждается ещё одно выделенное сатириком словосочетание — «соль земли». *Соль земли* — так именовал своих учеников Иисус Христос; в иносказательном смысле — лучшие из лучших, избранные. В контексте фельетона словосочетание это, взятое в кавычки, используется в ироническом смысле: под «солью земли» автор подразумевает погрязшую в разврате и воровстве тогдашнюю властную «эли́ту», в том числе и участников «афинских вечеров» в квартире вице-губернатора Амурской области.

Во второй половине третьей части *Язва* предпринимает ещё одну попытку уйти от надоевшей темы, переключив внимание на тему «героическую», «патриотическую»:

Вот, хотел черкнуть я ныне

Об «Амурской героине»,

И верчуся, точно линь:

Слишком много героинь!

Показаться стыдно в людях:

Столько Юдих, столько Юдих!

Перечислить их сполна

Вечность целая нужна.

Вот Амурка, вот сибирка...

В городском кармане дырка...

Ну, сказать короче вам:

Очень много милых дам.

Начнём с простых разъяснений. *Амуркой* в 1910-е годы было принято называть и Амурскую колёсную дорогу (*Амурскую колесуху*) — трактовую дорогу для гужевого транспорта между Благовещенском и Хабаровском, которую строили в 1898–1910 гг., и Амурскую железную дорогу, строительство которой велось в 1907–1916 гг. На строительстве и той, и другой наживались купцы-поставщики, жулики-подрядчики и «крышующие» их чиновники-казнокрады. Все они с удовольствием тратили часть наворованных денег на кутежи с разного рода «наядами». Этой теме Чудаков посвятил немало фельетонов: «Колёсная» (Эхо. 1911/1912. 31 декабря (13 января). С. 3); «Накипь дня (В авангарде тыла были...)» (Эхо. 1912. № 1014. 11 (24) апреля. С. 3) и др. *Сибирка* — в данном контексте сибирская язва, опасная инфекционная болезнь домашних животных, с эпидемией которой в 1911 году никак не могли справиться власти Амурской области — по мнению сатирика, главным образом потому, что это их волновало гораздо меньше, чем казнокрадство и «афинские вечера».

Теперь о главной «героине» финального фрагмента третьей части фельетона. *Амурская героиня* — Анастасия Юдина (урождённая Делярова), дочь солдата, родилась в 1871 г. в Томской губернии, воспитывалась в богатой семье. В 13 лет бежала из дома, в 16 вышла замуж за приискателя К.Д. Юдина. В Благовещенске Юдина жила с 1890-х. За участие в событиях российско-китайского вооружённого конфликта (июль 1900 г.) была награждена серебряной Георгиевской медалью. О её подвиге рассказал специально приезжавший в Благовещенск для встречи с нею военный писатель Ю.Л. Елец⁴.

Позже Юдина (*Юдиха*) создала и возглавила банду, занимавшуюся грабежами и убийствами состоятельных людей, прежде всего золотопромышленников. За серию преступлений в 1907 г. была осуждена на каторгу. Под именем Антонина Искарриотова (логика трансформации фамилии: Юдина — Иуда Искарриот — Искарриото-

⁴ Елец Ю.Л. Амурская героиня. При осаде Благовещенска китайцами. М.: Типография А.С. Забалуева, 1901. 33 с.; Урманов А.В. Елец Юлий Лукьянович // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. С. 137–138.

ва) выведена в печатавшемся первоначально в газетах Матюшенского «Амурский пионер» и «Благовещенское утро» коллективном романе «Амурские волки», основным автором которого был всё тот же вездесущий А. Матюшенский (выступавший в данном случае под псевдонимами *А. Седой*, *Фантом* и *Монгол*).

В финале романа «Амурские волки» Антонина Искаротова получает 10 лет каторги, но в реальности её прототип Анастасия Юдина вышла на свободу намного раньше. Газета «Эхо» следила за дальнейшей судьбой *Юдихи*. Вот одна из заметок в разделе «Местная хроника», датированная октябрём 1913 года:

«Амурская героиня» Юдина, отбыв каторгу, упорно избегает места своего водворения и предпочитает разъезжать по всей нашей окраине, оставляя то там, то тут следы своего пребывания. Так, в 1912 году она в г. Зея-Пристань, по постановлению горного исправника, за кражу была подвергнута тюремному заключению, по отбытии которого занялась... «врачебной» практикой в селениях Зазейского района. Затем некоторое время о ней не было никаких известий. В 1913 г. она объявилась в районе приисков около Николаевска. Там за разные делишки мировой судья приговорил её к заводским работам и заключил в Николаевскую тюрьму, но приговор этот в сентябре был отменён Владивостокским окружным судом, и, таким образом, Юдина сейчас снова на свободе⁵.

Самый острый материал Чудакова об истории с Алексинским — статья «Подлые времена», подписанная псевдонимом -Ъ, который Фёдор Иванович использовал редко — обычно тогда, когда не хотел, чтобы его авторство было «расшифровано». Ибо за подобный материал в те времена легко можно было оказаться обвинённым по статье 128 Уголовного уложения. Статья эта (как и статья 129) карала ссылкой на поселение или тюремным сроком за всякого рода публичное выражение (в речи, сочинениях и т.д.) неуважения к верховной власти и за порицание существующего образа правления. Чудаков по этим статьям прежде уже ссылался на три года в отдалённый и глухой район Енисейской губернии (откуда, пробыв там половину срока, бежал в Благовещенск).

Ввиду её особой значимости, приведём статью «Подлые времена» полностью, без купюр, благо она не очень объёмна:

⁵ Местная хроника: «Амурская героиня» // Эхо. 1913. № 1434. 6 (19) октября. С. 4.

«Бывали хуже времена, но не было подлей...»⁶

Эти слова Некрасова неотвязно начинают звучать у нас в ушах всякий раз, как приходится слышать разговоры об Алексинском.

Но не кража и бегство Алексинского наводят нас на мысль о подлости переживаемого времени. И вот почему.

Всё население представляется нам в виде двух неравных по численности лагерей.

С одной стороны — горсточка разных рангов и положений воров.

С другой — всеми способами обкрадываемая многомиллионная масса.

Алексинский, как мы видим, предпочёл примкнуть к первому лагерю, и потому нужно удивляться не тому, что он украл тридцать тысяч рублей, а тому, что украл только тридцать, а не сто, не триста тысяч рублей.

При имени Алексинского нам припоминается другое — недавняя история с выборами городского головы.

Ведь ни для кого не секрет, что около Алексинского сгруппировалась тогда «маленькая, но тёплая компания», решившая во что бы то ни стало усадить его в кресло городского головы.

Всем известно, к каким приёмам прибегали в то время, чтобы расчистить Алексинскому путь к этому креслу.

В этих целях использовано было даже печатное слово.

Мы ещё помним, как распинались за Алексинского и «Амурский листок», и безупречный г. Седой.

«Голосуйте за Н.П. Алексинского!» — красовалось, между прочим, большими буквами вверху второй страницы 729-го номера «Амурского листка».

И вся эта предвыборная кампания, проведённая с энергией, достойной лучшего применения, дала свои результаты.

И.Д. Прищепенко⁷ не утверждён, П.П. Попов⁸ висел на волоске, а Алексинскому на выборах удалось набрать 21 из 56 наличных голосов, то есть более одной трети.

К счастью, среди гласных, кроме двадцати одного, нашлось ещё 14 человек, которые и дали выборный перевес в пользу конкурировавшего с Алексинским г. Попова.

⁶ «Бывали хуже времена, но не было подлей...» — цитата из начальной строфы поэмы Н.А. Некрасова «Современники» (1875): «Я книгу взял, восстав от сна, / И прочитал я в ней: / «Бывали хуже времени, / Но не было подлей». Последние две строки у Некрасова заключены в кавычки, так как фактически это цитата из рассказа «Счастливые люди», принадлежащего перу малоизвестной ныне русской писательницы Надежды Дмитриевны Хвощинской (1825–1889). Он был опубликован в журнале «Отечественные записки» (1874. № 4) под псевдонимом *В. Крестовский*.

⁷ Прищепенко Иосиф Дмитриевич (1869–?) — городской голова Благовещенска в 1914–1916 гг.

⁸ Попов Пётр Петрович (ок. 1857–1928) — городской голова в 1911–1914 гг.

А что бы было, если бы эти 14 человек не пришли на выборы, или 8 из них удалось бы завербовать в число приверженцев Алексинского?

Представьте Алексинского в роли «хозяина» города, близкого к городской кассе, в роли реализатора миллионного городского займа и строителя городского водопровода!

Сколько бы тогда могло «прилипнуть» к его рукам городских денег!?

К сожалению, мы и тогда не могли, и теперь не можем говорить об этом периоде всего того, что мы думаем.

Поэтому в данный момент приходится лишь ограничиться пожеланием, чтобы эти подлые времена не повторились и при приближающихся выборах в четвёртую Государственную думу⁹.

Разница в подходах к истории Алексинского двух газет и, соответственно, двух самых известных на тот момент амурских журналистов, очевидна. Для Матюшенского разоблачение несостоявшегося лорд-мэра и его покровителей — повод для публичного выволакивания на свет грязного белья, для привлечения внимания читателей к шокирующим подробностям частной жизни фигурантов скандала, для раскрытия и смакования их «альковных тайн». Чем громче и продолжительней был этот скандал, чем непристойней, грязней всплывали реальные и вымышленные подробности приватной жизни героев публикаций, тем, видимо, лучше — тем больше покупателей и подписчиков у «Амурского пионера». Отсюда, наверное, специфическая (почти «базарная») лексика и соответствующий тон разоблачительных публикаций газеты Матюшенского, отсюда явный перекося в сторону всякого рода интимных деталей, отсюда перевод разговора из плоскости обсуждения общественного смысла произошедшего к обличению порочных наклонностей конкретных, всем известных персон, к дискредитации их как личностей, к публичному «оголению» и издевательскому осмеянию. И всё это делалось голословно, без предъявления каких бы то ни было фактов, без свидетельств очевидцев и т.п.

Статья Чудакова — образец не только другого жанра, но и совершенно иной гражданской позиции публициста, иной логики, иной морали, иного кругозора, иного понимания того, что происходит в стране и в Благовещенске, иного словесно-образного инструментария.

Автор расставляет совершенно другие акценты, заостряет внимание на принципиально иных вещах — а именно на острейших социальных недугах России, на порочности общественно-политической системы,

⁹ -Ъ (Чудаков Ф.). Подлые времена // Эхо. 1911. № 820. 31 июля (13 августа). С. 2.

самого устройства страны, порождающего чудовищное социальное неравенство и воровство: «Всё население представляется нам в виде двух неравных по численности лагерей. / С одной стороны — горсточка разных рангов и положений воров. / С другой — всеми способами обкрадываемая многомиллионная масса». Именно такое положение вещей, по Чудакову, представляет главную общественную угрозу, именно оно, в совокупности с отсутствием свободы слова («К сожалению, мы и тогда не могли, и теперь не можем говорить об этом периоде всего того, что мы думаем»), является питательной почвой для разного рода аферистов. Чудаков пишет не о подлых людях, а о подлых временах — то есть о несовершенстве государственного устройства, его институтов, что и является главной причиной торжества подлых поступков и подлых людей.

Что касается того, что случилось в Благовещенске, то и здесь Чудаков-публицист сосредоточивается не на скандальных сторонах частной жизни конкретных лиц (хотя и не снимает с них ответственности), не на «клубничке», а на несовершенстве общественных механизмов, порождающих тотальную коррупцию властной элиты и общее падение нравов.

Некоторое время спустя Чудаков вернулся к скандальной теме, в фельетоне «Накипь дня (Но позвольте, если этак рассуждать...)» отреагировав на заметку в «Местной хронике» о перемене отношения к поступку беглого казнокрада: «Общество к Алексинскому претензий не имеет и объясняет поступок его легкомыслием»:

Но позвольте: если этак рассуждать,

То и Каина возможно оправдать:

Легкомысленно дубину в руки сгрёб,

Легкомысленно заехал брату в лоб...

Легкомыслие! Да с этаким словцом

Сам Иуда не сочтётся подлецом!

Тридцать тысяч легкомысленно украл,

Легкомысленно в Америку удрал.

В результате легкомысленный подлец —

Претендент на мученический венец...

А когда Демьян пуд сена украдёт —

Легкомысленно на каторгу идёт.

Эх, вы, люди-человеки!

Как себя-то вам не жаль?

Славься ныне и вовеки

Готтентотская мораль!

Пусть душа чернее сажи —
Эко диво! Ну, так что ж!
«Легкомысленные» кражи,
«Легкомысленный» грабёж!¹⁰

Подмеченное и язвительно прокомментированное автором фельетона изменение в общественном мнении Благовещенска по отношению к инженеру Алексинскому, растратившему крупную сумму общественных денег и сбежавшему за границу, имело свою подоплёку. В подобной «реабилитации» были заинтересованы очень влиятельные персоны, прежде всего А.Г. Чаплинский и его приближённые.

Судя по всему, именно замешанные в скандале официальные лица во главе с вице-губернатором направляли общественное мнение Благовещенска в русло «реабилитации» растратчика Алексинского. Прямо не называя причины общественной реабилитации Алексинского, Ф. Чудаков тем не менее намекает читателям газеты «Эхо», посвящённым в детали этой скандальной истории, что здесь не обошлось без двойной морали и без воздействия высокопоставленных чиновников, желающих спустить это дело на тормозах — и не из сочувствия к инженеру Алексинскому, разумеется.

Но главный смысл фельетона — неприятие автором сложившегося в царской России чудовищного социального, сословного неравенства, осуждение не только правящей «элиты», освободившей себя от судебной и какой бы то ни было нравственной ответственности, но и всего русского общества, принимающего навязываемую сверху готтентотскую, то есть пещерную, дикую, совершенно извращённую мораль.

P.S. Скандальное же дело, о котором в 1911–1912 гг. наперебой рассказывали амурские периодические издания, спустя некоторое время получило неожиданное продолжение.

Весной 1914 года газета «Эхо» сообщила очередную сенсационную новость — беглый казнокрад, о котором многие уже успели порядком подзабыть, вернулся (возвращён) в Благовещенск и ждёт суда: «Дело Н.П. Алексинского будет слушаться в выездной сессии Иркутской судебной палаты, которая прибудет сюда в конце апреля. Сам г-н Алексинский уже в Благовещенске»¹¹.

Но это уже другая история...

---

¹⁰ Язва (Чудаков Ф.). Накипь дня (Но позвольте: если этак рассуждать...) // Эхо. 1911. № 904. С. 3.

¹¹ Местная хроника // Эхо. 1914. № 1579. 12 (25) апреля. С. 3.